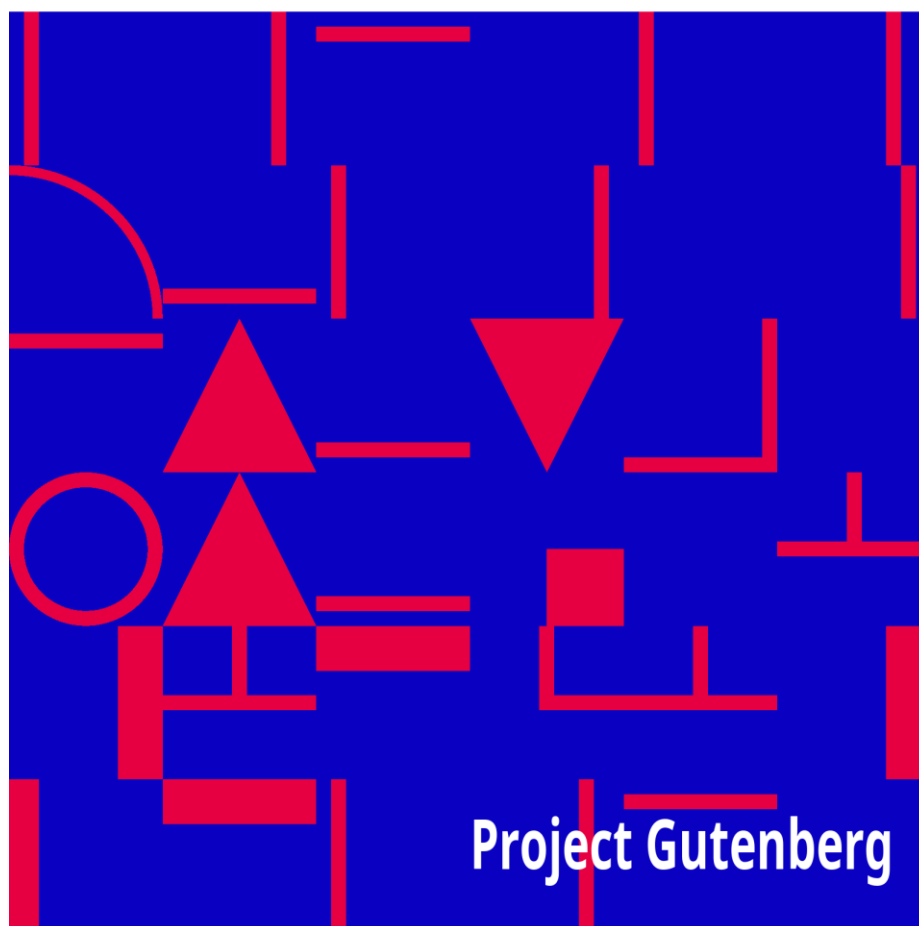

Тридцатилетняя война, 1618-1648

Сэмюэл Роусон Гардинер

The Thirty Years' War, 1618-1648

Samuel Rawson Gardiner

Электронная книга проекта Гутенберга о Тридцатилетней войне, 1618-1648

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: тридцатилетняя война, 1618-1648

Автор: Сэмюэл Роусон Гардинер

Дата выхода: 25 июня 2012 г. [Электронная книга №40082]

Последнее обновление: 23 октября 2024 г.

Язык: Английский

Титры: Продюсерами выступили Дианна Адэр, Пол Кларк и команда онлайн-корректоров на <http://www.pgdp.net> (Этот файл был создан на основе изображений, щедро предоставленных Интернет-архивом / Американскими библиотеками.)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ТРИДЦАТИЛЕТНЯЯ ВОЙНА, 1618-1648" ***

Примечание переписчика:

Было приложено все усилия, чтобы воспроизвести этот текст как можно точнее, включая англоязычное написание названий некоторых мест и людей. Внесены некоторые изменения. Они перечислены в конце текста, за исключением некоторых изменений структуры в Указателе.

Исторические эпохи

ПОД РЕДАКЦИЕЙ ЭДВАРДА Э. МОРРИСА, магистра МЕДИЦИНЫ

ЭПОХА ТРИДЦАТИЛЕТНЕЙ ВОЙНЫ, 1618-1648гг.

С. Р. ГАРДИНЕР.

ТРИДЦАТИЛЕТНЯЯ ВОЙНА 1618-1648

СЭМЮЭЛ РОУСОН ГАРДИНЕР

*Покойный студент Крайстчерч,
Автор книг "История Англии от восшествия на престол Джеймса I. до позора джастиса
Кока" и "Принц Чарльз и брак в Испании"*

НЬЮ-ЙОРК:
СКРИБНЕР, АРМСТРОНГ И КО.
1874.

Jas. B. Rodgers Co.,
Электротипические машины и принтеры,
52 & 54 N. Sixth St.,
ФИЛАДЕЛЬФИЯ.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Если кажется, что настоящая работа написана для более продвинутых студентов, чем те, для кого предназначено большинство, если не все остальные книги серии, то в качестве оправдания следует сослаться на природу предмета. Сам факт того, что она относится исключительно к континентальной истории, делает маловероятным, что младшие школьники будут подходить к ней в какой-либо форме, и, вероятно, невозможно заинтересовать очень сложные отношения между германскими государствами и другими европейскими нациями тех, кто впервые или почти впервые пытается приобрести исторические знания. Каждая история, чтобы быть историей, должна обладать собственным единством, и здесь мы не имеем единства национальной жизни, подобного тому, которое отражено в институтах Англии и Франции, даже единства великой расы суверенов, передающих традиции правления от одного поколения к другому. Единство темы, которую я выбрал, следует искать в развитии принципа религиозной терпимости по мере того, как он принимается или отвергается институтами, в рамках которых живут Германия и Франция, две основные нации, с которыми мы имеем дело. Таким образом, историю того периода можно сравнить с гигантским растворяющимся пейзажем. Когда мы входим в него, наши умы наполняются немецкими людьми и вещами. Но Германии не удастся найти решение стоящей перед ней проблемы. Постепенно Франция предстает перед нами со все большей отчетливостью. Она преуспевает там, где потерпела неудачу Германия, и захватывает нас все больше и больше, пока не заполнит все поле действия.

Но, хотя, как я уже сказал, настоящая работа не предназначена для маленьких детей, она также не предназначена для тех, кому требуются результаты оригинальных исследований. Данные для окончательного суждения об этой истории разбросаны по стольким хранилищам, что сами немцы теперь обнаружили, что полное расследование того или иного раздела, на который естественным образом распадается война, является достаточной работой для любого человека. Однако, несомненно, должно быть много людей, как в старших классах школ, так и в более продвинутой жизни, которые были бы рады узнать из вторых рук, каковы результаты недавнего

расследования в Германии причин провала последней попытки перед нашими днями создать единую немецкую нацию. Писатель, берущийся за такую задачу, с открытыми глазами сталкивается со всеми опасностями, которым подвержено повествование из вторых рук. Его впечатления менее резкие и подвержены большему риску ошибки, чем у того, кто направляется прямо к истоку фонтана. Он должен быть доволен тем, что является продавцом, а не производителем исторических произведений, зная, что от каждого вида работ есть своя польза.

Не то чтобы настоящая книга была простым собранием чужих слов. Хотя я часто без особых изменений перенимал повествования или мнения немецких писателей, я никогда не говорил ничего такого, чего не сделал бы своим собственным, пропустив это через свой разум. Воспроизводить с помощью простой пасты и ножниц отрывки из трудов людей, столь противоположных друг другу, как Ранке, Гиндели, Риттер, Опель, Хертер, Дройзен, Гфререр, Клопп, Ферстер, Виллермон, Уттеродт, Кох и другие, значило бы сбивать с толку, а не учить. И при формировании своего собственного мнения у меня было преимущество не только в том, что я привык писать по подлинным документам, но и в том, что я изучил, по крайней мере, некоторые письма и государственные документы того времени. Таким образом, например, я смог, исходя из моего знания депеш сэра Роберта Анструтера, пренебречь тщательно разработанным аргументом Дройзена о том, что Кристиан IV. участвовал в войне из ревности к Густаву Адольфу; и говорить, в противовес Онно Клоппу, о настойчивости герцогов Мекленбургских в поддержке, которую они оказывали королю Дании.

Более ценным, чем небольшие дополнительные знания, полученные таким образом, является понимание чувств и мыслей католических князей, полученное при очень поверхностном знакомстве с их собственной перепиской. Начать с попытки понять, каким человек кажется самому себе, и только после этого судить о нем по меркам суждений других, - вот, на мой взгляд, первый канон исторического портрета; и это тот канон, которым до самого недавнего времени писатели, посвященные Тридцатилетней войне, пренебрегали больше, чем изучающие любой другой раздел истории.

Мои учителя в Германии, у которых я так свободно позаимствовал, в соответствии с правилами школ, без упоминания в примечаниях, я надеюсь, примут эту маленькую книгу не как попытку сделать то, для чего они гораздо лучше подготовлены, а как выражение сочувствия, которое англичанин не может не испытывать к несчастьям, равно как и к достижениям своих сородичей на Континенте, и как попытку рассказать что-нибудь об ушедших судьбах своей расы тем из своих соотечественников, которым с юности или, исходя из условий образования, немецкая литература - это закрытая книга.

Мне остается только добавить, что даты приведены по Новому стилю. Необходимо вычесть десять дней, чтобы привести их в соответствие с теми, которые использовались в то время в Англии.

Содержание.

События английской истории, не отмеченные в тексте или только упомянутые, выделены курсивом.

ГЛАВА I.

ПРИЧИНЫ ТРИДЦАТИЛЕТНЕЙ ВОЙНЫ.

Раздел I.—*Политические институты Германии (1440-1517).*

	Страница
Дефектные национальные институты Германии	1
(a) Относились к императору	1
(b) Относились к великим вассалам	3
Предпринимались попытки навести порядок путем придания регулярной формы сейму	5
Они, хотя и имеют лишь частичный успех, не совсем бесполезны	6
Конституция сейма	6

Раздел II.—*Протестантизм в Германии (1517-1570).*

Протестантизм, приемлемый для большинства нации, но отвергнутый императором и сеймом	8
Результатом стала гражданская война, в результате которой был достигнут компромисс, названный Аугсбургским миром (1555). Его термины, неоднозначные по некоторым важным пунктам, вызывают споры	10
Но поскольку протестантизм набирает обороты, неоднозначные моменты поначалу истолковываются протестантами в свою пользу	11
Основные спорные моменты касаются права протестантов владеть епископствами и права протестантских князей на секуляризацию церковных земель	12

Раздел III.—Реакция против протестантизма (1570-1596).

Среди протестантов с ожесточением ведутся богословские споры	13
Католики, соответственно, начинают завоевывать позиции	14
И имея на своей стороне императора и сейм, способные использовать силу, а также убеждение	14
Отсутствие какого—либо народного представительства препятствует любому справедливому урегулированию спора	15

Раздел IV.—Три партии и три лидера (1596-1612).

Католики, лютеране и кальвинисты, соответственно, руководствуются Максимилианом герцогом Баварским, Иоанном Георгом курфюрстом Саксонским и Кристианом Ангальтским	15
Характер и политика Максимилиана опасны для протестантов	15
Протестанты юга более остро ощущают опасность, чем протестанты севера	17
Распространение кальвинизма, особенно на юге, объясняется большей опасностью со стороны католических государств	17
Характер и политика Кристиана Ангальтского	18

1603

*1603 г. Воцарение Якова I
Английского*

1605 г.

Пороховой заговор

1607 г.

Донауверт, оккупированный
Максимилианом

19

1608 г.	Образование Протестантского союза и Католической лиги	21
1609 г.	Борьба за наследование Клеве не приводит к открытой войне	21
1612 г.	Джон Джордж бесплодно пытается выступить посредником между католиками и кальвинистами	22
1613	<i>Женитьба Фридриха V, курфюрста Палатинского, на Елизавете, дочери английского короля Якова I.</i>	

ГЛАВА II.

БОГЕМСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ.

Раздел I.—Австрийский дом и его подданные (1600-1618).

	Политические и религиозные разногласия между правителями и их подданными	24
1609	Император Рудольф, как король Богемии, дарует Королевскую хартию Богемии	25
1611	Ему наследовал Матиас, несмотря на интриги Кристиана Ангальтского	26
	Матиас уклоняется от хартии	27
1617	Фердинанд принят чешским сеймом в качестве короля по наследственному праву	28
1618	Протестантские церкви на церковных землях объявлены незаконными. правительством Матяша; один в Браунау закрыт, другой в Клостерграбе снесен	29

Раздел II.—Революция в Праге (март-май 1618 г.).

5 марта.	Собрание протестантских сословий Богемии	29
23 мая.	Нападение во главе с Турном на регентов в Праге. Мартиниц и Славата выброшены из окна. Начало тридцатилетней войны	30

	Назначение тридцати директоров революционным правительством в Богемии	31
Раздел III.—Война в Богемии (май 1618-февраль 1619).		
13 августа.	В Богемию вторгся императорский генерал Букуа.	
	Богемцы ищут помощи за границей. Мансфельд направляет к ним войска. Он осаждает Пльзень, в то время как Турн выходит победителем против Букуа	33
ноября. 21.	Пльзень сдается	34
	Кристиан Ангальтский призывает Фридриха V, курфюрста Палатинского, вмешаться от имени Богемии и просит герцога Савойского помочь им	34
1619 февраля.	Герцог Савойский ведет переговоры о разделе австрийских владений с Фридрихом	35
Раздел IV.—Фердинанд в свою защиту (март-ноябрь 1619 г.).		
20 марта.	Смерть Матиаса	36
июня 5.	Вена, осажденная Турном. Фердинанду угрожает депутация от поместий Нижней Австрии	36
	Его доставляет конный полк, и Турн снимает осаду	37
28 августа.	Ferdinand II. избран императором	38
26 августа.	Фридрих, курфюрст Палатинский, избран королем Богемии, Фердинанд ранее был низложен	38
ноября 4.	Фридрих коронован в Праге	39
ГЛАВА III.		
ПОБЕДЫ ИМПЕРИАЛИСТОВ В БОГЕМИИ И ПФАЛЬЦЕ		
Раздел I.—Нападение на Фридриха (ноябрь 1619-январь 1621).		
1619	Максимилиан Баварский	39

	готовится к войне	
	Вена, безуспешно	40
	атакованная Бетлен Габор	
	Фридрих не находит	41
	поддержки в Союзе	
1620	Северогерманские князья	42
марта.	соглашаются на нейтралитет в	
	Мюльхаузене	
июня 3.	Испанский генерал Спинола	42
	готовится напасть на Пфальц,	
	и Союз, испугавшись,	
	подписывает Ульмский	
	мирный договор, по которому	
	соглашается соблюдать	
	нейтралитет по отношению к	
	Лиге	
23 июня.	Максимилиан с Тилли во главе	42
	своей армии входит в Австрию	
	и принуждает австрийские	
	владения подчиниться, в то	
	время как Спинола	
	уменьшает Западный Пфальц	
	Максимилиан присоединяется	43
	к Букуа и входит в Богемию	
28 сентября.	Фридрих, не сумев	44
	организовать сопротивление,	
	присоединяется к богемской	
	армии	
8 ноября.	Поражение Фридриха в битве	45
	при Белой горе, 1619 г. и	
	подчинение Богемии	
	императору	
22 января.	Фридрих наложил запрет на	46
	империю	
Раздел II.—Война в Верхнем Пфальце (январь-октябрь 1621 г.).		
1621 г.	Фридрих не оставляет	47
Январь.	надежды вернуть Богемию	
Ап. 12.	Ментцский мирный договор	47
	расторгает Союз	
	Плохой характер армии	48
	Мансфельда	
мая.	Мансфельд переходит в	49

	наступление	
августа.	Возобновление войны в Нижнем Пфальце	50
октября.	Мансфельд не смог продержаться в Верхнем Пфальце	50
октября. 10.	Подписывает обязательство распустить свои войска, но сбегает с ними в Эльзас	50
Раздел III.—Союзники Фридриха (октябрь 1621-май 1622).		
1621	Джеймс I. король Англии предлагает взять Мансфельда на жалованье, но он не может согласиться с Палатой общин и поэтому испытывает нехватку денег	50
1622	Затем он пытается добиться урегулирования германских споров с помощью Испании	51
мая..	Конференция по умиротворению Германии, состоявшаяся в Брюсселе	52
	Фридрих готовится к войне с помощью Мансфельда, маркграфа Баденского, и Кристиана Брауншвейгского, последний является протестантским администратором епископства Хальберштадт	53
	Он разоряет епархию Падерборна	55
Раздел IV.—Борьба за Нижний Пфальц (апрель-июль 1622 г.).		
Ап. 12.	Фредерик присоединяется к	57
6 мая.	Мансфельду. Тилли побеждает маркграфа Баденского при Вимпфене	
июня.	Фридрих, надеясь на успех, отказывается соглашаться на мирный договор и захватывает ландграфство Дармштадтское	58
	, но Тилли вынуждает его отступить	59

30 июня.	Поражение Кристиана Брауншвейгского при Хехсте	59
июля.	Мансфельд покидает Пфальц, а Фредерик, укрывшись в Седане, удаляется в Гаагу	60

ГЛАВА IV.

МАНСФЕЛЬД И КРИСТИАН В СЕВЕРНОЙ ГЕРМАНИИ.

Раздел I.—Поход Мансфельда в Нидерланды (июль-ноябрь 1622 г.).

1622	Тилли продолжает разрушать укрепленные пункты в Нижнем Пфальце	60
1623 13 февраля	Электорат перешел от Фридриха к Максимилиану	61
1622	г. Изменение настроений в Северной Германии	61
августа.	Мансфельд и Кристиан обосновываются в Лотарингии, а затем пытаются срезать путь через Испанские Нидерланды, чтобы присоединиться к герцогу	63
28 августа.	Битва при Флерюсе. Кристиан теряет руку	63
ноября.	Мансфельд обосновывается в Восточной Фрисландии	64

Раздел II.—Кристиан Брауншвейгский в Нижней Саксонии (ноябрь 1622-август 1623).

1622	Нижнесаксонский круг, призванный Тилли присоединиться к нему против Мансфельда, и Кристиан Брауншвейгский присоединиться к нему против Тилли	64
1623 февраля.	Военные приготовления Круга	65
6 августа.	Кристиан изгнан из Круга и разбит Тилли при Штадтлоне	66

Раздел III.—Опасность Нижнесаксонского круга (август-декабрь 1623 г.).

1623 г.	Северогерманские протестантские епископства в опасности	66
---------	---	----

августа.	Тревога в Нижнесаксонском округе	68
декабря.	Но ничего не предпринимается, и ее войска распускаются	68
Раздел IV.—Англия и Франция (октябрь 1623-август 1624).		
Октябрь.	Иностранные державы, готовые вмешаться	69
	Возвращение принца Уэльского из Мадрида	70
1624 Февраль-май	Разногласия между английской палатой общин и Джеймсом I. о способах восстановления Пфальца	70
	Положение гугенотов во Франции	72
Раздел V.—Возвышение Ришелье (август 1624-сентябрь 1625).		
Авг.	Людовик XIII. делает Ришелье своим главным министром. Он разрывается между желанием сразиться с Испанией и желанием подчинить гугенотов	72
	Положение Ришелье стало менее прочным, чем впоследствии. Ему приходится делать большие скидки на юмор короля	74
декабря.	Нападение французов на испанские гарнизоны в Вальтеллине	75
1625 Января 1625 года.-Июнь	Провал экспедиции Мансфельда, задуманной Джеймсом для возвращения Пфальца	76
января.	Планы Ришелье по более глубокому вовлечению в войну были сорваны восстанием гугенотов в Рошели	77
сентября.	Флот гугенотов разбит, но Рошель держится	77

ГЛАВА V.

ВМЕШАТЕЛЬСТВО КОРОЛЯ ДАНИИ.

Раздел I.—Кристиан IV. и Густав Адольф (1624).

Характер и положение Кристиана IV, короля Дании	78
Гений Густава Адольфа	79
Очерк ранней части его правления	80
Его интерес к германским делам	82

Раздел II.—Английская дипломатия (август 1624-июль 1625).

1624 авг.	Короли Дании и Швеции обратились к Якову I. с просьбой присоединиться к нему в восстановлении Пфальца	84
1625 января.	Английское правительство, считая требования Густава непомерными, заключает союз с Кристианом IV.	85
июня.	<i>Заседание первого парламента Карла I.</i>	
Июнь	Густав направляет свои войска против Польши	86
27 марта.	Смерть Якова I. Восшествие на престол Карла I.	86
18 июля.	Кристиан IV, стоящий во главе Круга Нижней Саксонии, вступает в войну с армией Лиги под командованием Тилли	87
августа.	<i>Роспуск первого парламента Карла I.</i>	

Раздел III.—Вооружение Валленштейна (июль 1625-февраль 1626).

Императору нужно больше сил	87
Валленштейн предлагает собрать для него армию. Рассказ о ранней жизни Валленштейна	89
Система, с помощью которой должна содержаться армия, должна быть одной из	90

	принудительных контрибуций	
	Гнетущее бремя, лежащее	91
	таким образом на страну	
	Валленштейн входит в	92
	епархии Магдебурга и	
	Хальберштадта и спокойно	
	лежит там в течение зимы	
1626	Провал мирных переговоров	93
февраля.		

Раздел IV.—*Поражение Мансфельда и Кристиана IV. (Февраль-август 1626 г.).*

1626	Численное превосходство на	94
февраль.	стороне короля Дании, но	
	империалисты превосходят	
	его в других отношениях	
	Срыв поставок, обещанных	95
	Кристиану Карлом I.	
Февраля.	<i>Заседание второго</i>	
	<i>парламента Карла I.—</i>	
	<i>Импичмент Бекингеу</i>	
Ап. 25.	Мансфельд побежден	96
	Валленштейном на мосту	
	Дессау	
июня.	<i>Роспуск второго парламента</i>	
	<i>Карла I.</i>	
27 августа.	Кристиан IV. побежден Тилли	97
	при Латтере	
	Валленштейн преследует	97
	Мансфельда в Венгрии	

ГЛАВА VI.

ШТРАЛЬЗУНД И РОШЕЛЬ.

Раздел I.—*Новые успехи Валленштейна (август 1626-октябрь 1627).*

1626	Разногласия между Лигой и	98
	Валленштейном	
ноября.	Валленштейн выступает за	98
	религиозное равенство и	
	преобладание армии	
1627	Он убеждает Фердинанда	100
января.	увеличить свою армию и	
	становится герцогом	
	Фридланда, несмотря на	
	растущее недовольство его	
	действиями	

мая-августа.	Король Дании надеется противостоять Тилли, но Валленштейн возвращается из Венгрии и овладевает Силезией	101
20 сентября.	Поражение маркграфа Баденского при Хайлигенхафене	102
октября.	Кристиан IV. летит на остров Фюнен, оставляя Ютландию Валленштейну	102

Раздел II.—Сопrotивление Валленштейну в Империи (октябрь 1627-февраль 1628).

1627 октябрь.	Собрание выборщиков в Мюльхаузене. Они жалуются на Валленштейна	103
1628	г. Торговые города Северной Германии завидуют Валленштейну	105
Февраля.	Император объявляет герцогов Мекленбургских утратившими свои земли и титулы и передает территорию Валленштейну	106
	Валленштейн тщетно пытается завоевать ганзейские города	106
	Он пытается утвердиться на побережье Балтийского моря, завладев городами	108

Раздел III.—Осада Штральзунда (август-февраль 1628 г.).

Февраль.	Поскольку Штральзунд отказывается принять гарнизон, он подвергается нападению по приказу Валленштейна	108
мая	Ему на помощь приходят Дания и Швеция	109
августа. 3.	Осада снята	110

Раздел IV.—Осада Рошели (1625-1628).

1625	Ришелье заключил бы мир с гугенотами, если бы мог	112
1626	Соглашение заключено, но ни к чему не приводит из-за	112

	ревности Карла I.	
1627	Война между Францией и Англией, экспедиция Бекингема в Ре	113
ноября.	Ришелье осаждает Рошель	114
1628	<i>Заседание третьего парламента Карла I.</i>	
Март		
Май	Неспособность английского флота прийти на помощь Рошели	115
Июнь	<i>Петиция о праве удовлетворена</i>	
авг.	Убийство герцога Бекингема	115
1 ноября.	Сдача Рошели	115
	Контраст между Францией и Германией. Веротерпимость, дарованная гугенотам	116

ГЛАВА VII.

ЭДИКТ О РЕСТИТУЦИИ.

Раздел I.—Притеснения протестантов (март 1628-май 1629).

1628	Сдача Штаде Тилли	117
март.		
1629	Валленштейну не удается взять Глюкштадт	117
января.		
марта.	<i>Роспуск третьего парламента Карла I.</i>	
22 мая.	Любекский мир между Кристианом IV. и Император	118
	Валленштейн наделен герцогство Мекленбург	118
1628	протестанты угнетенных на юге Германии	119
1629	Выпуск эдикта о реституции	120
марта. 29.		

Раздел II.—Французская интервенция в Италии (1628-1630).

1628	Война в Италии за наследование герцогства Мантуанского	121
1629	Ришелье вступает в Италию и вынуждает испанцев снять осаду Казале	122
марта.		

	Восстание Рогана на юге Франции	123
1629	Ришелье снова вступает в Италию, захватывает Пиньероль и Салюс и снова вынуждает испанцев снять осаду Казале	123
1630	Переговоры между Францией и Швецией	124

Раздел III.—Валленштейн лишен командования (март 1629-сентябрь 1630).

1629	Валленштейн наращивает свои силы	125
	Ревность между ним и католическими выборщиками	126
1630	года Собрание в Ратисбоне	127
3 июля.	Он требует, чтобы Валленштейн был лишен командования	127
4 июля.	Высадка Густава Адольфа в Германии	128
сентября.	Увольнение Валленштейна	129
	Тилли командует	130

Раздел IV.—Шведы закрепляются на побережье Балтийского моря (июль 1630-январь 1631).

Июль.	Дисциплина в шведской армии	130
	Герцог Померании подчиняется ему, но курфюрст Бранденбургский объявляет себя нейтральным	130
1651	Барвальдский мирный договор между Францией и Швецией	132

Раздел V.—Падение Магдебурга (январь-май 1631 г.).

Январь.	Успех Густава на Балтийском побережье	133
марта.	Курфюрсты Саксонии проводят протестантское собрание в Лейпциге	133
	Тилли атакует шведов, но вынужден отступить	134
Ап. 26.	Чераскский мирный договор	135

	между Францией и Англией	
15 мая.	Конвенция между Густавом и Бранденбургским курфюрстом	136
20 мая.	Магдебург взят штурмом, разграблен и сожжен	136
	Император отказывается отменить эдикт о реституции	137

ГЛАВА VIII.

ПОБЕДЫ ГУСТАВА АДОЛЬФА.

Раздел I.—Союз между шведами и саксами (июнь-сентябрь 1631 г.).

21 июня.	Густав принуждает курфюрста Бранденбургского к союзу	138
июля.	Густав в Вербенском лагере	138
августа.	Тилли призывает курфюрста Саксонии подчиниться	139
сентября.	Он нападает на Саксонию, после чего курфюрст заключает союз с Густавом	139
	Густав присоединяется к саксам	140

Раздел II.—Битва при Брайтенфельде (сентябрь 1631 г.).

17 сентября.	Победа Густава над Тилли при Брайтенфельде	141
	Интриги Валленштейна с Густавом	142
	Валленштейн и Густав вряд ли согласятся	143
	Политические и военные замыслы Густава	144
	Он ищет основу для операций на Рейне	146

Раздел III.—Поход Густава в Южную Германию (октябрь 1631-май 1632).

Октябрь.	Поход Густава на Менц	148
1632	Несмотря на возражения французов, он нападает на Баварию	149
Ап. 14.	Тилли побежден и смертельно ранен при переходе через Лех	149
мая 17.	Густав входит в Мюнхен	150

Раздел IV.—Восстановление Валленштейна в должности командующего (сентябрь 1631-

июнь 1632).

Сентябрь.	Валленштейн разрывает все отношения с Густавом	151
ноября.	Попытки примирить курфюрста Саксонии с императором	152
дек.	Временно восстановлен в командовании Имперской армией	153
1632	Характер этой армии	153
Апрель	Валленштейна, назначенного постоянным командующим	155
Май	Предлагает мир саксонцам и изгоняет их из Богемии	155
Июнь	Густав не одобряет условия мира, предложенные Валленштейном	156

Раздел V.—Борьба между Густавом и Валленштейном (июнь-октябрь 1632 г.).

Июнь	Густав и Валленштейн выступили против одного другой в Нюрнберге	157
	Усилия Густавуса по поддержанию дисциплины	159
сентября. 4.	Не удастся штурмовать позиции Валленштейна	160
сентября. 18.	Густавус покидает Нюрнберг	160
октября.	Поход Валленштейна в Саксонию	160

Раздел VI.—Битва при Лютцене (октябрь-ноябрь 1632 г.).

Окт.	Густав следует за Валленштейном в Саксонию	161
ноября. 16.	Битва при Лютцене	162
	Смерть Густава	163
	Победа шведов	164
	Невосполнимая утрата протестантов смертью Густава	164

ГЛАВА IX.

СМЕРТЬ ВАЛЛЕНШТЕЙНА И ПРАЖСКИЙ МИРНЫЙ договор.

Раздел I.—Французское влияние в Германии (ноябрь 1632-апрель 1633).

1633	Различия между Бернхардом и	166
------	-----------------------------	-----

	Оксенштерной	
П. 23.	Хайльброннская лига подписала	167
	Твердое установление власти Ришелье во Франции	168
	Вмешательство Ришелье в дела Германии	169

Раздел II.—Попытка Валленштейна навязать мир (апрель-декабрь 1633 г.).

1633 г.	Мирные переговоры Валленштейна со шведами и саксонцами	170
окт.	Он изгоняет саксов из Силезии	172
ноября.	Ратисбон, взятый Бернардом	173
	Испанская оппозиция миру, который оставил бы Испанию беззащитной перед французскими нападениями	173
декабря.	Валленштейн думает заклучить мир, независимо от того, согласится император или нет	175

Раздел III.—Сопrotивление планам Валленштейна (январь-февраль 1634 г.).

1634 г.	Онъяте, испанский посол,	175
Январь.	убеждает императора, что Валленштейн - предатель	
	Фердинанд решает сместить Валленштейна	176
19 февраля.	Валленштейн нанимает полковников , чтобы те поддержали его	177

Раздел IV.—Убийство Валленштейна (февраль 1634 г.).

18 февраля.	Валленштейн объявлен предателем	179
февраля. 21.	Гарнизон Праги выступает против него	179
февраля. 24.	Валленштейн в Эгере	179
25 февраля.	Он убит	181
	Сравнение Густава и Валленштейна	181

Раздел V.—Победы империалистов и Пражский мирный договор (февраль 1634-май 1635).

1634	Король Венгрии реорганизует	181
Февраль.	императорскую армию	
сентября. 6.	Совместно с кардиналом- инфантом он побеждает Бернхарда при Нердлингене	183
	Вытекающая из этого необходимость усиления французского вмешательства	184
1635	Пражский мир	184
30 мая.	Это не является общепринятым	185
	Записки английского путешественника	187

ГЛАВА X.

ПРЕВОСХОДСТВО ФРАНЦИИ.

Раздел I.—Открытое вмешательство Франции (май 1635 г.).

1635 г.	Протестантизм не вне опасности	189
мая.	Тесный союз некоторых князей с Францией	190
	Важность владения Эльзасом и Лотарингией	191
19 мая.	Франция объявляет войну Испании	192

Раздел II.—Успехи Испании (май 1635-декабрь 1637).

1635	Провал французского нападения на Испанские Нидерланды	192
1636	Вторжение Испании во Францию	193
4 октября.	Победа Банера при Витстоке	194
1637	Смерть Фердинанда II.	194
15 февраля.	Восшествие на престол Фердинанда III.	
	Империалистический успех в Германии	195

Раздел III.—Борьба за Эльзас (январь 1638-июль 1639).

1638	Победы Бернхарда при Брейсгау и Эльзасе	195
8 июля.	Смерть Бернхарда	196

Раздел IV.—Успехи Франции (июль 1639-декабрь 1642).

	Морские успехи Франции	197
1639	г. Испанский флот укрылся в Даунсе	198
	Разрушен голландцами	198
1640	года во время восстания в Каталонии	199
ноября.	Независимость Португалии	200
1641	Поражение империалистов при Вольфенбюттеле	201
1642	Поражение империалистов при Кемптене	201
авг.	<i>Карл I. устанавливает свой штандарт. Начало гражданской войны в Англии</i>	
4 декабря.	Смерть Ришелье	201

Раздел V.—Цели и характер Ришелье (декабрь 1642-май 1643).

	Внутренняя политика Ришелье	201
	Контраст между Францией и Англией	202
	Внешняя политика Ришелье	203
	Умеренность его целей	204
1643	Смерть Людовика XIII	205
14 мая.		

Раздел VI.—Новые победы Франции (май 1643—август 1645).

1643	Правление кардинала Мазарини	205
19 мая.	Энгиен побеждает испанцев при Рокруа	206
	Французы держали в узде Германию	207
1644	гг. Энгиен и Тюренн. Битва при Фрейбурге	208
июля	<i>Битва при Марстон-Муре</i>	
1645	Вторая битва при Нердлингене	208
августа. 3.		
марта. 6.	Победа шведов при Янкове	209

ГЛАВА XI.

КОНЕЦ ВОЙНЫ.

Раздел I.—Стратегия Тюренна (июнь 1645-октябрь 1648).

1645	Переговоры о мире начались	209
июня.	<i>Битва при Нейсбю</i>	
	Цели императора и герцога Баварского	210
1646	г.Тюренн перехитрил империалистов	212
1647	Перемирие между французами и баварцами	213
май-сентябрь.		
1648	Поражение баварцев при Зусмарсхаузене	213
года, 17 мая.		

Раздел II.—Вестфальский мирный договор (октябрь 1648 г.).

1648 г.	Условия мира	213
24 октября.	Насколько это повлияло на терпимость	214
	Общее стремление к миру	217

Раздел III.—Положение Германии.

Обесценивание последствий войны	217
убыль населения	218
нравственного и интеллектуального упадка	218
распад Германии	220
протестантизм спасен, а вместе с ней и будущее культуры Германии	220

раздел IV.—Продолжение войны между Францией и Испанией (1648-1660).

1648	признание независимости голландской Республики	221
1649	<i>казнь Карла I.</i>	
	Фронды	222
	Продолжение войны с Испанией	223
	Союз между Францией и Кромвелем	223
1660 г.	Пиренейский мирный договор	224
	Величие Франции основано на терпимости	225
	Нетерпимость Людовика XIV. и падение французской	226

ТРИДЦАТИЛЕТНЯЯ ВОЙНА.

ГЛАВА I. ПРИЧИНЫ ТРИДЦАТИЛЕТНЕЙ ВОЙНЫ.

Раздел I.—*Политические институты Германии.*

§ 1. Отсутствие национальных институтов в Германии.

Несчастьем Германии в шестнадцатом и семнадцатом веках было то, что при наличии большинства условий, необходимых для формирования национального единства, у нее не было действительно национальных институтов. Там был император, который был чем-то похож на английского короля, и Сейм, или Генеральная ассамблея, которая выглядела чем-то вроде английского парламента, но внешне сходство было гораздо больше, чем на самом деле.

§ 2. Император.

Император был выбран тремя церковными выборщиками, архиепископами Менца, Тревеса и Кельна, и четырьмя мирскими выборщиками, курфюрстом Палатинским, курфюрстами Саксонии и Бранденбурга и королем Богемии. Теоретически он был преемником римских императоров Юлия и Константина, правителем мира или, по крайней мере, той его части, которую он мог подчинить своему влиянию. Более конкретно, он был преемником Карла Великого и Оттона Великого, мирского главы Западного христианского мира. Император Сигизмунд на смертном одре распорядился, чтобы его тело несколько дней пролежало в торжественной обстановке, чтобы люди могли увидеть, "что владыка всего мира мертв". "Мы избрали вашу светлость, - сказали курфюрсты Фридриху III, - главой, защитником и правителем всего христианского мира". И все же было бы трудно найти хоть один фрагмент реальности, соответствующий великолепию этого заявления.

§ 3. Германское королевство.

Однако, что касается рассматриваемого периода, хотя имя императора было сохранено, нет необходимости беспокоиться о правах, реальных или мнимых, связанных с императорским достоинством. Карл Великий, до того как на него была возложена императорская корона, правил как король, с национального согласия или путем завоевания, над значительной частью Западной Европы. Когда его владения были разделены между его преемниками, правление этих преемников в Германии или где-либо еще не имело необходимой связи с императорской короной. Генрих Птицелов, один из величайших королей Германии, вообще никогда не был императором, и хотя после правления его сына Оттона Великого немецкие короли заявили о своем праве на императорскую корону от папы римского, они никогда не

упускали случая получить особую немецкую корону в Ахене (*Экс-ла-Шапель*) или во Франкфурте как символ своего главенства над немецкими землями и немецкими мужчинами.

§ 4. Его связь с Империей.

Поэтому, когда писатели 16-17 веков говорят о правах императора в Германии, они на самом деле имеют в виду права императора в его качестве германского короля, точно так же, как когда они говорят об Империи, они имеют в виду то, что мы называем Германией, вместе с некоторыми прилегающими районами, такими как Швейцария, Нидерланды, Лотарингия и Восточная Бургундия или Франш-Конте, которые сейчас, за исключением Эльзаса и недавно завоеванной части Лотарингии, не включены под этим названием. Точно так же простые осколки феодального господства и уплата феодальных повинностей, на которые претендовали императоры Италии, принадлежали им не как императорам, а просто как итальянским королям и носителям железной короны Ломбардии, которая, как рассказывали легенды, была сделана из гвоздей, снятых с креста Спасителя.

§ 5. Некоторая путаница неизбежна.

Не то чтобы было разумно, даже если бы это было возможно, поступить иначе, чем следовать практике современников. Странная форма "Император Германии", с помощью которой в более поздний период люди, незнакомые с историей Германии, пытались согласовать старые претензии с чем-то похожим на действительный факт, еще не была изобретена. И, в конце концов, исторические путаницы, использование слов и названий при изменении их значения - это так много знаков, напоминающих нам о единстве сменяющих друг друга поколений и о невозможности ни одного из них строить заново, не обращая внимания на устои своих отцов. Все, что нужно, - это помнить, что император более поздних времен - это персонаж, права и функции которого можно выгодно сравнить с правами и функциями Генриха VIII. Англии или Людовика XIV. Франции, а не с Юлием или Константином, преемником которых он себя называл.

§ 6. Великие вассалы.

"Отнимите права у императора, - говорилось в своде законов пятнадцатого века словами, которые поразили бы старого римского законодателя, - и кто сможет сказать: "Этот дом мой, эта деревня принадлежит мне"? Но князья и епископы, графы и города, которые были рады заявить от своего имени, что их земли принадлежат непосредственно главе Империи, позаботились о том, чтобы предоставить ему едва ли какую-либо реальную власть. Это царственное достоинство, которое носило название Империи, действительно было очень слабым. Она так и не переросла потребности Средневековья и по сути все еще оставалась феодальным королевством. Из-за обстоятельств, на рассмотрение которых здесь потребовалось бы слишком много места, оно не смогло встать во главе национальной организации и стать защитником прав земледельцев и городских бюргеров, которым не нашлось места в рядах феодального рыцарства.

§ 7. Их независимость.

Непосредственные вассалы империи, по сути, были почти независимыми суверенами, как герцоги Нормандии во Франции десятого века или герцоги Бургундии во Франции пятнадцатого века. Они ссорились и воевали друг с другом, как короли Англии и Франции. Их собственные

вассалы, их собственные крестьяне, их собственные города могли достигаться до императора только через них, если кто-то вообще считал нужным связаться с ним.

§ 8. Перспектива упорядочения.

Перспектива возрождения германской королевской власти, которая скрывалась под августейшим титулом императора, казалась далекой в начале пятнадцатого века. Но в то время как Империя в ее старом понимании, с ее претензиями на всемирное господство, была мечтой, этому немецкому королевству требовалась лишь мудрость от того, кто занимал трон, чтобы овладеть национальным чувством, которое, несомненно, рано или поздно потребовало бы национального правителя, чтобы облечься всей властью, которая была необходима для поддержания единства и безопасности немецкого народа. То, что, когда пришло время, человека, способного воспользоваться предоставленной возможностью, не оказалось рядом, было главной из причин той печальной трагедии разобщенности, кульминацией которой стала Тридцатилетняя война.

§ 9. Попытки навести порядок.

В середине пятнадцатого века была предпринята попытка ввести систему регулярных собраний под названием сейма, чтобы остановить волну анархии. Но самому мудрому государственному деятелю из ныне живущих никогда не приходило в голову призывать к какому-либо общему представительству народа. В старых феодальных собраниях не принимал участия никто, кто не был непосредственным вассалом империи, и сейм провозглашал себя лишь более регулярной организацией старых феодальных собраний.

§ 10. Сейм, или генеральные собрания Империи.

Следовательно, из сейма были строго исключены все подданные территориальных князей. Каковы бы ни были их желания или мнения, они не имели ни роли, ни жребия в советах нации. В сейме не было ничего, что отвечало бы этим представителям английских графств, людям недостаточно великим, чтобы принять статус независимых князей, и недостаточно мелким, чтобы довольствоваться просто беспрекословной регистрацией постановлений тех, кто стоит у власти, кто вместе с нами сделал больше, чем любой другой класс, для сплочения города и страны, короля и народа. Даже менее могущественные из ближайших вассалов не принимали участия в этих собраниях. Подобно мелким баронам раннего правления Плантагенетов, они потеряли положение, на которое, казалось, имели право, поскольку владели своими несколькими квадратными милями земли так же непосредственно от императора, как герцоги Баварии или курфюрсты Саксонии владели прекрасными княжествами, которыми они правили.

§ 11. Принцы мало заботятся о Диете.

Такой орган был больше похож на конгресс представителей европейских суверенов, чем на английский парламент. Каждый член пришел по своему усмотрению. Он мог выражать или не выражать чувства своих подданных, и даже если бы он это делал, он, естественно, предпочитал решать все, что ему заблагорассудится, дома, чем позволять обсуждать этот вопрос собранию равных ему. Курфюрст Саксонии, ландграф Гессена или эрцгерцог Австрии знал, что налоги взимаются, армии обучаются, мирские и духовные нужды удовлетворяются при его собственном дворе в Дрездене, Касселе или Вене, и он не хотел, чтобы было иначе. И это было нелегко, даже когда принц вел себя настолько несносно, что навлек на себя осуждение своих

собратьев, подвергнуть его наказанию. Он действительно мог быть подвергнут запрету Империи, своего рода светскому отлучению от церкви. Но если бы он сам был могущественен и имел влиятельных друзей, привести это в исполнение было бы трудно. Было бы необходимо развязать против него войну, и эта война могла бы оказаться неудачной.

§ 12. Установился какой-то порядок.

Тем не менее, в конце пятнадцатого и начале шестнадцатого веков был достигнут некоторый прогресс. Возник Имперский суд (*рейхскаммергерихт*), назначаемый в основном князьями Империи и уполномоченный выносить решения по делам, возникающим между правителями различных территорий. Чтобы обеспечить лучшее исполнение приговоров этого суда, Германия была разделена на круги, в каждом из которых князьям и городам, имевшим право голоса в сейме империи, было разрешено собираться вместе и вводить войска для поддержания порядка.

§ 13. Три палаты парламента.

Эти князья, миряне и церковники, вместе с городами, находившимися непосредственно в пределах Империи, назывались Поместьями Империи. Когда они собирались в генеральном сейме, они голосовали в трех палатах. Первая палата состояла из семи выборщиков, хотя полное число было только на выборах в империю. На всех обычных собраниях, посвященных принятию законов или распределению дел, король Богемии не присутствовал, и присутствовали только шесть выборщиков. Следующей палатой была Палата князей, включавшая всех тех лиц, мирян или священнослужителей, которые имели право заседать в сейме. Наконец, появились Свободные имперские города, единственный популярный элемент в рациионе. Но к ним относились как к явно неполноценным двум другим домам. Когда выборщики и принцы согласовывали предложение, тогда и только после этого оно передавалось в Палату городов.

§ 14. Города слишком слабы.

Особый риск, связанный с такой конституцией, заключался в том, что она предусматривала почти исключительно удовлетворение потребностей принцев и выборщиков. В сейме, в высших кругах и при императорском дворе князья и курфюрсты пользовались преобладающим, если не совсем исключительным влиянием. В обычное время никакой опасности могло и не быть. Но если наступят экстраординарные времена, если какое-либо великое движение охватит всю нацию, вполне может случиться так, что нация окажется на одной стороне, а принцы и выборщики - на другой. И если бы это было так, то было бы очень трудно привести нацию в гармонию с ее институтами. В Англии суверен мог изменить враждебное большинство в Палате лордов путем нового создания пэров, а избирательные округа могли изменить враждебное большинство в Палате общин путем новых выборов. В Германии не было Палаты общин, и император, который попытался бы создать новых князей из ближайших вассалов, которые были слишком слабы, чтобы быть вызванными на сейм, только выставил бы себя на посмешище, пытаясь обуздать реальных обладателей власти с помощью тех, у кого была только видимость власти.

Раздел II.—Протестантизм в Германии.

§ 1. Немецкий народ выступает за протестантизм; сейм выступает против него.

Когда в шестнадцатом веке протестантизм внезапно поднял голову, институты империи подверглись крайнему испытанию. Ибо основная масса нации высказалась за перемены, и сейм был составлен так, что стал враждебен переменам, как только стало ясно, что он, вероятно, примет направление лютеранства. В Палате выборщиков, действительно, голоса трех церковных выборщиков были встречены голосами трех мирян-выборщиков. Но в Доме князей было тридцать восемь духовных сановников и всего восемнадцать мирян. Короче говоря, это был орган, подобный английской палате лордов до Реформации, и в нем не было Генриха VIII. привести его в соответствие с направлением, которое приняло мирское общество, посредством какого-либо акта, эквивалентного роспуску монастырей и последующему исключению митрофорных настоятелей из их рядов в парламенте. Провести меры, благоприятные для протестантизма, через такую палату было просто невозможно. И все же вряд ли можно сомневаться, что действительно национальный парламент принял бы лютеранство, более или менее измененное, в качестве религии нации. До того, как протестантизму исполнилось пятьдесят лет, несмотря на все трудности, девяносто процентов населения Германии были протестантами.

§ 2. Большинство князей-мирян принимают его.

В отсутствие общенациональных действий в пользу протестантизма он был принят и поддержан большинством князей-мирян и выборщиков. Таким образом, в Германии был введен новый принцип дезинтеграции, поскольку эти князья были вынуждены действовать вопреки взглядам, принятым сеймом.

§ 3. Император Карл V.

Если сейм вряд ли мог играть роль английского парламента, то и император вряд ли мог играть роль Генриха VIII. В интересах Германии Карл V, который был избран в 1519 году, был слаб там, где ему следовало быть сильным, и силен там, где ему следовало быть слабым. Как император, он был никем. Как феодальный суверен и национальный правитель, он был очень незначителен. Но он также был принцем Империи, и как таковой он правил австрийскими герцогствами и Тиролем. Более того, он был одним из самых могущественных государей Европы. Он был королем Испании и Индии со всеми их рудниками. В Италии он распоряжался Неаполем и Миланом. Сицилия и Сардиния принадлежали ему, и под разными титулами он правил осколками старого бургундского наследства, Франш-Конте, и семнадцатью провинциями Нидерландов. Такой человек повлиял бы на ход дел в Германии с весом, несоизмеримым с его положением в конституции Германии. И, к несчастью, обладая властью иностранного монарха, он привнес ум иностранца. В жилах его матери текла испанская кровь, и он испытывал инстинктивное отвращение испанца ко всему, что имело привкус противодействия доктринам Церкви. "Этот человек, - сказал он, впервые увидев Лютера, - никогда не сделает меня еретиком".

1552.

§ 4. Пассауская конвенция.

Естественным результатом этого антагонизма между меньшинством принцев, поддерживаемых большинством нации, и большинством принцев, поддерживаемых императором, который также был иностранным сувереном, стала гражданская война. В конце концов, триумф протестантов был настолько обеспечен, что они вынудили своих противников в 1552 году уступить

Пассаускому конвенту, в соответствии с которым было решено провести Сейм как можно скорее для всеобщего умиротворения.

1555

§ 5. Аугсбургский мир.

Этот сейм, который был собран в Аугсбурге в 1555 году, собрался при удивительно благоприятных обстоятельствах. Карл V, сбитый с толку и разочарованный, сошел со сцены и оставил после себя в качестве своего представителя своего более склонного к примирению брата Фердинанда, который уже был королем Венгрии и Богемии и был его будущим преемником в немецких владениях Австрийского дома. И он, и ведущие люди с обеих сторон стремились к миру и завидовали влиянию, которое Филипп, сын Карла V, и его преемник в Испании, Италии и Нидерландах могли бы приобрести в результате продолжения войны.

§ 6. Его условия.

Было нетрудно договориться о том, чтобы протестантские князья, которые до принятия Пассауского конвента захватили церковную собственность на своих территориях либо для своих собственных целей, либо для поддержки протестантского богослужения, больше не подчинялись закону или авторитету католического духовенства. Реальная трудность возникла в обеспечении будущего. Поскольку протестантизм становился все более распространенной религией, князья могли быть склонны продолжить секуляризацию церковной собственности, все еще остававшейся нетронутой на их собственных территориях; и, кроме того, было возможно, что даже сами епископы или аббаты, будучи князьями Империи, могли быть склонны отказаться от своей религии и принять протестантизм.

§ 7. Могут ли князья захватить больше земель?

Первая из этих трудностей была оставлена договором в некоторой тени; но, судя по акценту, сделанному на отказе католиков от земель, секуляризованных до Пассауского конвента, кажется, что они могли бы справедливо настаивать на том, что они никогда не отказывались от своих притязаний на земли, которые на тот момент не были секуляризованы.

§ 8. Могут ли церковники стать протестантами?

Вторая трудность привела к долгим обсуждениям. Протестанты желали, чтобы любому епископу или аббату, которому заблагорассудится, было позволено обратиться в протестантизм, и тогда они могли бы утвердить протестантизм в качестве религии своих подданных. Католики настаивали на том, что любой епископ или аббат, изменивший свою религию, должен быть вынужден покинуть свой пост, и такая точка зрения на дело возобладала под названием Церковной резервации. Далее было решено, что мир должен распространяться только на лютеранскую церковь, поскольку ни одно другое исповедание еще не было принято ни одним из князей.

§ 9. Опасности будущего.

Такой мир, каким бы приемлемым он ни был в то время, был чреват будущим злом. Благодаря своему происхождению благодаря Сейму, в котором все устраивалось принцами и курфюрстами, он решал все вопросы так, как будто никто, кроме принцев и курфюрстов, не был заинтересован в этом вопросе. И, помимо этого, существовала совершенно не свойственная

государству нехватка средств для будущих перемен. 1552 год должен был обозначить линию, по которой религиозные институты Германии должны были измеряться на все времена. В таком законодательстве не было ничего гибкого. С одной стороны, оно не принимало религию подавляющего большинства в качестве установленной религии Империи. С другой стороны, оно не принял принцип религиозной свободы. Думая о себе и своих правах, князья забыли о немецком народе.

§ 10. Новые посягательства на церковные земли.

Барьеры, воздвигнутые против протестантизма, были настолько явно искусственными, что вскоре рухнули. Князья требовали права продолжать секуляризацию церковных земель на своих территориях как неотделимого от их общего права обеспечивать религию своих подданных. В любом случае, на их стороне была мощь. Говорят, что только в Пфальце жертвами стали около сотни монастырей, и почти такое же количество - остатки более богатого урожая, собранного до Пассауского конвента, - было захвачено в Северной Германии.

§ 11. Церковная резервация.

Церковная оговорка распространялась на другой класс собственности, а именно на епископства и аббатства, находящиеся непосредственно в ведении Империи. Здесь протестанты тоже нашли предлог для уклонения от выполнения Аугсбургского мирного договора. Цель оговорки, утверждали они, состояла не в том, чтобы сохранить епископство в руках католиков, а в том, чтобы предотвратить ссоры, возникающие между епископами и их капитулами. Таким образом, если епископ, избранный католиком, решил перейти в протестантство, он должен отказаться от своей кафедры, чтобы не оскорблять католический капитул. Но если капитул, сам по себе уже протестантский, избрал протестантского епископа, он мог без колебаний занять престол и удерживать его до конца своей жизни.

§ 12. Северные епископства протестантские.

Таким образом, восемь великих северных епископств вскоре перешли под власть протестантов. Не то чтобы протестантский житель был епископом в каком-либо реальном смысле этого слова. Он был просто избранным князем, называвшим себя епископом или, что часто более скромно, администратором и занимавшимся мирскими делами своих владений.

§ 13. Хорошие и плохие стороны соглашения.

В некоторых отношениях договоренность была хорошей. Население этих территорий было в основном протестантским, и у них не было причин жаловаться. Кроме того, если бы только достаточное количество этих епископств могло перейти в протестантизм, то искусственное большинство в сейме могло бы быть отменено, и собрание получило бы более подлинное представительство нации, чем то, которое существовало ранее. Но следует признать, что все это имело уродливый вид; и неудивительно, что католики объявили этих администраторов вообще никакими епископами и не имеющими права владеть епископскими землями или занимать свои епископские места в сейме Империи.

Раздел III.—*Реакция против протестантизма.*

§ 1. Богословские споры между протестантами.

Со временем протестантизм, в свою очередь, подвергся нападкам. Вскоре при каждом мелком дворе появилась своя школа теологов, чьи умы были ограничены пределами круга, на который они влияли своей логикой и красноречием. Им не хватало здорового чувства, которое возникает от действия на большой сцене. Ожесточенно препираясь друг с другом, они стремились призвать светское оружие против своих противников. Воспользовавшись случаем, новоиспеченный орден иезуитов выступил вперед, чтобы призвать к тишине от имени обновленной Папской церкви, единственной, как они настаивали, способной принести мир вместо раздора, уверенность вместо споров. Протестанты оказались в невыгодном положении. Энтузиазма национальной жизни, который отталкивал иезуитов в Англии шестнадцатого века, и энтузиазма научного знания, который отталкивал их в Германии девятнадцатого века, одинаково не хватало Германии, в которой национальная жизнь была мечтой о прошлом, а наука - мечтой о будущем. Лютер давно ушел из мира. Последние дни Меланхтона прошли в безнадежном протесте против окружавшего его зла. "По двум причинам, - сказал он, лежа на смертном одре, - я желаю покинуть эту жизнь: во-первых, чтобы я мог насладиться зрелищем Сына Божьего и Церкви на Небесах, которого я так жажду. Затем, чтобы я мог освободиться от чудовищной и непримиримой ненависти теологов".

§ 2. Католики добиваются прогресса.

Перед лицом разделенного народа, своекорыстных правителей и противоречивых теорий иезуиты проложили свой путь. Шаг за шагом католическая реакция набирала силу, не без принуждения, но и не без той моральной силы, которая делает принуждение возможным. Епископы и аббаты предоставили своим подданным выбор между обращением в христианство и изгнанием. Попытка архиепископа Кельнского жениться и перейти в протестантство слишком явно противоречила Церковным Заповедям, чтобы преуспеть, и когда протестантское большинство Страсбургского капитула избрало протестантского епископа, они вскоре были подавлены. Протестантскому архиепископу Магдебургскому, предложившему занять его место среди князей Империи на сейме, было отказано в приеме, и хотя ничего не было сделано, чтобы лишить его и других северных администраторов их престолов, все же на их титул было брошено пятно, которое они стремились стереть. Несколько лет спустя было принято юридическое решение по делам четырех монастырей, секуляризованных после Пассауского конвента, и это решение противоречило требованиям протестантов.

§ 3. Споры, которые в конечном итоге привели к войне.

Из этих двух споров — спора о протестантских администраторах и спора о секуляризованных землях — возникла Тридцатилетняя война. Католическая партия придерживалась строгой буквы закона, по крайней мере, в соответствии с их собственной интерпретацией, и просила, чтобы все было заменено в том состоянии, в котором оно находилось в 1552 году, в день принятия Пассауского конвента. Протестантская точка зрения о том, что следует учитывать изменения, многим из которых в конце шестнадцатого века было по меньшей мере поколение назад, могла соответствовать закону, а могла и не соответствовать, но это, безусловно, соответствовало желаниям большей части населения, затронутого ими.

§ 4. Отсутствие народного представительства.

Есть все основания полагать, что, если бы Германия обладала чем-то вроде народного представительства, ее голос высказался бы в пользу какого-либо компромисса. Нет никаких следов какой-либо взаимной вражды между населением католических и протестантских округов, кроме их правителей.

Раздел IV.—Три партии и три лидера.

§ 1. Лидеры партий.

Два человека выступили вперед, олицетворяя элементы раздора, — Максимилиан, католический герцог Баварии, и кальвинистский принц Кристиан Ангальтский, в то время как самым горячим сторонником мира был Джон Георг, лютеранский курфюрст Саксонии.

§ 2. Максимилиан Баварский.

Максимилиан Баварский был единственным светским князем, имевшим какое-либо значение на стороне католиков. Он давно был известен как мудрый администратор своих владений. Ни у одного другого правителя не было столь хорошо наполненной казны или столь дисциплинированной армии. Ни один другой правитель не был так способен разрабатывать планы, которые, вероятно, заслужили бы одобрение других, или так терпеливо ждать, пока не наступит подходящее время для их исполнения. "То, что делает герцог Баварский, - сказал один из его самых проникательных оппонентов, - имеет руки и ноги". Его планы, когда они были запущены в жизнь, казалось, сами по себе привели к успеху.

§ 3. Его любовь к законности.

Такой человек вряд ли стал бы придерживаться диких теорий, которые возникали то тут, то там, о необходимости искоренять протестантизм во все времена и во всех местах, или заявлять, как заявляли некоторые, что Аугсбургский мир недействителен, поскольку он никогда не был подтвержден папой. Для него Аугсбургский мир был юридическим урегулированием, посредством которого должны были решаться все вопросы. То, что он там прочитал, было враждебно протестантским администраторам и секуляризирующимся князьям. И все же он не собирался воплощать свои взгляды в немедленные действия. Он подождет удобного случая. Но он сделает все возможное, чтобы быть сильным, чтобы его не нашли нуждающимся, когда представится возможность, и, несмотря на его энтузиазм в отношении законных прав, было отнюдь не маловероятно, что, если возникнет трудный момент, он может быть склонен использовать закон в свою пользу.

§ 4. Опасность протестантов.

Такой оппонент, такой умеренный и в то же время такой решительный, был гораздо более опасным врагом протестантов, чем самый откровенный оратор, выступающий против их доктрин. Естественно, протестанты сочли его взгляды совершенно неприемлемыми. Они подразумевали не что иное, как насильственное обращение тысяч протестантов, которые были жителями владений администраторов, и занятие католическим духовенством выгодных позиций, которые могли бы послужить им в их операциях на прилегающих территориях. Верно, что это изменение, если бы оно было произведено, просто привело бы к изменению положения дел, которое было признано терпимым в 1552 году. Но то, что можно было вынести, когда

католики были слабы и подавлены, могло стать невыносимой угрозой, когда они были уверены в себе и агрессивны.

§ 5. Опасность протестантов.

Соппротивление, таким образом, стало долгом, на который князья тем более склонны были обращать внимание, что это совпадало с их частными интересами. В епископствах и капитулах они находили пропитание для своих младших сыновей, от которого они были бы лишены, если бы протестанты были впоследствии исключены.

§ 6. Протестанты севера и юга.

Единственный вопрос заключался в том, в каком духе следует оказывать сопротивление. Узы, которые связывали Империю воедино, были настолько слабыми, а сопротивление закону, или тому, что считалось законом, с такой вероятностью могло привести к сопротивлению закону в целом, что протестантам тем более необходимо было правильно выбирать почву для своих действий. И, по крайней мере, в Германии вряд ли была предпринята какая-либо поспешная провокация, чтобы дать Максимилиану повод для возвращения епископства. Далеким от опасности, этим северным лютеранам было трудно представить, что вообще существует какая-либо реальная опасность. Южные штаты, подобно клину, вбитому в сердце европейского католицизма, были вынуждены из-за своего географического положения постоянно быть на чеку. Они знали, что являются передовой гвардией протестантизма. На одном фланге находилось католическое герцогство Бавария и епископства Вюрцбург и Бамберг. На другом фланге находились церковные курфюршества на Рейне и Мозеле, епископства Вормс, Шпайерс и Страсбург, австрийские земли в Швабии и Эльзасе, а также длинная линия испанской границы во Франш-Конте и Нидерландах, где стояли гарнизоны войск первой военной монархии в Европе. Что удивительного, если люди, подвергшиеся такой опасности, поспешили разрубить узел, который угрожал их задушить, и встретить врага, бросившись ему в лицо, а не ожидая нападения, которое они считали неизбежным.

§ 7. Распространение кальвинизма.

Под влиянием этого чувства князья этих южных областей по большей части приняли религию, сильно отличающуюся от придворного лютеранства севера. Если Вюртемберг оставался лютеранским под влиянием Тюбингенского университета, то правители Пфальца, Гессен-Касселя, Баден-Дурлаха, Цвейбрюккена искали силы в железной дисциплине кальвинизма, формы религии, которая всегда пользовалась успехом, когда возникала непосредственная перспектива смертельной схватки с Римом.

§ 8. Куртуазный характер кальвинизма в Германии.

К несчастью, немецкий кальвинизм отличался от кальвинизма Шотландии и Нидерландов. Из-за того, что его приняли скорее князья, чем народ, ему не удалось добиться того стойкого роста, который сделал его непобедимым на своей родной земле. В нем было меньше армейской дисциплины, менее решительного неповиновения, в целом меньше силы. И хотя он был слабее, он был более провокационным. Лишенные преимуществ Аугсбургского мира, не знавшие ни одной протестантской организации, кроме лютеранской, кальвинисты были склонны говорить об институтах Империи в столь пренебрежительной манере, что оскорбляли как лютеран, так и католиков.

§ 9. Фридрих IV, курфюрст Палатинский.

Олицетворением этого кальвинистского чувства стал христиан из Ангальта. Руководство кальвинистскими государствами в начале семнадцатого века, естественно, перешло бы к Фридриху IV, курфюрсту Палатинскому. Но Фредерик был неисправимым пьяницей, и его советникам во главе с Христианом пришлось действовать от его имени.

§ 10. Христиан из Ангальта.

Христиан Ангальтский обладал неистощимо плодовитым умом. Как только один план, который он разработал, казался невыполнимым, у него был готов другой. Он был прирожденным дипломатом, и все главные политики Европы были ему хорошо известны по рассказам, в то время как со многими из них он поддерживал тесные личные отношения. Его ведущая идея заключалась в том, что поддержание мира безнадежно и что либо протестантизм должен избавиться от Австрийского дома, либо Австрийский дом избавится от протестантизма. Было ли это правдой или ложью, несомненно, что он совершил ужасную ошибку, недооценив своего врага. В то время как Максимилиан обучал солдат и экономил деньги, Христиан полагался только на дипломатическую тонкость. Он понятия не имел о том упорстве, с которым люди будут цепляться за институты, какими бы прогнившими они ни были, пока не почувствуют уверенности, что их заменят другие институты, или о силе, которую Максимилиан черпал из видимости консерватизма, которым были окутаны его революционные замыслы даже от его собственного наблюдения. Чтобы дать протестантизму то развитие, которое, по мнению христиан, было необходимо для его безопасности, было бы необходимо свергнуть власть императора и Сейма. И если император и сейм были свергнуты, что мог предложить Христиан, чтобы спасти Германию от анархии? Если бы его план включал, а в этом почти нет сомнений, захват земель соседних епископов и новую секуляризацию церковной собственности, даже протестантские города могли бы начать задаваться вопросом, не наступит ли их очередь следующими. Возвращение к старым временам частной войны и закону сильнейшего приветствовалось бы очень немногими.

1607

§ 11. Оккупация Донауверта.

В 1607 году произошло событие, поднявшее тревогу южных протестантов из-за лихорадочной жары. В вольном городе Донауверт настоятель монастыря счел нужным отправить процессию, чтобы выставить напоказ свои знамена перед лицом почти полностью протестантского населения. Прежде чем была восстановлена исходная точка, ее забросали грязью и камнями, а с некоторыми из тех, кто принимал участие в происходящем, грубо обошлись. Императорский суд (*рейхскаммергерихт*), в обязанности которого входило улаживать подобные ссоры, вышел из строя из-за религиозных споров; но существовал Имперский совет (*рейхсхофрат*), состоящий из выдвиженцев императора и заявляющий, что действует исходя из полноты имперской власти. Этим советом Донауверт был изгнан из Империи без надлежащего судебного разбирательства, и Максимилиан был назначен исполнять указ. Он немедленно ввел в это место небольшую армию и, вступив во владение городом, заявил о своем намерении удерживать его до тех пор, пока не будут оплачены все расходы, а тем временем передал приходскую церковь католическому духовенству. Он был передан протестантскому богослужению только после принятия Пассауского конвента, и Максимилиан мог убедить себя, что он всего лишь исполняет закон.

1608

§ 12. Сейм 1608 года.

Это был вопиющий случай религиозной агрессии во имя закона. Известие о том, что частичный трибунал готов привести в исполнение жалобы католиков, сразу же бросило крупные протестантские города Юга — Нюрнберг, Ульм и Страсбург - в объятия соседних князей, которым они до сих пор завидовали. И все же в политике этих князей было многое, что вряд ли могло бы их успокоить. На сейме 1608 года представители курфюрста Палатинского были первыми, кто потребовал, чтобы меньшинство не было связано большинством в вопросах налогообложения или религии; то есть, чтобы они не вносили свой вклад в общую оборону, если им этого не хочется, и что они не должны подчиняться каким-либо постановлениям о церковной собственности, если им этого не хочется. Означало ли это только то, что они должны были сохранить то, что получили, или что они могли бы взять больше, как только это будет удобно? Один был протестантом, другой - католиком, интерпретировавшим их теорию.

§ 13. Образование Союза.

14 мая 1608 года под руководством Кристиана Ангальтского возникла Протестантская уния, в которую были одинаково допущены как лютеране, так и кальвинисты. В нее входили в основном князья и города юга. Ее очевидной целью была самооборона, и в этом смысле она была принята большинством тех, кто принимал в ней участие. У его лидеров были совсем другие взгляды.

§14. Образование Лиги.

При Максимилиане сразу же была сформирована Католическая лига. В ее состав входило большое количество епископов и аббатов, которые считали, что князья Союза хотели аннексировать их территории. Способности Максимилиана придавали ему единство действий, которым Союз никогда не обладал. Он также был создан для самообороны, но должно ли это слово включать в себя возвращение земель, утраченных после Пассауской конвенции, - вопрос, вероятно, оставленный на усмотрение обстоятельств.

§ 15. Революционные тенденции Союза.

Что бы ни имело в виду большинство князей Союза, не может быть никаких сомнений в том, что Кристиан Ангальтский имел в виду агрессию. Он верил, что безопасность протестантизма не может быть обеспечена без свержения немецкой ветви Австрийского дома, и был достаточно оптимистичен, чтобы вообразить, что акт, который поднимет всю католическую Европу с оружием в руках против него, был очень легким делом.

1609

§ 16. Наследование Клеве.

Едва был сформирован Союз, как произошли события, которые едва не втянули Германию в войну. Весной 1609 года умер герцог Клевский. Курфюрст Бранденбургский и сын герцога Нойбургского предъявили права на престолонаследие. Сославшись на то, что император имеет право решить этот вопрос, католическая армия двинулась вперед, чтобы овладеть страной. Два претендента, оба лютеране, объединили усилия против захватчиков. 1610. Генрих IV Французский нашел в этом споре предлог для начала своего давно обдумываемого нападения

на Испанию и ее союзников. Но его жизнь была прервана наемным убийцей, и его вдова думала только о том, чтобы послать небольшой французский отряд, чтобы присоединиться к англичанам и голландцам в поддержании притязаний двух принцев, которые были готовы на время объединиться против третьей стороны.

1613

§ 17. Удар по уху.

Нелегко было договориться с принцами о будущем. Однажды молодой принц Нойбургский предложил то, что казалось ему отличным выходом из затруднительного положения. "Он был готов, - сказал он, - жениться на дочери курфюрста, если бы только ему досталась территория". Разгневанный дерзостью предложения, курфюрст поднял руку и надавал пощечин своему молодому сопернику. Удар имел неожиданные последствия. Пострадавший принц отрекся от своего протестантизма и, как добрый католик, обратился за помощью к Испании и Лиге. Курфюрст перешел из лютеранства в кальвинизм и принимал более активное, чем прежде, участие в делах Союза. То, что немедленная война в Германии не стала результатом ссоры, вероятно, является самым убедительным доказательством нежелания немецкого народа нарушать мир.

1612

§ 18. Иоанн Георг, курфюрст Саксонии.

Третья сторона, немецкие лютеране, с одинаковым отвращением смотрели на агрессию с обеих сторон. Их лидер, Иоанн Георг, курфюрст Саксонии, держался в стороне как от Кристиана Ангальтского, так и от Максимилиана Баварского. Он был привязан традициями своего дома, а также своим собственным характером к Империи и Австрийскому дому. Но он стремился обеспечить безопасность для своих братьев-протестантов. Он видел, что должна произойти перемена, но благоразумно пожелал сделать ее как можно более незначительной. Поэтому в 1612 году он предложил, чтобы высшая юрисдикция по-прежнему оставалась за Императорским советом, но чтобы в Совет, хотя он по-прежнему назначается императором, входило равное количество католиков и протестантов. Приговоры, подобные тому, который лишил Донауверт его гражданских прав, в будущем будут невозможны.

§ 19. Его слабость характера.

К несчастью, Джон Джордж не обладал даром управлять людьми. Он был любителем выпить и смелым охотником, но претворить свои желания в реальные факты было выше его сил. Когда он увидел, что его плану угрожает противодействие с обеих сторон, он предоставил ему позаботиться о себе самому. В 1613 году собрался сейм и в замешательстве разошелся, оставив дела в таком состоянии, что любая искра могла привести к всеобщему пожару.

ГЛАВА II. БОГЕМСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ.

Раздел I.—*Австрийский дом и его подданные.*

§ 1. Австрийские владения.

В начале семнадцатого века владения немецкой ветви Австрийского дома были разделены между различными потомками Фердинанда I., брата Карла V. Глава семьи, император Рудольф II, был эрцгерцогом Австрийским — имя, которое в те дни использовалось просто для обозначения самого эрцгерцогства, а не группы территорий, которыми в настоящее время управляет австрийский суверен, — и он также был королем Богемии и Венгрии. Его брат Максимилиан правил Тиролем, а двоюродный брат Фердинанд - Штирией, Каринтией и Карниолой.

§ 2. Аристократия и протестантизм.

Главная трудность управления возникла из-за того факта, что, в то время как каждый член семьи твердо придерживался старой веры, большая часть населения, за исключением Тироля, приняла новую; иными словами, по важному вопросу дня у подданных и правителей не было общих мыслей. И эта трудность усугублялась еще и тем фактом, что протестантизм процветал главным образом благодаря поддержке, оказываемой ему могущественной аристократией, так что к различиям в религии добавились политические разногласия. Фердинанд действительно ухитрился сильной рукой подавить распространение протестантизма в своих собственных владениях так легко, что почти напрашивался вывод, что он не пустил очень глубоких корней в этих альпийских регионах. Но Рудольф был совершенно неспособен последовать его примеру. Если он и не был абсолютно невменяем, то был подвержен внезапным вспышкам гнева, проистекавшим из психического заболевания.

1606

§ 3. Рудольф и Маттиас.

В 1606 году, когда с турками был заключен мир, Рудольф вообразил, что его руки наконец свободны поступать со своими подданными так, как Фердинанд поступил со своими. Результатом стало всеобщее восстание, и если бы брат Рудольфа Матиас не встал во главе движения, чтобы спасти интересы семьи, какой-нибудь незнакомец, вероятно, был бы выбран в качестве соперника принцам Австрийского дома.

В конце концов, два года спустя Австрия и Венгрия были переданы Матиасу, в то время как Богемия, Моравия и Силезия были оставлены Рудольфу на всю его жизнь.

1609

§ 4. Королевская хартия Богемии.

Результатом опрометчивой энергии Рудольфа стало усиление позиций протестантской знати. В Венгрии турки были слишком близко, чтобы Маттяшу было легко отказать в уступках народу, который в любой момент мог броситься в объятия врага, а в Австрии после некоторого

сопротивления он был вынужден согласиться на компромисс. В Богемии в 1609 году Сословия вымогали у Рудольфа Королевскую хартию (*Majestäts brief*), которая гарантировала свободу совести каждому жителю Богемии до тех пор, пока он придерживался определенных признанных вероисповеданий. Но свобода совести ни в коем случае не подразумевает свободу вероисповедания. Человек может думать все, что ему заблагорассудится, но строительство церквей и совершение богослужений - это вопросы, которые должны решать власти. Единственный вопрос заключался в том, кто были власти.

§ 5. Положение землевладельца.

Королевской хартией эта власть была передана представителям Сословий, то есть примерно 1400 представителям феодальной аристократии и 42 городам. В соглашении, приложенном к хартии, было сделано специальное исключение для королевских доменов. Землевладелец-протестант мог и запретил бы возведение католической церкви на своих землях, но король не должен был иметь такой привилегии. В его владениях богослужение должно было быть бесплатным.

§ 6. Рудольф пытается избавиться от этого.

От этого рабства, как он считал, Рудольф из всех сил пытался освободиться. Вспыхнуло новое насилие, закончившееся в 1611 году свержением Рудольфа с престола в пользу Матиаса, который, таким образом, стал королем Богемии. В следующем году он умер, и Матиас также стал его преемником на посту императора.

§ 7. Кристиан Ангальтский надеется на всеобщее замешательство.

Во время всех этих волнений Кристиан Ангальтский делал все, что мог, чтобы сорвать мирное урегулирование. "Когда Венгрия, Моравия, Австрия и Силезия будут на нашей стороне, - объяснил он дипломату, работавшему у него на службе, перед вручением Королевской хартии, - у Дома Габсбургов больше не будет сил сопротивляться нам, за исключением Богемии, Баварии и нескольких епископств. Говоря по-человечески, мы будем достаточно сильны, чтобы не только противостоять им, но и реформировать все духовенство и привести его в подчинение нашей религии. Игра начнется таким образом. Как только Бавария вооружится, чтобы применить принуждение против Австрии" (то есть против австрийских протестантов, которые в то время сопротивлялись Матиасу), "мы вооружимся, чтобы напасть на Баварию и вернуть Донауверт. Точно так же мы заполучим двух или трех епископов, которые будут снабжать нас деньгами. Конечно, кажется, что, действуя умело, мы дадим закон всем и поставим правителями тех, кого пожелаем".

§ 8. Матиас, король Богемии.

На какое-то время Кристиан был разочарован. Во владениях Матиаса воцарилась тишина. Но Матиас готовил своему противнику еще одну возможность. Мы не можем сказать, было ли возможно в те дни католическому королю поддерживать рабочий порядок в протестантской стране. Как бы то ни было, Матиас не устроил честного испытания эксперимента. На самом деле, он не нападал непосредственно на Королевскую хартию на землях аристократии. Но он сделал все возможное, чтобы подорвать ее самостоятельно. Протестанты Браунау на землях аббата Браунау и протестанты Клостерграба на землях архиепископа Праги построили для себя церкви, использование которых было запрещено аббатом и архиепископом. Немедленно

возник спор относительно прав церковных землевладельцев, и протестантская сторона утверждала, что технически их земли являются землями короны и что поэтому они не имеют права закрывать церкви. Маттиас придерживался противоположной точки зрения.

§ 9. Он уклоняется от соблюдения устава.

В своих собственных поместьях Матиас находил способы обойти хартию. Он назначил католических священников в протестантские церкви и разрешил принимать меры, чтобы заставить протестантов посещать католическую службу. Однако долгое время протестантская знать хранила молчание. Матиас был стар и немощен, и когда он умрет, у них, как они предполагали, будет возможность выбрать своего следующего короля, и обычно считалось, что избрание падет на протестанта. Единственный вопрос заключался в том, будет ли выбран курфюрст Палатинский или курфюрст Саксонии.

1617

§ 10. Фердинанд предложил стать королем Богемии.

Внезапно, в 1617 году, был созван Чешский сейм. Когда сословия королевства собрались, им сказали, что было ошибкой предполагать, что корона Богемии является выборной. Были представлены доказательства того, что за некоторое время до избрания Матиаса Сословия признали трон наследственным, и прецедент Матиаса должен был быть отброшен как имевший место в революционные времена. Для усиления аргументации было использовано запугивание, и люди, пользующиеся доверием суда, нашептали на ухо тем, кто отказывался верить, что у них есть по крайней мере две головы на плечах.

§ 11. Богемцы признают его своим королем.

Если когда-либо и был момент для сопротивления, если сопротивление вообще должно было быть оказано, то именно сейчас. Аргументы суда, несомненно, были вескими, но опытный юрист мог бы легко найти технические нюансы у другой стороны, и реальное уклонение от Королевской хартии могло бы быть выдвинуто в качестве причины, по которой суд не имел права слишком придавать большое значение техническим аргументам. Опасность была тем более велика, что было известно, что из-за отказа всех промежуточных наследников наследственное право перешло к Фердинанду Штирийскому, человеку, который уже искоренил протестантизм в своих собственных владениях. И все же, несмотря на это, сейм поступил так, как ему было велено, и отказался от права избрания, признав Фердинанда своим наследственным королем.

§ 12. Его характер.

Новый король был более набожным и менее государственным деятелем, чем Максимилиан Баварский, его двоюродный брат по материнской линии. Но их суждения о событиях строились на одних и тех же принципах. Ни один из них не был обычным фанатиком, не разделяющим веры еретиков. Но они оба, вероятно, руководствовались в своем толковании закона тем, что, по их мнению, было выгодно их церкви. Фердинанд лично был храбрым человеком, но за исключением тех случаев, когда его курс был предельно ясен перед ним, он был склонен позволять трудностям разрешаться самим собой, а не приходить к решению.

§ 13. Он приносит присягу на Королевской хартии.

Ему нужно было сразу же подумать, будет ли он присягать Королевской хартии. Он проконсультировался с иезуитами, и ему сказали, что, хотя было грехом соглашаться на это, не грех принять это теперь, когда это закон страны. Когда он торжественно направлялся на свою коронацию, он повернулся к дворянину, который был рядом с ним. "Я рад, - сказал он, - что получил богемскую корону без каких-либо угрызений совести". Он принес присягу без дальнейших затруднений.

Богемцы недолго ощущали последствия перемен. До сих пор влияние Австрийского дома на страну ограничивалось жизнью одного старика. Теперь, по признанию самого сейма, оно навсегда закрепилось за Богемией. Судебные процессы против протестантов в королевских владениях приняли более резкий характер. Прихожане Браунау были строго исключены из своей церкви. Стены новой церкви Клостерграб были фактически сровнены с землей.

Раздел II.—*Революция в Праге.*

1618. § 1. Богемцы обращаются к Матиасу с петицией.

Таким образом, богемцам пришлось в 1618 году при всех невыгодах отражать нападение, для отражения которого они ничего не предприняли в 1617 году. Определенные лица, названные защитниками, имели по закону право созывать собрание представителей протестантских сословий. Такое собрание собралось 5 марта и, подготовив петицию Матиасу, который отсутствовал в королевстве, отложило заседание до 21 мая.

§ 2. Ответ Матиаса.

Задолго до того, как пришло время собрания, от Матиаса был отправлен ответ, оправдывающий все, что было сделано, и объявляющий собрание незаконным. В то время считалось, хотя и неверно, что ответ был подготовлен Славатой и Мартиницем, двумя членами регентства, которые были печально известны своей яростной оппозицией протестантизму.

§ 3. Насильственные советы.

В протестантском собрании была группа людей во главе с графом Генрихом Турнским, которая стремилась к свержению Фердинанда с престола. Они решили воспользоваться настроением народа, чтобы совершить убийство двух регентов и таким образом проложить непроходимую пропасть между нацией и королем.

§ 4. Мартиниц и Славата выброшены из окна.

Соответственно, утром 23 мая, в "начало и причину", как называет это современник, "всего грядущего зла", в первый день, хотя люди еще не знали этого, тридцатилетней войны, Турн выступил в поход во главе отряда дворян и их сторонников, все они с оружием в руках. Толпой ворвавшись в комнату, где сидели регенты, они обвинили этих несносных двоих в том, что они были авторами ответа короля. После ожесточенной перебранки Мартиница и Славату подтащили к окну, из которого с головокружительной высоты около семидесяти футов открывался вид на ров внизу. Мартиниц, сражаясь со своими врагами, горячо умолял о духовнике. "Вверх свою душу Богу", - был суровый ответ. "Неужели мы позволим негодяям-иезуитам приходить сюда?" В одно мгновение его вышвырнули вон с криком: "Иисус, Мария!"

"Посмотрим, - сказал кто-то насмешливо, - поможет ли ему его Мария". Мгновение спустя он добавил: "Клянусь Богом, его Мария помогла ему". Славата последовал за ним, а затем секретарь Фабрициус. Благодаря чудесному сохранению, в котором благочестивые католики распознали защищающую руку Бога, все трое уползли с этого места, не причинив серьезных повреждений.

§ 5. Плохое начало.

Бывают моменты, когда характер нации или партии проявляется как при вспышке молнии, и это был один из них. Успешные революции начинаются не таким образом.

§ 6. Революционное правительство.

Первые шаги по формированию нового правительства были легкими. Было назначено тридцать директоров, а иезуиты были изгнаны из Богемии. Сейм собрался и приказал собрать солдат для формирования армии. Но для содержания этой армии понадобились бы деньги, а существующих налогов было недостаточно. Соответственно, была задумана ссуда, и дворяне решили обратиться к городам с просьбой восполнить эту сумму, сами они ничего не вносили. Проект потерпел неудачу из-за сопротивления городов, были утверждены новые налоги; но никаких шагов для их сбора предпринято не было, и армия была оставлена в значительной степени зависеть от случая.

§ 7. Курфюрст Саксонский желает мира.

Придут ли принцы Германии на помощь Директорам? Иоанн Георг Саксонский сказал им, что он глубоко сочувствует им, но это восстание было серьезным делом. Одному из тех, кто спросил его, что он собирается делать, он ответил: "Помоги потушить пожар".

§ 8. Курфюрст Палатинский надеется на помощь.

В Гейдельберге им оказали больше помощи, чем в Дрездене. Фридрих IV. он умер в 1610 году, и его сын, юный Фредерик V., смотрел на Кристиана Ангальтского как на первого государственного деятеля своего времени. Женившись на Елизавете, дочери короля Англии Якова I. Он заключил союз, который придавал ему скорее видимость силы, чем реальность. Он всячески поощрял богемцев, но до поры до времени воздерживался от оказания им реальной помощи.

Раздел III.—*Война в Богемии.*

§ 1. Начало войны.

Таким образом, директора были предоставлены сами себе. Фердинанд добился своего избрания королем Венгрии и, вернувшись в Вену, принял бразды правления от имени Матяша. Он собрал армию в 14 000 человек под командованием Букуа, офицера великой школы военного искусства в Нидерландах, и 13 августа богемская граница была захвачена. Войны вряд ли удалось бы избежать ни одной из сторон. Будвайс и Пльзень, два католических города в

Богемии, естественно, держались за своего государя, и как только правители отдали приказ атаковать Будвайс, войска Матьяша приготовились выступить ему на помощь.

§ 2. Жители Чехии голосуют за мужчин, но возражают против уплаты налогов.

Директора встревожились и предложили Сейму повысить новые налоги, а не просто проголосовать, и что, в дополнение к армии регулярных солдат, следует ввести всеобщий сбор с большей части населения. На введение налога сейм согласился без труда. Но до того, как наступил день, назначенный для обсуждения предлагаемых налогов, большинство членов намеренно разошлись по домам, и никаких новых налогов не предполагалось.

§ 3. Они вряд ли будут процветать.

Этот день, 30 августа, справедливо можно считать датой политического самоубийства богемской аристократии. Почти в каждой стране Европы порядок поддерживался путем сосредоточения главной государственной власти в руках одного правителя, назывался ли он королем, герцогом или курфюрстом. Из этого правила были исключения в Венеции, Швейцарии и Нидерландах, и со временем в Англии должно было появиться исключение более масштабного характера. Но народы, составлявшие эти исключения, доказали, что сами достойны этого отличия, и в мире не нашлось бы места для людей, которые избавились бы от своего короля, не сумев установить порядок на другой основе.

§ 4. Помощь из Савойи.

Тем не менее в Европе было слишком много правительств, враждебных Австрийскому дому, чтобы позволить Богемии пасть сразу. Карл Эммануил, герцог Савойский, только что завершил войну с Испанией, но от этого он не стал лучше относиться к своему покойному противнику. Соответственно, он заключил соглашение с лидерами Профсоюза, по которому 2000 человек, набранных для его службы, должны были быть предоставлены в распоряжение чешских директоров.

§ 5. Mansfeld.

Командующим этими войсками был граф Эрнест Мансфельдский, незаконнорожденный сын известного генерала на службе Испании. Он сменил религию и покинул своего короля. Теперь он выдвинул себя в качестве защитника протестантизма. Он был храбрым, активным и разносторонним человеком и обладал теми способностями, которые завоевывают доверие профессиональных солдат. Но он уже был печально известен готовностью, с которой позволял своим солдатам обеспечивать себя самым безудержным грабежом. Сам авантюрист, он был как раз тем человеком, который мог возглавить армию авантюристов.

§ 6. Принудительный заем.

Вскоре после своего прибытия в Богемию Мансфельд участвовал в осаде Пльзеня, в то время как Турн был занят сдерживанием Букуа. Неудача в получении дополнительных налогов вынудила Директоров прибегнуть к простому способу взимания принудительного займа с немногих богатых.

§ 7. Успех "Богемы".

На какое-то время это отчаянное средство увенчалось успехом. Помощь, предложенная Фердинанду Испанией, была невелика, и ждать ее пришлось долго. Благоразумный Максимилиан вновь решил погубить себя, занявшись явно безнадежным делом. Наконец, силезцы, которые долго колебались, связали свою судьбу с соседями и в начале ноября послали им на помощь свои войска. Буку полностью отступал к Будвайсу. 21-го числа Пльзень сдался Мансфельду. Дальнейшие боевые действия были прекращены с наступлением зимы — ужасной зимы для несчастных жителей Южной Чехии. Голодающие армии не разборчивы в методах удовлетворения своих потребностей. Грабежи, опустошения и безрассудные зверства любого рода выпали на долю обреченных крестьян, венгры Буку отличались варварством.

§ 8. Схема Кристиана Ангальтского.

Тем временем Кристиан Ангальтский склонял молодого курфюрста Палатинского к более активному вмешательству. Богемские лидеры уже начали поговаривать о том, чтобы возложить корону на голову Фридриха. Фридрих, встревоженный и нерешительный, согласился, с одной стороны, по приглашению императора присоединиться к герцогу Баварскому и курфюрстам Менца и Саксонии в посредничестве в заключении соглашения, в то время как, с другой стороны, он дал согласие на отправку посольства в Турин, целью которого было ослепить герцога Савойского перспективой получения императорской короны после смерти Матиаса и побудить его присоединиться к нападению на немецкие владения Австрийского дома.

§ 9. Прохладность Союза.

Путь, на который вступил Фридрих, был тем более очевидно небезопасен, что Союз, собравшийся в сентябре в Хайльбронне, проявил большую прохладу по отношению к богемскому делу. Кристиан Ангальтский не осмеливался даже намекнуть на те планы, которые он вынашивал. Если бы впоследствии был покинут Профсоюзом, он не мог бы сказать, что его члены как единое целое обязались поддержать его.

1619

§ 10. Герцог Савойский вселяет надежды.

Герцог Савойский, с другой стороны, по крайней мере, говорил так, как будто австрийские территории были у его ног. В августе 1618 года он дал свое согласие на предполагаемое возведение Фридриха на чешский престол. В феврале 1619 года он объяснил, что хочет получить Богемию в свое распоряжение. Фридрих мог бы получить компенсацию австрийскими землями в Эльзасе и Швабии. Возможно, он также мог бы получить эрцгерцогство Австрийское или стать королем Венгрии. Если он хотел напасть на земли епископов, пусть сделает это быстро, пока папа не успел вмешаться. Такого рода разговоры, какими бы дикими они ни были, приводили в восторг небольшой круг приближенных Фридриха. Маркграф Ансбахский, который как генерал армии Союза был посвящен в тайну, был безмерно доволен: "Теперь у нас есть, - сказал он, - средство перевернуть мир".

§ 11. Консервативное чувство отчуждения.

В настоящее время эти переговоры были завуалированы секретностью. Они породили уверенное легкомыслие, которое, несомненно, шокировало то консервативное, миролюбивое чувство, которое богема уже немало сделала для того, чтобы оттолкнуть.

Раздел IV.—Фердинанд в свою защиту.

§ 1. Богемцы ищут помощи у иностранных держав.

Если помощь Союза, таким образом, могла принести Богемии больше вреда, чем пользы, то их надежды на помощь от других держав были еще более обманчивыми. Голландцы, действительно, прислали кое-что и охотно прислали бы еще, но у них было слишком много трудностей дома, чтобы быть очень щедрыми в своих предложениях. Яков Английский прямо сказал своему зятю, что он не будет иметь ничего общего с каким-либо посягательством на права других, и он предпринял по наущению Испании официальное посредничество между богемцами и их королем - посредничество, которое было предложено ему только для того, чтобы держать руки связанными, пока другие вооружаются.

§ 2. Нападение на Вену.

20 марта, перед началом следующей кампании, Матиас умер. Возобновленные обещания Фердинанда уважать Королевскую хартию — данные, несомненно, с оговоркой дать собственную интерпретацию спорных моментов — были с презрением отвергнуты Директорами. Спор должен был решить меч. На деньги, полученные от голландцев, а также благодаря финансовой помощи и военному снаряжению из Гейдельберга Турн и Мансфельд смогли выступить в поход. Последний остался наблюдать за Букуа, в то время как первый предпринял завоевание других территорий, которые до сих пор подчинялись Матьяшу и стояли в стороне от движения в Богемии. Без особого труда ему удалось произвести революцию в Моравии, и 5 июня он прибыл под стены Вены. Внутри находился сам Фердинанд с небольшим гарнизоном в 300 человек и таким количеством добровольцев, которых он мог привлечь к своему делу. Турн надеялся, что его сторонники в городах откроют ворота, чтобы впустить его. Но он потерял время на переговорах с австрийской знатью. Поместья двух территорий Верхней и Нижней Австрии были в значительной степени протестантскими, и они отказались отдать дань уважения Фердинанду после смерти Матиаса. Жители Нижней Австрии послали депутацию в Вену, чтобы потребовать разрешения заключить конфедерацию с Богемией на условиях, которые практически превратили бы всю страну, от границы со Штирией до границ Силезии, в федеративную аристократическую республику.

§ 3. Фердинанд сопротивляется требованиям нижеавстрийских сословий.

В лице Фердинанда они имели дело с человеком, которого не должна была пугать личная опасность. Он хорошо знал, что, уступив, он заложил бы правовую основу для системы, которую считал противоречащей всем законам, человеческим и божественным. Бросившись перед распятием, он нашел в себе силы для борьбы, в которую вступил от имени своей семьи, своей церкви и, как он твердо верил, своей страны и своего Бога — силы, не менее реальной оттого, что фигура на кресте не склонила голову перед просителем, как люди вскоре стали наивно верить, или не произнесла утешительных слов: "Фердинанд, я не покину тебя".

§ 4. Прибывает спасение.

С депутацией от австрийских сословий он был тверд и непреклонен. Они могли угрожать чем угодно, но конфедерацию с Богемией он не подпишет. Угрозы в его адрес становились все грубее. Говорят, кто-то поговаривал о его свержении с престола и о воспитании его детей в протестантской религии. Внезапно во дворе внизу послышался звук трубы. Кавалерийский полк проскользнул в ворота, не охраняемые Турном, и поспешил на защиту Фердинанда. Депутация, недавно такая властная, улинула, довольная, что избежала наказания.

§ 5. Осада снята.

Вряд ли столь незначительное подкрепление помогло бы, если бы Турн был способен атаковать город. Но, не обеспеченный запасами продовольствия или осадных боеприпасов, он рассчитывал на измену внутри. Разочарованный своей добычей, он вернулся в Богемию и обнаружил, что Букуа вырвался из Будвайса и нанес серьезное поражение Мансфельду.

§ 6. Императорские выборы.

Фердинанд задержался в Вене не для того, чтобы оспаривать свои права со своими австрийскими подданными. Выборы нового императора должны были состояться во Франкфурте, и для него было важно присутствовать на месте. Для немецких протестантов возложение императорской короны на его голову не могло быть безразличным делом. Если бы ему удалось, а вероятность его успеха казалась вполне вероятной, восстановить свою власть над Богемией, он был бы гораздо более тяжким грузом, чем Матиас, в спорах, которые отвлекали Германию. У курфюрста Палатинского и его советников была тысяча способов избавиться от него, но они не остановились ни на одном. У Иоанна Георга Саксонского в 1619 году, как и в 1612 году, был определенный план. Фердинанд, по его словам, не владел Богемией и, следовательно, не мог голосовать как король Богемии на выборах. Следовательно, выборы должны быть отложены до тех пор, пока богемский вопрос не будет решен путем посредничества. Если бы только трех протестантских выборщиков можно было склонить к согласию с этим курсом, немедленный выбор Фердинанда был бы невозможен.

§ 7. Фердинанд избран императором.

Каковы бы ни были достоинства самого предложения, оно имело неоценимое преимущество в том, что объединило лютеран Севера и кальвинистов Юга в общем деле. Но Фредерик не доверял Джону Джорджу и предпочел другой собственный план. Джон Джордж вышел из себя и безоговорочно проголосовал за Фердинанда. Фредерику, если он не хотел, чтобы его оставили одного в бессильной изоляции, ничего не оставалось, как последовать его примеру. У него не было другого серьезного кандидата, которого он мог бы предложить; и 28 августа 1619 года Фердинанд был выбран единогласным голосованием. Теперь он был известен как император Фердинанд II.

§ 8. Фридрих избран королем Богемии.

За два дня до этого в Праге состоялись еще одни выборы. Богемцы, свергнув Фердинанда с трона, который в 1617 году они признали принадлежащим ему, выбрали Фридриха на освободившееся место.

§ 9. Он принимает трон.

Примет ли Фредерик это рискованное предложение? Мнения окружающих его людей разделились относительно целесообразности этого шага. Принцы Союза и даже его собственные советники заняли противоположные стороны. В его собственной семье мать подняла голос предупреждения. Его жена, Елизавета Английская, красивая и пылкая, подтолкнула его к этому предприятию. Бедный молодой человек и сам был на грани безумия. Наконец он нашел утешение в приятной вере в то, что его избрание было актом Божиим. Среди слез добрых жителей Гейдельберга он покинул гордый замок, величественный даже сейчас, в своих руинах, когда он смотрит вниз на стремительный поток Неккара. "Он переносит Пфальц в Богемию", - сказала его убитая горем мать. 4 ноября он был коронован в Праге, и был совершен последний акт Богемской революции.

ГЛАВА III. ПОБЕДЫ ИМПЕРИАЛИЗМА В БОГЕМИИ И ПФАЛЬЦЕ.

Раздел I.—*Нападение на Фредерика.*

§ 1. Максимилиан готовится к войне.

Известие о принятии Фридрихом богемской короны вселило трепет уверенности в ряды его противников. "Этот принц, - сказал папа, - запутался в прекрасном лабиринте". "Он будет всего лишь зимним королем", - шептали друг другу иезуиты, уверенные, что после летней кампании его притязаниям придет конец. До того времени богемское дело опиралось на свои собственные достоинства. Но если бы одному князю Империи было позволено под любым предлогом захватить территории другого, какой был бы оплот против возвращения старого кулачного права или всеобщей анархии? Фридрих подорвал основы, на которых покоились институты его времени, не призвав ничего, что могло бы занять их место.

§ 2. Использует ошибки Фредерика.

Максимилиан яснее, чем кто-либо другой, осознал совершенную ошибку. В беседе с новым императором он пообещал отказаться от своего бездействия. До сих пор он хранил молчание, потому что хорошо знал, что явный агрессор настроит общее мнение мира против него. Теперь, когда ошибка была совершена, он был готов воспользоваться этим. В то же время он не забывал о своих собственных интересах и оговорил, что, когда все закончится, избирательное право Фридриха — не обязательно его территория — должно быть передано ему самому, и что он должен сохранить Верхнюю Австрию в залог до тех пор, пока его военные расходы не будут возмещены.

§ 3. Бетлен Габор нападает на Австрию.

Эффект перехода от пассивной выносливости Фердинанда к активной энергии Максимилиана был замечен сразу. Его первой целью было привлечь на свою сторону или нейтрализовать немецких протестантов, и события на Востоке привели его к чуду. Только около пятой части Венгрии находилось во владении Фердинанда. Остальное было примерно поровну поделено между турками и Бетленом Габором, протестантским принцем Трансильвании, полуварварским, но энергичным вождем, который надеялся при поддержке Турции стать хозяином всей Венгрии, если не Австрии тоже. В первые дни ноября его орды в дружеском союзе с богемцами жгли и

грабили стены Вены. Но такие армии, как его, могут поддерживать себя только постоянным успехом; и Бетлен Габор считал взятие Вены столь же безнадежным зимой, как Турн считал это летом. Удаляясь на восток, он оставил после себя горькое негодование против тех, кто подстрекал его к действиям и кто не постыдился, как заявляли их противники, водрузить Полумесяц на руинах христианства и цивилизации.

§ 4. Союз отказывается поддержать Фредерика.

Такая декламация, какой бы натянутой она ни была, не осталась без эффекта. Немецкий протестантизм без особого энтузиазма отнесся к предприятию Фридриха в Богемии. На собрании Профсоюза в Нюрнберге дело Фридриха не нашло поддержки. Максимилиан вполне мог позволить себе оставить Союз на произвол судьбы и думать только о примирении курфюрста Саксонии и северогерманских князей.

1620

§ 5. Мюльхаузенское соглашение.

Неудивительно, что Джон Джордж всерьез встревожился из-за усиления власти своего соперника. Это не только нанесло удар по той тени, которая еще оставалась от защитных институтов Империи, но и сделало это таким образом, который, вероятно, был особенно неприятен в Дрездене. Революция в Праге не просто поставила на место Фердинанда бессильного человека. Это дало корону Богемии человеку, чьи территории были уже настолько обширны, что, если бы ему удалось объединить с ними свои новые владения, он объединил бы в своих руках власть, которой не было бы равных в Империи, и которая принесла бы с собой неслыханное накопление двух голосов у одного человека на имперских выборах. Джон Георг превратился бы из одного из первых немецких принцев в простого второсортного человека.

§ 6. Церковные земли, принадлежащие протестантам, гарантированы определенными условиями.

Джона Джорджа нельзя было завоевать просто так. На собрании, состоявшемся в Мюльхаузене в марте 1620 года, Лига пообещала, что они никогда не будут пытаться вернуть силой земли протестантских администраторов или секуляризованные земли на северных территориях, пока владельцы продолжают действовать как верноподданные; и это обещание было подтверждено императором.

§ 7. Спинола готовится атаковать Пфальц.

Последующие события показали, что этого сражения было недостаточно. В настоящее время оно казалось Джону Джорджу удовлетворительным, и Максимилиан смог переключить свое внимание на фактические приготовления к войне. В мае из Мадрида был отдан приказ Спиноле, испанскому генералу в Нидерландах, готовиться выступить на защиту императора; а 3 июня напуганный Союз подписал Ульмский мирный договор, по которому они обещали соблюдать нейтралитет по отношению к Лиге, тем самым обеспечив Максимилиану свободу от нападения с тыла во время его похода в Богемию. Однако Союзу, в случае нападения на него, должно было быть позволено защищать свои собственные территории, включая Пфальц.

§ 8. Вторжения.

Во главе армии Максимилиана стоял валлонец Тилли, человек, способный внушать доверие как честностью своего характера, так и выдающимися военными способностями. 23 июня он пересек австрийскую границу. 20 августа владения Верхней Австрии безоговорочно склонились перед Фердинандом как перед своим господином. Нижняя Австрия уже покорилась своей судьбе. Примерно в то же время Иоанн Георг вошел в Лужицу и осаждал Бауцен от имени Фердинанда. Спинола тоже двинулся вдоль Рейна и к концу августа достиг Менца.

§ 9. Спинола подчиняет себе Западный Пфальц.

Армия Союза была развернута для противостояния испанцам. Но среди лидеров не было согласия; в войсках не было духа. Обрушиваясь на один город за другим, Спинола подчинил теперь своей власти почти всю ту часть Пфальца, которая лежала на левом берегу Рейна. Армия Союза беспомощно отступила к Вормсу, ожидая, что будет дальше.

§ 10. Вторжение в Богемию.

Теперь Максимилиан был готов атаковать Богемию. Вскоре он соединился с Букуа. Положение Фридриха было плачевным.

§ 11. Растущая непопулярность Фредерика.

Сначала в Праге его приняли с живейшей радостью. Когда у него родился сын, которому со временем предстояло стать принцем Рупертом времен гражданских войн в Англии, все признаки радости сопровождали ребенка к купели. Но это было незадолго до того, как лютеранские подданные Фридриха были оскорблены его кальвинистскими взглядами. В королевской часовне изображения святых были безжалостно сорваны со стен, а огромное распятие, предмет почитания как лютеран, так и католиков, было отброшено в сторону, как обычное бревно. Сокровища искусства, принадлежащие Рудольфу II. собранные во время его затворнической жизни, они были занесены в каталог, чтобы их можно было выставить на продажу; и говорят, что многие из них были унесены должностными лицами, на которых была возложена эта обязанность. И помимо реальных обид, были и другие, чисто воображаемые. Была рассказана история, которая, правдивая или вымышленная, является хорошей иллюстрацией непрактичного характера богемской аристократии. Говорят, что Фредерик созвал некоторых из них на совет ранним утром и получил ответ, что вставать так рано противоречит их привилегиям.

§ 12. Фредерик не придает силы богемцам.

Богемцы вскоре обнаружили, что Фридрих не придавал им реальной силы. Его посадили на трон не за его личные качества, а потому, что предполагалось, что у него есть хорошие друзья и что он сможет поддержать падающее дело Богемии с помощью всех частей протестантской Европы. Но его друзья почти не помогали ему, а сам он спокойно наблюдал за тем, как на его глазах собиралась буря. В его рядах не было ни организованности, ни преданности. Кристиан Ангальтский был назначен командующим армией, но, несмотря на личную храбрость, он не внушал доверия. Другие генералы ссорились из-за старшинства. Были объявлены новые сборы, но мужчины либо оставались дома, либо воспользовались первой же возможностью, чтобы улизнуть. Те, кто остался, скудно обеспеченные всем необходимым для жизни, были на грани мятежа.

§ 13. Марш Тилли и Букуа.

28 сентября Фридрих вступил в армию. Он все еще лелеял надежду. Бетлен Габор, который покинул его дело несколько месяцев назад, раскаялся в своем отступничестве и теперь шел ему на помощь. В стане врага свирепствовала болезнь. И все же, несмотря на болезнь, Тилли упорно шел вперед, беря город за городом и слишком умело выбирая позиции, чтобы быть вынужденным сражаться, если это его не устраивало. Утром 8 ноября империалисты были совсем близко от Праги. Враг находился на Белом холме, возвышенности небольшой высоты за пределами городских стен. Имперская армия была ослаблена перенесенными страданиями, а Букуа все еще советовал повременить. Но Тилли знал лучше и настаивал на немедленном наступлении. Пока командиры спорили, монах-доминиканец, сопровождавший войска, выступил вперед. "Сыны церкви, - сказал он, - почему вы медлите? Мы должны идти прямо вперед, ибо Господь предал врага в наши руки. Мы победим их так же уверенно, как и то, что мы живы". Затем, показывая им фигуру Пресвятой Девы, которая была изуродована руками протестантов, "Посмотрите сюда, - сказал он, - что они сделали. Молитвы Святой Девы да будут твоими. Доверься Богу и смело иди на битву. Он сражается на вашей стороне и принесет вам победу". Прежде чем пламенные высказывания монаха Букуа сняли его сопротивление.

§ 14. Битва при Белом Холме.

Было воскресное утро, и Евангелие того дня содержало слова: "Воздайте кесарю кесарево", и воины Кесаря в Вене почувствовали вдохновение исполнить слова Спасителя. Задача, стоявшая перед ними, казалась более трудной, чем на самом деле. Фредерик находился в городе, принимая за обедом двух английских послов, в то время как наносился удар. Несколько венгров, на которых он в основном полагался, подали пример бегства, и день был безвозвратно потерян. Фридрих бежал, спасая свою жизнь, через Северную Германию, пока не нашел убежище в Гааге.

§ 15. Покорение Богемии.

Правлению богемской аристократии пришел конец. Тилли, действительно, милостиво дала лидерам время скрыться. Но, ослепленные невзгодами так же, как и процветанием, они не воспользовались представившейся возможностью. Вожди погибли на эшафоте. Их земли были конфискованы, и возникла новая немецкая католическая знать, которая была обязана своими владениями своему суверену и которая, даже если бы Королевская хартия оставалась в силе, получила бы привилегии, которые позволяли их предшественникам преобразовывать церкви в своих владениях по своему усмотрению. Но Королевская хартия была объявлена утраченной в результате восстания, и протестантским церквям в городах и королевских поместьях не от чего было зависеть, кроме воли правителя. Служители одной великой организации — Богемских братьев - были немедленно изгнаны. Лютеране были на время пощажены.

§ 16. Фредерик наложил запрет.

Удалось ли все же предотвратить перерастание войны в Чехии в германскую? Фердинанд и Максимилиан вряд ли остановились бы на своем победном пути. Для них Фредерик был простым агрессором, которого они были обязаны достойно наказать. Не стал бы он, если бы ему позволили восстановить силы, снова играть в ту же игру? Кроме того, военные расходы были тяжелыми. Фердинанд был вынужден оставить Верхнюю Австрию в залог у Максимилиана до тех

пор, пока ему не будет выплачена его доля в этих расходах. Для обеих сторон было бы гораздо приятнее, если бы Максимилиан мог съесть вместо этого кусочек Пфальца. Благодаря этому и обещанному переходу электората к Максимилиану появился бы некоторый шанс обеспечить порядок и должное уважение к католическим церковным землям. Таким образом, 22 января Фридрих был торжественно объявлен изгнанником, а его земли и титулы были объявлены конфискованными.

§ 17. Опасность протестантов.

Вопрос о том, был ли Фердинанд прав, поступая так, долгое время оставался спорным. Он, конечно, обещал при своем избрании, что никого не отправит в бан, не предоставив ему возможности справедливого судебного разбирательства. Но он утверждал, что это относилось только к тому, чья вина была сомнительной, и что вина Фредерика была открытой и осязаемой. Как бы то ни было, речь шла о чем-то гораздо более важном, чем юридический или личный вопрос. В Германии Фридриху сочувствовали мало, но было сильное ощущение, что нельзя допустить, чтобы протестантская страна попала в руки католиков, как ради нее самой, так и ради ее протестантских соседей.

Раздел II.—Война в Верхнем Пфальце.

§ 1. Фредерик не теряет надежды.

Если бы Фридрих только мог ясно дать понять, что он действительно отказался от всех своих притязаний вторгаться в чужие владения, он, возможно, мирно закончил бы свои дни в Гейдельберге. Но он не мог отказаться от своих надежд вернуть утраченное королевство. То он говорил о мире, то о войне. Когда он был настроен наиболее миролюбиво, он отказывался от своих притязаний, если бы мог получить амнистию за прошлое. Но он не стал бы сначала отказываться от своих требований, а потом просить об амнистии.

§ 2. Роль Джеймса Английского.

Даже к этому его наполовину неохотно подтолкнул тесть. Король Англии возложил на себя обязанности посредника и счел, что пока нет необходимости вооружаться.

§ 3. Расторжение Союза.

Государства Союза были в большом замешательстве. Ландграф Гессен-Кассель был вынужден своими собственными подданными договориться со Спинолой. Следующими уступили города Страсбург, Ульм и Нюрнберг. 12 апреля в Менце был подписан договор, по которому Союз распустил себя и обязался вывести свои войска из Пфальца. С другой стороны, Спинола пообещал приостановить военные действия до 14 мая.

§ 4. Шансы в пользу Фредерика.

Опасность, которой подвергался Пфальц, и оброненные намеки на то, что за завоеванием Пфальца может последовать переход электората, вызвали тревогу в кругах, отнюдь не благоприятных для Фридриха. Джон Джордж начал выдвигать возражения, и даже католические священнослужители были напуганы перспективами расширения войны и риском

того, что многие державы, до сих пор нейтральные, встанут на сторону запрещенного курфюрста.

§ 5. Он все еще занимает места в Богемии.

Притязания Фридриха на Богемию были чем-то большим, чем просто претензия на пустой титул. Он назначил Мансфельда действовать там в качестве своего генерала; и, хотя Мансфельд терял один пост за другим, в конце апреля он все еще удерживал Табор и Виттинггау от имени Фридриха.

§ 6. Армия Мансфельда.

Назначение Мансфельда, к сожалению, само по себе было фатальным для шансов на мир. С момента взятия Пльзенья его войска, лишенные поддержки, наводили ужас на страну, которую они были призваны защищать. В те дни, действительно, самая дисциплинированная армия часто была виновна в бесчинствах, от которых в наши дни испугались бы самые развращенные изгои. Солдаты, нанятые лишь на то время, пока в них нуждались, переходили из стороны в сторону, поскольку перспектива вознаграждения или добычи манила их. Никакие узы национальности не привязывали наемника к тому стандарту, под который его поставил несчастный случай. На время он продал себя своему нанимателю и искал вознаграждения в удовлетворении всех порочных страстей, на которые способна человеческая природа в ее глубочайшей деградации.

§ 7. Солдаты тридцатилетней войны.

Однако даже в этой ужасной войне была разница между одной армией и другой. Во вражеской стране все грабили одинаково. Баварцы Тилли были виновны в ужасных эксцессах в Богемии. Но такой командир, как Тилли, который мог платить своим солдатам и вселять в них уверенность в своем полководческом мастерстве, в его силах был поддерживать какую-то дисциплину; и если, как Тилли однажды сказал жалующемуся чиновнику, его люди не были монахинями, они, по крайней мере, могли при случае воздерживаться от возмутительных поступков. Такой командир, как Мансфельд, который не может заплатить своим солдатам, по необходимости должен грабить везде, где он находится. Его действия не будут определяться военными или политическими причинами. Как только его люди съедят одну часть страны, они должны будут отправиться в другую, если не хотят умереть с голоду. Подобностию им, они подчинялись собственному закону, совершенно независимому от желаний или потребностей суверена, интересам которого они должны были служить.

§ 8. Мансфельд переходит в наступление.

Еще до конца мая распад союзной армии направил в лагерь Мансфельда новые толпы новобранцев. Вскоре он оказался во главе 16 000 человек в Верхнем Пфальце. Жители ужасно страдали, но он был достаточно силен, чтобы какое-то время удерживать свои позиции. Он также не довольствовался тем, что занимал оборонительную позицию. Он захватил пост на границах Богемии и пригрозил разграбить земли епископа Бамбергского и Вюрцбургского, если тот не выведет свои войска из армии Лиги. Затем он напал на Лейхтенберг и увел ландграфа пленным в свой лагерь.

§ 9. Перемирие для него невозможно.

Первая атака баварцев полностью провалилась. Бетлен Габор тоже снова двинулся в Венгрию, убил Букуа и гнал перед собой армию императора. В этих обстоятельствах даже Фердинанд, по-видимому, колебался и сомневался, не лучше ли ему принять английское предложение о посредничестве. Однако характер армии Мансфельда был таков, что это делало посредничество невозможным. Он должен атаковать кого-то, чтобы существовать.

§ 10. Вере в Нижнем Пфальце.

Однако первый удар был нанесен именно в Нижнем, а не в Верхнем Пфальце. Сэр Гораций Вир, который год назад отправился в поход с полком английских добровольцев, теперь командовал Фредериком. Но у Фридриха не было ни денег, ни провизии, чтобы дать ему, а запасы в Пфальце были почти исчерпаны. Существующее перемирие было продлено испанцами. Но земли епископа Спайрса лежали соблазнительно близко. Успокаивая свою совесть, отдав строжайший приказ против грабежа, он расквартировал там несколько своих людей.

§ 11. В Нижнем Пфальце возобновилась война.

Вся католическая партия пришла в негодование. Кордова, оставленный командовать испанскими войсками после возвращения Спинолы в Брюссель, объявил перемирие нарушенным и начал операции против Вера.

§ 12. Мансфельд изгнан из Верхнего Пфальца.

К этому времени силы Мансфельда по защите Верхнего Пфальца были на исходе. Городские власти устали от его присутствия и предпочли заключить соглашение с Максимилианом, чем и дальше терпеть поборы армии своего господина. Мансфельд, видя, как обстоят дела, предложил продать себя и свои войска императору. Но у него не было реального намерения выполнять сделку. 10 октября он подписал обязательство о роспуске своих войск. Еще до восхода следующего солнца он ускользнул и полным ходом направлялся в Гейдельберг.

Тилли неотступно следовал за ним по пятам. Но Мансфельд не остановился, чтобы сразиться с ним. Бросившись в Эльзас, он захватил Хагенау и превратил его в опорный пункт.

Раздел III.—*Союзники Фридриха.*

§ 1. Предложение перевести Мансфельда на английскую зарплату.

Приближалась зима, и еще будет время для переговоров, прежде чем будет нанесен новый удар. Но для того, чтобы дать шанс переговорам, необходимо было накормить армию Мансфельда, чтобы он мог сохранять спокойствие, пока дипломаты спорили. Поэтому Джеймс Уайзпредложил выделить определенную сумму денег для этой цели. Но ссора с Палатой общин ускорила роспуск, и он не смог собрать денег, достаточных для этой цели, без гранта парламента.

§ 2. Англия и Испания.

Джеймс, бедный и беспомощный, был, таким образом, вынужден прибегнуть к дружбе с Испанией, дружбе, которую он надеялся укрепить браком своего сына, принца Уэльского, с испанской инфантой. Испанское правительство стремилось, по возможности, избежать

продолжения войны в Германии. Хотя в его распоряжении были все богатства Индии, это правительство было ужасно бедным. В стране, где промышленность, источник богатства, была в бесчестье, все золото в мире было выброшено на ветер. Едва имея возможность платить армии, которые она содержала в мирное время, Испания теперь снова должна была искать деньги на войну в Нидерландах. В 1621 году двенадцатилетнее перемирие с голландцами подошло к концу, и армии Спинолы в Брабанте и Фландрии не могли жить, как армии Мансфельда, за счет страны, опасаясь отдать все послушные провинции, как их называли, в руки врагов. Следовательно, если возможно, эта зияющая пропасть германской войны, которая угрожала поглотить так много миллионов дукатов, должна быть закрыта. И все же, как это можно было сделать? Великая трудность на пути к миру заключалась не в притязаниях Фридриха. Их можно было легко отбросить. Большая трудность заключалась в том, что католики, уже имея в своих руках институты Империи, теперь также располагали успешной армией. Как при таких обстоятельствах протестантизм, с которым было связано так много светских интересов, мог чувствовать себя в безопасности? А без обеспечения безопасности протестантизму, как можно было бы достичь постоянного мира?

§ 3. Планы Испании.

Этой проблемой испанские министры не позаботились заняться самостоятельно. Они думали, что этого будет достаточно для удовлетворения личных интересов. Они предложили Джеймсу большую долю с Инфантой, чем дал бы любой другой государь в Европе. Они изо всех сил сопротивлялись проекту передачи электората Максимилиану, поскольку это могло привести к бесконечной войне. Но вникать в суть великого вопроса они не осмеливались, так как были связаны своей преданностью Церкви. Разве Фридрих и Яков, спрашивали они, не могут быть подкуплены гарантиями Пфальца наследникам Фридриха при простом условии, что он отправит своего старшего сына учиться в Вену? Хотя они вообще ничего не говорили о каких-либо изменениях в религии мальчика, они, несомненно, надеялись, что там он научится становиться хорошим католиком.

§ 4. Фридрих вряд ли присоединится к ним.

Такая политика с самого начала была безнадёжной. У Фредерика было много недостатков. Он был поверхностным и упрямым. Но он действительно верил в свою религию так же твердо, как любой испанец в Мадриде в свою; и было ясно, что он никогда не подвергнет своих детей соблазну венских иезуитов.

§ 5. Конференция, которая состоится в Брюсселе.

Было решено провести конференцию в Брюсселе, столице испанских Нидерландов, сначала для согласования условий прекращения вооружений, а затем для подготовки пути ко всеобщему миру. Испанский план умиротворения еще не был объявлен. Но Фридриха вряд ли можно винить за то, что он заподозрил, что дипломатия ни к чему хорошему не приведет, или за то, что он понял, что несколько полков на его стороне будут весомее в его пользу, чем миллион слов.

§ 6. Откуда Фредерику было ждать помощи?

Единственным вопросом, который ему предстояло решить, был квартал, в котором ему следует искать силы. Его слабость до сих пор проистекала из его уверенности только в физической силе. Собрать как можно больше тысяч человек и бросить их на врага было его единственной политикой, и он ничего не сделал, чтобы умиротворить ту часть населения, которая любила порядок. Города стояли в стороне от его дела. Северогерманским князьям нечего было ему сказать. Если бы он только мог отречься от своего прошлого, если бы он мог признать, что все, что он до сих пор делал, было плодотворным источником бедствий, если бы он мог с благородным самоотречением умолять других встать на защиту немецкого протестантизма, который в его руках так глубоко пострадал, тогда не исключено, что общественное мнение, пока общественное мнение все еще было силой в Германии, перешло бы на его сторону и что грядущее зло еще можно было бы предотвратить.

§ 7. Его приготовления к войне.

Но Фредерик этого не делал. Если бы он был способен на это, он, должно быть, был другим, чем был. В 1622 году, как и в 1619 году, ученик Кристиана Ангальтского смотрел на простое развитие численного превосходства, не обращая внимания на моральную основу силы.

§ 8. Союзники Фридриха.

Следует признать, что если численность могла дать власть, то перспективы Фридриха никогда не были лучше, чем весной 1622 года. На этот раз армии Мансфельда не суждено было выстоять в одиночку. На юге маркграф Баден-Дурлаха вооружался на стороне Фридриха. На севере Кристиан Брауншвейгский готовился выступить на помощь Пфальцу. Подобные названия сразу же ставят перед нами две основные трудности, которые остались бы на пути к миру, даже если бы вопрос о Пфальце можно было отложить в сторону.

§ 9. Маркграф Баденский.

Маркграф Баден-Дурлаха долгое время был известен своим мастерством, с которым он находил предлоги для присвоения церковной собственности и для противодействия попыткам закона поставить его в неловкое положение в ходе судебного разбирательства.

1616

§ 10. Кристиан из Брауншвейга.

Кристиан Брауншвейгский был младшим братом герцога Брауншвейг-Вольфенбюттельского. Благодаря влиянию своей семьи он добился в 1616 году своего избрания на епископство или административную должность Хальберштадта. Церемонии, проводимые в учреждении молодежи, у которой не было ничего от епископа, кроме имени, вполне могли показаться унижительной профанацией в глазах католика того времени. Когда он вошел в собор, под перезвон органа прозвучала песня "*Te Deum*". Его подвели к главному алтарю в сиянии зажженных свечей. Затем, пока хор пел "О Господи! спаси народ твой", четыре старейших каноника возложили его на алтарь. Впоследствии он спустился и, преклонив колени вместе с канониками перед алтарем, трижды произнес нараспев слова "О Господи, спаси раба твоего". Затем его снова поместили на алтарь, пока пели хвалебный гимн. Наконец, он занял свое место напротив кафедры, пока учтивый проповедник объяснял, что избрание Кристиана произошло в

соответствии с явно выраженной волей Бога. "Это, - торжествующе воскликнул он, - епископ, которого избрал сам Бог. Это человек, которого Бог поставил правителем страны".

§ 11. Любовь Кристиана к дракам.

Последующие действия Кристиана никоим образом не соответствовали ожиданиям его восторженных поклонников. Подобно человеку, получившему дурную славу в ранней английской истории, он ничем не походил на епископа. Он даже не был хорошим правителем своих владений. Он оставил свой народ на произвол чиновников, в то время как сам скитался по миру в поисках действия. Такой же безмозглый для всех высших целей, как Мюрат, молодой епископ был прирожденным кавалерийским офицером. Он увлекся борьбой из любви к ней, точно так же, как молодые люди в более мирные времена увлекаются спортом.

§ 12. Он встает на защиту Элизабет.

И, если бы ему вообще предстояло сражаться, не могло быть и речи о том, на чьей стороне он был бы найден. В нем был определенный героизм, который заставлял его любить смотреть на себя как на поборника высоких целей. Такому человеку казалось бы совершенно унижительным удерживать свое епископство только на основании Мюльхаузенского соглашения, быть лишенным права занимать причитающееся ему место в сейме Империи и слышать, что если он будет очень лоялен и очень послушен императору, то никакая сила не будет применена, чтобы отобрать у него ту часть церковного имущества, которой он владел с помощью системы незаконного грабежа. Затем последовал визит в Гаагу, где ясные глаза его прекрасной кузины, титулованной королевы Богемии, навсегда приковали его к ее делу, которое, возможно, вскоре станет его собственным. Ибо кто мог сказать, будут ли больше считаться с соглашением Мюльхаузена, когда Пфальц будет потерян?

§ 13. Его опустошительные действия в епархии Падерборна.

Летом 1621 года Кристиан собрал войска, с которыми двинулся в католическое епископство Падерборн. Страна находилась в процессе насильственного обращения своего епископа, и в ней все еще оставался сильный лютеранский элемент, который, возможно, откликнулся бы на призыв лидера, который был не таким уж авантюристом. Но за исключением слов, католик и протестант были похожи на христианина, пока удавалось раздобыть деньги для содержания его армии. Замки, города, фермы были разграблены в поисках сокровищ богатых и скудных запасов бедных. Нам не нужно быть слишком суровыми к нему, если он снес серебряную раку святого в соборе Падерборна и переплавил ее в монету с надписью: "Друг Бога и враг священников". Но невозможно забыть, что он был врагом и крестьян. Среди регулярных офицеров его армии появились мастера поджогов; и многие деревни, неспособные удовлетворить его требования, сгорели в огне, а их мирная промышленность была разрушена навсегда. Наконец, насытившись добычей, он повернул на юг, заручившись поддержкой Мансфельда.

§ 14. Мансфельд не пойдет на мир.

Таковы были командиры, в руки которых попала судьба немецкого протестантизма. Мансфельд прямо сказал Вере, что независимо от того, будет заключено перемирие или нет, он, по крайней мере, не сложит оружия, пока ему не возместят его расходы за счет части австрийских владений в Эльзасе.

§ 15. Тилли среди своих врагов.

Если бы удалось привлечь к сотрудничеству три армии маркграфа Баденской, Кристиана Брауншвейгского и Мансфельда, Тилли, даже при поддержке испанцев Кордовы, оказался бы в решающем численном меньшинстве. Но у него было преимущество в том, что он находился в центре города, командовал войсками ветеранов, которые ему доверяли, и, прежде всего, в том, что он мог маршировать или сохранять спокойствие по своему усмотрению, поскольку его комиссариат не зависел от простого грабежа. Его также вдохновляла детская вера в дело, за которое он боролся, как за дело порядка и религии против анархии и порока.

Раздел IV.—Борьба за Нижний Пфальц.

§ 1. Фридрих присоединяется к Мансфельду в Пфальце.

К середине апреля вражеские армии пришли в движение, сойдясь к Пфальцу, где крепости Гейдельберг, Мангейм и Франкенталь были в безопасности под защитой Вира. Сам Фридрих присоединился к армии Мансфельда в Эльзасе, и его первые операции увенчались успехом. Соединившись с маркграфом Баденским, он нанес серьезный удар Тилли при Вислохе. Старый Валлон отступил в Вимпфен, призвав Кордову к себе на помощь, и призывал он не напрасно. С другой стороны, Мансфельд и маркграф не могли согласиться. У каждого был свой план кампании, и ни один не уступал другому. Кроме того, не было средств прокормить такую большую армию, если бы она держалась вместе. Мансфельд зашагал прочь, оставив маркграфа на произвол судьбы.

§ 2. Битва при Вимпфене.

Результатом стала битва при Вимпфене. 6 мая Тилли и Кордова застали маркграфа одного и нанесли ему полное поражение. Как только бой закончился, Кордова покинул поле боя, чтобы воспрепятствовать продвижению Мансфельда; и Мансфельд, чьи люди почти умирали с голоду, не смог преодолеть серьезного сопротивления. Ему ничего не оставалось, как поскорее отступить в Эльзас.

§ 3. Конгресс в Брюсселе.

Тем временем дипломаты встретились в Брюсселе. После того, как были преодолены некоторые формальные трудности, сэр Ричард Уэстон, представитель Англии, послал просить Фредерика согласиться на перемирие. Когда это сообщение дошло до него, битва при Вимпфене еще не состоялась, и его надежды все еще были велики. Перемирие, писал он своему тестю, стало бы для него полным крахом. Страна была истощена. Если бы его армия не жила грабежом, она не могла бы существовать. Несколько дней спустя он был избит. 13 мая он сдался и пообещал согласиться на перемирие. 28-го все снова изменилось. Он узнал, что маркграф Баденский надеется снова вывести свою армию на поле боя. Он знал, что Кристиан Брауншвейгский приближается из-за Майна; и он сообщил Уэстону, что ничем не может помочь переговорам в Брюсселе.

§ 4. Захват ландграфа Дармштадтского.

1 июня Фредерик и Мансфельд выступили из Мангейма навстречу Кристиану. По пути они проезжали Дармштадт. Ландграф был им особенно неприятен, как лютеранский принц, тепло принявший сторону императора. Миролюбие в сочетании с претензиями на спорные земли с

ландграфом Гессен-Кассельским, в которых он надеялся на поддержку Фердинанда, сделало его злейшим врагом Мансфельда и его действий; и хотя в то время не было известно, что он на самом деле получал испанскую пенсию, Фридрих вряд ли стал бы приписывать действия, которые казались столь непонятными, иным мотивам, кроме заинтересованности.

§ 5. Мансфельд не смог пройти Майн.

Как только войска достигли Дармштадта, они приступили к своей обычной работе, опустошая местность и угоняя скот. Обращаясь к ландграфу, который рекомендовал подчиниться императору как лучший способ восстановления мира, Фридрих использовал высокопарные выражения. Он зашел так далеко не в поисках мира. У ландграфа был укрепленный пост, который контролировал переправу через Майн, и его обладание позволило бы армии без труда присоединиться к Кристиану. Но ландграф был тверд; и, убедившись, что отказ не будет принят, попытался спастись от своих назойливых гостей бегством. Его настигли и привели пленником. Но даже в таком тяжелом положении он не отдал бы приказа о сдаче поста, а его командир решительно отказался сдавать его без инструкций. Прежде чем удалось найти другой проход, Тилли получил подкрепление, и Фридрих, унося с собой ландграфа, был вынужден отступить к Мангейму, не без потерь.

§ 6. Состояние армии Мансфельда.

Фредерик снова был готов согласиться на прекращение вооружений, предложенное в Брюсселе. Но Кордова и Тилли теперь придерживались другого мнения. Они знали, что Кристиан скоро окажется на Мейне, и были полны решимости сокрушить его, пока он еще без посторонней помощи. Лорд Чичестер, который приехал, чтобы позаботиться об английских интересах в Пфальце, и который оценивал все, что видел, глазами опытного солдата, ясно понимал причины неудачи Фридриха. "Я так много наблюдаю, - писал он, - за армиями маркграфа Баденского и графа Мансфельда, которые я видел, и за их плохой дисциплиной и порядком, что вынужден предположить, что королевство и княжество, за которые они будут сражаться, находятся в большой опасности. Говорят, что герцогство Брауншвейгское управляется ненамного лучше: и как может быть лучше или иначе там, где людей воспитывают из отбросов народа князя, у которых нет ни власти над ними, ни власти, из-за отсутствия платы, наказать их, ни средств вознаградить их, живущие только грабежом и разграблением, как они это делают?"

§ 7. Battle of Höchst.

20 июня, за день до того, как были написаны эти слова, Тилли и Кордова встретились с Кристианом в Хехсте, и хотя они не помешали ему переправиться через Майн, они нанесли ему такие огромные потери, что он присоединился к Мансфельду с остатками своей армии.

§ 8. Мансфельд покидает Пфальц.

Велик был ужас в Мангейме, когда стала известна правда. Маркграф Баденский сразу же покинул своих сообщников. Мансфельд и Кристиан, взяв с собой Фридриха, отступили в Эльзас, где Фридрих официально уволил их со службы и, таким образом, умыл руки от всякой ответственности за их дальнейшие действия.

§ 9. Фредерик возвращается в Гаагу.

Удалившись на время в Седан, он наблюдал за происходящими событиями из этого тихого убежища. "Молю Бога, - писал он своей жене, - чтобы у нас был маленький уголок земли, где мы могли бы отдохнуть вместе в мире". Судьбы Германии и Европы должны были решаться более ясными головами и более сильной волей, чем у него. После небольшой задержки он вернулся в Гаагу, чтобы доказать, как доказывали многие более мудрые люди до него, насколько горько подниматься и спускаться по лестнице, ведущей в вестибюли великих: умолять о помощи, которая никогда не дается, и планировать победы, которые никогда не приходят.

ГЛАВА IV. МАНСФЕЛЬД И КРИСТИАН В СЕВЕРНОЙ ГЕРМАНИИ.

Раздел I.—Поход Мансфельда в Нидерланды.

§ 1. Сокращение Пфальца.

Когда Тилли одержал верх над армиями на поле боя, взятие крепостей в Пфальце было просто делом времени. Гейдельберг сдался 16 сентября. 8 ноября Вир счел Мангейм более неприступным. Франкенталь в одиночку продержался еще несколько месяцев, а затем был сдан испанцам.

§ 2. Цели католиков.

Джеймс все еще надеялся, что мир возможен, хотя конференция в Брюсселе в сентябре была сорвана. Тем временем Фердинанд и Максимилиан продвигались к концу, который они давно предвидели; и собрание князей было приглашено собраться в ноябре в Ратисбоне, чтобы дать согласие на передачу курфюршества герцогу Баварскому.

1623

§ 3. Электорат перешел к Максимилиану.

Конституционная оппозиция со стороны протестантов была невозможна. В дополнение к большинству против них среди принцев, теперь, в силу самого факта исключения Фридриха, было большинство против них среди курфюрстов, большинство, которое было еще более твердо установлено, когда 13 февраля было торжественно объявлено о переводе. Максимилиану предстояло быть курфюрстом всю свою жизнь. Если бы кто-нибудь из родственников Фридриха заявил, что электорат должен скорее перейти к ним, они были бы услышаны, и если бы их дело оказалось убедительным, они получили бы то, что им причитается после смерти Максимилиана. Если тем временем Фридрих смиренно попросит прощения и откажется от своих притязаний на избирательное звание, император благосклонно рассмотрит его просьбу о возвращении его земель. Против всего этого испанский посол протестовал, но протест, очевидно, не предполагал, что за ним последуют действия.

§ 4. Северогерманские протестанты.

Вопрос о мире или войне теперь зависел главным образом от северогерманских протестантов. Никто не сомневался, что, если бы они смогли выработать единый план действий и если бы они энергично взялись за его осуществление, они оказали бы непреодолимое влияние на спорные

вопросы. К сожалению, однако, такое единообразие действий было самым невероятным. Действительно, за последние годы Джон Джордж не раз был вынужден двигаться в разных направлениях под влиянием событий по мере их возникновения. Вторжение в Пфальц поколебало его дружбу к императору. Затем последовало похищение ландграфа Дармштадтского, которое стало шоком для другой стороны. Позже в том же году известие о том, что был найден предлог для изгнания лютеранского духовенства из Богемии, глубоко разозлило его, и его раздражение усилилось из-за перехода электората, в результате чего протестанты остались в безнадежном меньшинстве в Палате выборщиков. Но идея начать войну с императором и нарушить то, что еще оставалось гарантией мира, была в целом настолько неприятна Джону Джорджу, что сомнительно, чтобы что-то, кроме абсолютной необходимости, подтолкнуло его к войне. Чего бы ему хотелось, так это торжественного собрания, на котором у него могла бы быть возможность изложить свои взгляды. Но если бы этим взглядам всерьез противостояли, он вряд ли обнажил бы меч, чтобы отстаивать их.

§ 5. Мансфельд и Кристиан Брауншвейгский.

Если бы единственной опасностью, которой могли подвергнуться северные немцы, был марш армии Тилли, не исключено, что война здесь подошла бы к концу. Фердинанд и Максимилиан, несомненно, уважили бы мюльхаузенское соглашение, и вряд ли у северных князей нашлось бы достаточно решимости, чтобы побудить их вооружиться для возвращения Пфальца. Но возникла новая опасность. Мансфельд и Кристиан не сложили оружия, когда Фридрих распустил их в июле, и были далеки от того, чтобы идти на жертвы ради мира, они были готовы пойти на любые жертвы ради продолжения войны.

1622

§ 6. Они обосновываются в Лотарингии.

Вскоре авантюристы были вынуждены покинуть Эльзас. Они съели все, что там можно было съесть, и было известно, что враг идет по их следу. Вторгнувшись в Лотарингию, они на какое-то время обосновались на этой улыбающейся земле, подобно стае саранчи. Но куда им было обратиться дальше? Французское правительство поспешило направить подкрепления для охраны своей границы. Эта дорога, во всяком случае, была для них преграждена, и Кристиан, чьи войска находились в состоянии мятежа, тщетно пытался увести их к Нижнему Рейну. В то время как лидеры едва ли знали, что делать, они получили приглашение предоставить себя на три месяца в распоряжение Голландской республики.

§ 7. Битва при Флерюсе.

Дела у голландцев шли неважно с момента возобновления войны в 1621 году. Зимой их гарнизон в Жюльере сдался Спиноле, и великий испанский полководец теперь вел осаду Берген-оп-Зома, имея все шансы ослабить ее. Чтобы прийти на помощь Мансфельду, ему пришлось бы пройти маршем через Испанские Нидерланды. 28 августа он встретил Кордову на пути к Флерюсу, как и годом ранее в Пфальце. Хуже всего было то, что два его собственных полка подняли мятеж, отказываясь сражаться, пока им не заплатят. В то время Мансфельд был в лучшей форме. Он был человеком хладнокровного мужества и бесконечных ресурсов, и он подъехал к мятежникам, умоляя их, если они не будут сражаться, по крайней мере, сделать вид, что они намерены сражаться. Затем с остальными своими силами он атаковал врага. Кристиан храбро поддержал его во главе своей кавалерии, продолжая сражаться, несмотря на ранение в

левую руку. Под ним были убиты три лошади. Потери были огромными с обеих сторон, но Мансфельд добился своей цели и смог продолжить свой путь в безопасности.

§ 8. Кристиан теряет руку.

Рука Кристиана была ампутирована. Он приказал, чтобы операция была проведена под звуки труб. "Оставшаяся рука, - сказал он, - даст моим врагам достаточно работы". Он отчеканил деньги из серебра, взятого у испанцев, с надписью "*Altera restat*".

§ 9. Mansfeld in Münster and East Friesland.

Берген-оп-Зом был спасен. Спинола снял осаду. Но беспорядочные привычки Мансфельда плохо сочетались с обычной дисциплиной голландской армии. Те, кому он служил, были рады избавиться от него. В ноябре он был уволен и отправился искать счастья в епархии Мюнстера. Но враг был там слишком силен для него, и он направил свои стопы в Восточную Фрисландию, землю богатую и плодородную, легко защищенную от нападения, но совершенно беспомощную. Там он поселился, чтобы оставаться до тех пор, пока не иссякнут запасы денег и провизии, которые он смог выжать из жителей.

Раздел II.—Кристиан из Брауншвейга в Нижней Саксонии.

§ 1. Трудности нижнесаксонского круга.

Таким образом, это был новый повод для оскорбления, новый призыв к императору вмешаться, если его каким-либо образом можно считать хранителем мира в Империи. Но поход Тилли против врага в Восточной Фрисландии был не просто военной операцией. Немало северных князей сомневались в том, что победоносная католическая армия будет уважать соглашение Мюльхаузена. Кристиан из Брауншвейга, конечно же, не теряя времени, поддержал это сомнение. Ибо, что бы еще ни вызывало сомнения, не было никаких сомнений в том, что епархия Хальберштадта больше не была защищена положениями этого соглашения. Ни Лига, ни Император не давали никаких обещаний тем администраторам, которые утратили верность императору, и никто ни на минуту не мог утверждать, что Кристиан когда-либо проявлял искру лояльности.

§ 2. Кристиан и Тилли подталкивают их к противоположным курсам.

На одной стороне были христиане, уверявшие этих бедных князей, что нейтралитет невозможен и что их прямой долг - бороться за епископство и протестантизм. С другой стороны был Тилли, в равной степени уверявший их, что нейтралитет невозможен, но утверждавший, что их прямой долг - сражаться за своего императора против Мансфельда и разбоя. Принцы чувствовали, что все это было очень тяжело. Как было бы желательно, если бы только война приняла какое-нибудь другое направление или если бы Тилли и Кристиан взаимно истребили друг друга и избавили их от трудностей, связанных с решением таких ужасных вопросов!

§ 3. Halberstadt in danger.

Но от этого вопроса нельзя было избавиться. Хальберштадт был членом нижнесаксонского круга, одного из тех округов, где князья и города были юридически связаны друг с другом для

взаимной защиты. Таким образом, нижнесаксонский круг оказался меж двух огней. Католические войска собирались вокруг них на юге. Мансфельд выступил из своей крепости в Восточной Фрисландии и угрожал занять линию Везера на севере.

§ 4. Военные приготовления.

В феврале круг решил набрать войска и готовиться к войне. Но приготовления были направлены скорее против Мансфельда, чем против Тилли. Если бы император только мог быть удовлетворен положением епископств, у него не было бы вассалов более преданных, чем нижнесаксонские князья. Но в глазах Фердинанда признать больше, чем было признано в Мюльхаузене, означало бы сделать себя соучастником грехов других людей. Это означало бы признать, что ограбление может дать законное право собственности на владение.

§ 5. Христианин, приглашенный на службу к своему брату.

Почти неизбежно кружок еще больше втянулся в оппозицию императору. Брат Кристиана, Фридрих Ульрик, правящий герцог Брюнс-вик-Вольфенбюттельский, был слабым и некомпетентным принцем, во многом находившимся под руководством своей матери. Стремясь спасти своего любимого сына, отважного христианина, от гибели, герцогиня убедила герцога предложить его брату убежище в своих владениях. Если бы он привел туда свои войска, он и они были бы приняты на службу к герцогу, уважаемому законопослушному принцу, и у него было бы время заключить мир с императором.

§ 6. Битва при Штадтлоне.

Кристиан сразу же принял предложение и вступил в переговоры с Фердинандом. Но у него никогда и в мыслях не было по-настоящему отказываться от своей авантюрной карьеры. Молодые принцы, жаждущие отличий, набирали войска и собирались под его знаменем. С каждой неделей число его сторонников увеличивалось. Наконец соседние государства больше не могли этого выносить. Власти круга прямо сказали ему, чтобы он убирался. Упрекнув их в медлительности, из-за которой они таким образом отказались от дела Евангелия, он отправился в голландские Нидерланды, а Тилли неотступно следовала за ним. 6 августа его настигли в Штадтлоне, в нескольких часах марша от границы, за которой он был бы в безопасности. Его наспех набранные рекруты не шли ни в какое сравнение с ветеранами Тилли. Из 20 000 человек только 6000 смогли пересечь границу.

Раздел III.—Опасность, исходящая от Нижнесаксонского круга.

§ 1. Опасность Северных епископств.

Поражение Кристиана, каким бы катастрофическим оно ни было, ничего не решило. Мансфельд все еще находился в Восточной Фрисландии. Князья Нижней Саксонии все еще беспокоились о епископствах. Даже если бы соглашение Мюльхаузена скрупулезно соблюдалось, было ли оно настолько достоверным, что епископства не могли быть вырваны у них иным способом, кроме силы оружия? Администраторы занимали престолы просто потому, что они были избраны капитулами, и если бы в капитуле можно было получить только католическое большинство, выборы на следующей вакансии наверняка достались бы католику. Часто случалось, что протестантское большинство заботилось о том, чтобы увековечить свою власть методами весьма сомнительной законности, и император мог подвергнуть сомнению эти методы. Может

даже случиться так, что строгий закон превратит большинство в меньшинство. Уже 18 апреля капитул Оснабрюка выбрал католика преемником протестантского епископа, возможно, на него не совсем не повлияло близкое соседство католической армии. Кристиан Брауншвейгский, уверенный, что ему не позволят сохранить свою кафедру, официально подал в отставку, и не было исключено, что с помощью каких-то манипуляций можно было бы заставить капитул Хальберштадта последовать примеру Оснабрюка. Вопрос о епископствах, без сомнения, имел свою низкую и мелочную сторону. Об этом можно говорить просто как о вопросе, интересующем горстку аристократических синекурсистов, которым посчастливилось пожирать плоды деятельности старых епископов, не выполняя свою работу. Но это было бы очень неполным изложением вопроса. Поскольку эти епископства были разбросаны по всей Северной Германии, их восстановление означало не что иное, как захват императором и его армиями выгодных позиций над всем севером. Никто из тех, кто ставит под глазами по карте могут усомниться на мгновение, что, с этих епископий открыты для войск Лиги, или это может быть даже к войскам короля Испании, независимость князей было делом прошлого; и никогда не следует забывать о том, что, как обстояли дела, причиной независимости князей были неразрывно связаны с незаЧии протестантизма. Если бы Фердинанд и Максимилиан добились своего, немецкий протестантизм существовал бы только благодаря терпению; и что бы они и иезуиты ни говорили, немецкий протестантизм был, несмотря на все его недостатки, слишком благородным вероучением, чтобы существовать на основе терпения.

§ 2. Нижнесаксонский круг ничего не делает.

Будут ли члены круга Нижней Саксонии достаточно сильны, чтобы сохранить свой нейтралитет? Они отправили послов к императору с просьбой решить вопрос о епископствах в их пользу и к Иоанну Георгию с просьбой о его поддержке. Император ответил, что он не пойдет дальше соглашения, заключенного в Мюльхаузене. Джон Георг дал им хороший совет, но не более того. И, что хуже всего, они были разобщены между собой. Князья и города, согласившись поддержать войска для общей обороны, сделали все возможное, чтобы уклониться от своих обязанностей. Было отправлено как можно меньше людей, а деньги, необходимые для их поддержки, поступали все медленнее. Как обычно, неоплачиваемые люди были более опасны для страны, которую они были призваны защищать, чем для врага. Круг пришел к выводу, что было бы лучше отправить войска домой, чем держать их под ружьем. К началу нового года Нижняя Саксония была беззащитной, заманчивой добычей для того, кто первым протянет руку, чтобы взять ее.

§ 3. Низкое общественное самочувствие.

Это была старая история. Когда Империя, Парламент и Церковь находились в руках простых приверженцев, ничто не напоминало людям об их гражданском долге перед великой нацией. Даже мысль о том, чтобы быть членами какого-то круга, была слишком возвышенной, чтобы восприниматься всерьез. Города пытались переложить бремя защиты на князей, а князья перекладывали его обратно на города. Быстро поднимался поток, который должен был поглотить их всех.

Раздел IV.—Англия и Франция.

§ 1. Иностранные державы, готовые вмешаться.

Весной 1624 года на мгновение наступил покой. Мансфельд, обнажив Восточную Фрисландию, отступил в Нидерланды. Единственной армией, которая все еще была на ногах, была армия Лиги, и если бы Германия была островом посреди Атлантики, не оказывающим влияния на другие державы и неподвластным их влиянию, продолжение вооружения этих войск можно было бы справедливо привести в доказательство того, что император и Лига хотели еще больше усилить свои преимущества, несмотря на их утверждения, что они не хотели ничего, кроме гарантии мира.

§ 2. Слабость Фердинанда.

Но Германия не была островом. Вокруг нее находилось множество держав с противоречивыми интересами, но все они находили в ее развлечениях прекрасное поле для достижения своих собственных целей. Фердинанд, по сути, стал достаточно сильным, чтобы возбудить зависть своих соседей, но недостаточно сильным, чтобы воздвигнуть непреодолимый барьер для их нападков. На его стороне были юридические и военные составляющие успеха. Он подавил любое сопротивление. Он напугал тех, кто боялся анархии. Но он не затронул сердца нации. Он научил людей считать простым вопросом расчета, может ли иностранное вторжение нанести им больший ущерб, чем успех их собственного императора. Хотя он делал вид, что говорит от имени Германии, более половины Германии были нейтральны, если не враждебны в этой борьбе.

1623

§ 3. Разрыв между Англией и Испанией.

Англия, наконец, начала подавать признаки военной подготовки. Принц Чарльз нанес визит в Мадрид в надежде привезти домой испанскую невесту и вернуть Пфальц для своего шурина. Он вернулся без жены и с перспективой вернуть себе Пфальц, такой же далекой, как всегда. Он узнал, в чем заключался испанский план, этот замечательный план обучения детей Фридриха в Вене со всеми мнимыми гарантиями сохранения их веры в отца, которые, однако, почти наверняка ни к чему не приведут, если претворить их в жизнь. И вот он вернулся, разгневанный на испанцев, и решил уговорить своего отца взяться за оружие. Весной 1624 года все переговоры между Англией и Испанией были прекращены, и парламент обсуждал с королем наилучшие способы возвращения Пфальца.

§ 4. Планы английского языка.

В английской палате общин было очень мало реальных сведений о германских делах. Успехи императора и Лиги были слишком недавними, чтобы их можно было полностью осознать. Люди, помня времена Филиппа II, были склонны переоценивать могущество Испании и недооценивать могущество императора. Поэтому они воображали, что будет достаточно напасть на Испанию с моря и послать несколько тысяч солдат на помощь Голландской республике.

§ 5. Спор между королем и Палатой общин.

Джеймс, если и не был проворен в действиях, то, во всяком случае, знал, что это не так. Он считал, что имперская власть теперь слишком прочно укоренилась в Германии, чтобы пасть перед чем-либо, кроме великой европейской конфедерации. Из-за этого Палата общин съежилась. Война на континенте обошлась бы чрезвычайно дорого, и, в конце концов, их гнев был направлен против Испании, которая вмешивалась в их внутренние дела, а не против

императора, который никогда не проявлял ни малейшего интереса к английской политике. Максимум, что они могли сделать, - это согласиться с заявлением короля о том, что он вступит в переговоры с другими державами и зимой представит им результаты.

§ 6. Французское правительство и гугеноты.

Джеймс впервые обратился во Францию. Он действительно понимал, что в тот момент, когда борьба в Германии перерастет в европейскую войну, ключ к успеху будет находиться в руках французского правительства. В этой великой стране, тогда, как и сейчас, идеи самого противоположного характера стремились к господству. Старые идеи, от которых отказались в Англии в шестнадцатом веке, вступили в противоречие с новыми мыслями, которые вряд ли были бы приняты в Англии раньше восемнадцатого века. Во Франции, так же как в Англии и Германии, вопрос дня заключался в том, как можно обеспечить религиозную терпимость, не нарушая национального единства. В Англии это единство было настолько сильным, что ни одну партию в государстве пока не удалось заставить признать, что терпимость вообще должна быть предоставлена. Но именно по этой причине вопрос находился на пути к лучшему урегулированию, чем это могло быть во Франции или Германии. Когда нация однажды оказывалась лицом к лицу с трудностями, люди спрашивали не о том, следует ли установить одну религию в Нортумберленде и другую в Корнуолле, а о том, насколько религиозная свобода полезна для людей как таковых по всей Англии. В Германии этого не могло быть. Там единственным вопросом было, где провести географическую границу между двумя религиями. Ни те, кто хотел увеличить власть князей, ни те, кто хотел увеличить власть императора, не смогли подняться над идеей местного и географического разделения. И в какой-то степени Франция находилась в таком же состоянии. Нантский эдикт признавал несколько сотен деревенских домов аристократии и некоторые города и поселки местами, где реформированные религиозные доктрины могли проповедоваться без помех. Но во Франции идеал национального единства, хотя и был гораздо слабее, чем в Англии, был гораздо сильнее, чем в Германии. Чтобы обеспечить безопасность протестантских, или гугенотских, городов, как их называли во Франции, им было предоставлено право самим размещать гарнизоны и не допускать королевских войск. Таким образом, они сохраняли себя как маленькие республики в сердце Франции, практически независимые от королевской власти.

Раздел V.—Возвышение Ришелье.

§ 1. Льюис XIII.

Такое положение вещей не могло продолжаться долго. Идеей, связанной с возвышением монархии, было единство нации. Идея, связанная с поддержанием этих гарантий, заключалась в их распаде. С тех пор как молодой король Людовик XIII стал достаточно взрослым, чтобы принимать активное участие в делах, он стремился установить свою власть от одного конца королевства до другого.

§ 2. Его идеи.

Верховенство и величие монархии были мыслью, с которой он жил и двигался. Его интеллект был невысокого уровня, и он вряд ли был способен создавать государственные проекты или успешно доводить их до конца. Но он был способен ценить заслуги и безраздельно доверял

любому человеку, который мог бы сделать то, что он желал сделать, сам точно не зная, как это сделать.

§ 3. Первые годы его правления.

В первые годы его правления казалось, что все разваливается на куски. Как только сильная рука его отца была отстранена, часть знати вернулась к полунезависимости от короны, в то время как другие подчинились ей из соображений получения больших пенсий и высоких должностей в государстве. С этим Льюису на время пришлось смириться. Но привилегии гугенотских городов вызвали его негодование. Прошло незадолго до того, как он объявил им войну, полный решимости подчинить их королевской власти.

§ 4. Сторона, проявляющая нетерпимость в суде.

Все это предвещало будущее Франции, мало чем отличающееся от будущего, которое, казалось, открывалось перед Германией. Было слишком много признаков того, что за установлением власти короля над городами последует насильственное утверждение его религии. При дворе собралась большая группа людей, которые с фанатичной нетерпимостью выступали против любых попыток относиться к гугенотам с уважением, и этот крик нашел отклик в сознании короля. Ибо он сам был набожным католиком, и ничто не доставило бы ему большего удовольствия, чем видеть, что победы его оружия сопровождаются победами Церкви, к которой он был привязан.

§ 5. Льюис ревнует к Испании.

Если Льюис и не был Фердинандом, то не потому, что он был благороднее или лучше, а потому, что у него были открыты глаза на опасности не с одной стороны. Когда в Германии впервые вспыхнули беспорядки, французское влияние было на стороне императора. Французские послы принимали участие в переговорах, предшествовавших Ульмскому мирному договору, и бросили все свои силы на чашу весов, чтобы обеспечить безопасность похода Максимилиана в Богемию. Но в 1622 году завоевание Пфальца навело короля Франции на другие мысли. Его монархическая власть, вероятно, гораздо больше пострадала бы от победоносного союза между двумя ветвями Австрийского дома, чем от нескольких гугенотских городков. На протяжении многих долгих лет Испания насаждала свои стандарты не только за пределами Пиренеев, но и в Неаполе, Милане, Франш-Конте и Нидерландах. Франкенталь и Западный Пфальц теперь были окружены ее войсками, и за этими войсками стояла старая призрачная империя, вновь обретавшая форму и содержание и представлявшая себя миру как державу, с которой отныне можно считаться. Соответственно, в 1622 году Льюис заключил мир с гугенотами у себя дома. В 1623 году он отправил небольшую помощь Мансфельду. В 1624 году он призвал Ришелье к себе на совет.

§ 6. Приход Ришелье к власти.

Было бы ошибкой полагать, что хладнокровный и дальновидный кардинал, который таким образом внезапно оказался во главе французского министерства, с самого начала шел своим путем. Он должен был принимать во внимание приливы и отливы чувств при Дворе и в стране, а также приливы и отливы чувств в самом Льюисе. У Льюиса все еще было старое стремление

сокрушить гугенотов и сделать себя абсолютным хозяином дома, наряду с новым стремлением избавиться от превосходства Австрийского дома за границей. Задачей Ришелье было показать ему, как удовлетворить оба его стремления; как подавить мятеж, приветствуя свободу вероисповедания, и как, объединив католиков и протестантов в добровольном повиновении своему трону, он мог бы внушить страх за границей настолько, насколько его уважали дома.

§ 7. Брак Генриетты Марии.

Первая идея Ришелье была не совсем удачной. Он призвал Льюиса продолжить переговоры, которые уже были начаты, о браке между его сестрой и принцем Уэльским. По желанию либо самого Льюиса, либо Ришелье браку препятствовали условия религиозной свободы английских католиков, которые принц, когда он впоследствии взошел на трон как Карл I., не захотел или не смог выполнить. Таким образом, эти условия стали началом неприязни между двумя коронами, которая в конечном итоге привела к состоянию войны.

§ 8. Внешняя политика Льюиса и Ришелье.

Не было недостатка и в других причинах для разногласий. Джеймс и его сын ожидали, что Франция присоединится к ним в общепризнанном союзе за восстановление Пфальца. Но на это Льюис и Ришелье отказались согласиться. Льюис гордился именем католика и не желал вступать в открытую войну с объявленными защитниками католического дела. Но он также был королем Франции и был готов удовлетворить свою совесть, отказавшись присоединиться к лиге, хотя без колебаний посылал деньги на поддержку армий, сражавшихся за протестантизм. Он согласился выплачивать голландцам крупные субсидии и присоединиться к королю Англии в организации экспедиции, которая должна была пройти под командованием Мансфельда через Францию в Эльзас с целью нападения на Пфальц. В то же время он был готов вести войну в Италии. Испанцы вступили в военное владение Вальтеллиной, долиной, через которую пролегла единственная безопасная военная дорога из их владений в Италии в австрийские земли в Германии. Еще до конца года французская армия вошла в долину и с легкостью вытеснила испанцев.

§ 9. Экспедиция Мансфельда.

Экспедиция Мансфельда, с другой стороны, вообще не достигла Эльзаса. Прежде чем войска, из которых она состояла, были готовы к отплытию из Англии, Ришелье нашел предлог для изменения ее курса. Спинола осадил Бреду, и голландцы с такой же тревогой искали средства оказать ей помощь, как они искали средства оказать помощь Берген-оп-Зому, когда он был осажден в 1622 году. Французы утверждали, что Мансфельду было бы гораздо лучше работать в Бреде, чем в Эльзасе. Во всяком случае, теперь они категорически отказались разрешить ему проехать через Францию.

1625

§ 10. Провал экспедиции.

Джеймс напрасно ворчал и протестовал. Наконец, после долгих задержек, Мансфельду разрешили отплыть к берегам Нидерландов со строгим приказом идти в Пфальц, не приближаясь к Бреде. С ним было 12 000 английских пехотинцев, и его должны были сопровождать 2000 французских всадников под командованием Кристиана Брауншвейгского. Ничего хорошего из экспедиции не вышло. Джеймс согласился с условиями, приложенными к

брачному контракту его сына, которые он не рискнул выносить на обсуждение в Палате общин, и поэтому парламенту не разрешили собраться. Без помощи парламента Казначейство было почти пустым, и Джеймс не смог отправить деньги с Мансфельдом, чтобы заплатить своим людям. Приземлившись, бедняги, прижатые несколькими неделями ранее и совершенно не имевшие военного опыта, оказались в сильный мороз без всего. Вскоре они подышали зимой, как мухи. Помощь, которую им наконец разрешили оказать, не смогла спасти Бреду от капитуляции, а горстка оставшихся была слишком мала, чтобы пересечь границу с Германией.

§ 11. Восстание французских гугенотов.

Ришелье надеялся ознаменовать 1625 год большими усилиями, чем в 1624 году. Он овладел Вальтеллином в союзе с Венецией и Савойей, и французские войска должны были помочь герцогу Савойскому взять Геную, город, находившийся в тесной дружбе с Испанией. Продолжались разговоры о том, чтобы изгнать испанцев из Миланского герцогства, и Ришелье даже желал интервенции в Германию, хотя никакого решения по этому вопросу принято не было. В разгар этих мыслей ему вдруг вспомнилось, что он не был полным хозяином дома. Мир, заключенный с гугенотами в 1622 году, не был соблюден справедливо: королевские чиновники вторглись на их земли и не выполнили условий договора. Внезапно Субиз, могущественный дворянин-гугенот со своим собственным флотом, напал на несколько королевских кораблей, стоявших в Блаве, в Бретани, и увел их в качестве приза. Отплыв в Рошель, он убедил этот крупный торговый город прийти к взаимопониманию с ним и заявить об открытом сопротивлении королевской власти.

§ 12. Срыв планов Ришелье по интервенции в Германию.

Если Ришелье всерьез намеревался принять участие в войне с Германией, то это было достаточной причиной для колебаний. Ловко воспользовавшись ожиданиями, возникшими от союза Франции с Англией и Голландией, он ухитрился позаимствовать корабли у обеих этих стран, и еще до окончания осени Субиз был вынужден искать убежища в Англии. Но Рошель и гугеноты на суше все еще были непокорены, и Фердинанд на данный момент был в безопасности от любого значительного участия Франции в войне с Германией. Сможет ли Ришелье когда-нибудь снова взяться за нить своих планов, зависело в первую очередь от его успеха в подавлении восстания, но в не меньшей степени от того, как он сможет воспользоваться победой, если события окажутся благоприятными для него. Толерантная Франция могла бы начать войну с некоторыми шансами в свою пользу. Франция, состоящая из завоевателей и покоренных, в которой каждая сторона рассматривала бы другую как злодеев, подлежащих подавлению, а не как заблудших братьев, с которыми нужно спорить, имела бы достаточно легкий вес на весах европейской политики.

ГЛАВА V. ВМЕШАТЕЛЬСТВО КОРОЛЯ ДАНИИ.

Раздел I.—*Кристиан IV. и Густав Адольф.*

§ 1. Дания и Швеция.

В то время как Франция, таким образом, была временно отстранена от участия в делах Германии, и пока Яков и его сын обещали больше, чем позволяла им их бедность, правители Дании и Швеции с возрастающим интересом наблюдали за ходом войны, когда она катилась на север.

§ 2. Кристиан IV.

Датский король Кристиан IV имел все основания с тревогой смотреть в будущее. Как герцог Гольштейнский, он был членом нижнесаксонского круга и долгое время делал все возможное, чтобы распространить свое влияние на побережье Северного моря. Своими новыми укреплениями в Глюкштадте он намеревался перехватить торговлю Гамбурга, и его успех в приобретении для одного из своих сыновей епископства Верденского и коадьюторства и, в конечном итоге, наследования бременского архиепископства, несомненно, был особенно благодарен ему за положение, которое он таким образом приобрел на Эльбе и Везере. Поэтому вопрос о протестантских епископствах был очень важным вопросом для него лично, и он хорошо понимал, что настоящая национальная империя в Германии быстро справится с его попытками установить свое господство над устьями немецких рек.

§ 3. Его ранний интерес к войне.

Уже не в первый раз его внимание привлекали к ходу войны. Как и все лютеранские князья, он решительно не одобрял богемское предприятие Фридриха. Но когда Фридрих был беглецом, он увидел, что необходимы сильные силы, чтобы удержать императора от ответных действий, которые были бы губительны для протестантов, и в начале 1621 года он охотно выслушал предложение Якова о совместном вооружении для защиты Пфальца. Если бы война была начата тогда с той умеренностью, которую Джеймс и Кристиан, несомненно, сумели бы ей придать, мир, возможно, был бы избавлен от зрелища грабежей Мансфельда с их печальными результатами. Но Яков слишком рано пришел к выводу, что нет необходимости вооружаться, пока посредничество не провалилось; и Кристиан, не предвидя ничего хорошего от такого хода событий, отступил и бросил Пфальц на произвол судьбы. Но последующие события усилили его тревогу, и в 1624 году его мысли были заняты желанием сдержать рост императорской власти и нерешительностью действовать с союзниками, столь колеблющимися и беспомощными, какими оказались нижнесаксонские принцы. В своих собственных землях он показал себя хорошим администратором и способным правителем. Был ли он достаточно боеспособен, чтобы справиться с Тилли, еще предстоит выяснить.

§ 4. Густав Адольф.

Густав Адольф, король Швеции, был человеком более высокого уровня. Его имя - одно из немногих, которые снимают с континентального протестантизма семнадцатого века обвинение в бесплодии. Обладая высоким и блестящим воображением и темпераментом беспокойным и неутомимым, для которого бездействие было тяжелейшим испытанием, он никогда не был так счастлив, как тогда, когда вкладывал свой пылающий дух в товарищей по какому-нибудь опасному предприятию. Кристиан из Брауншвейга был не более готов, чем он, возглавить атаку или провести штурм. Но он обладал также тем, о чем Кристиану ни на мгновение не приходило в голову ни одна мысль, — способностью видеть факты в их конечном разнообразии такими, какими они были на самом деле, и самоограничением, с которым он обуздывал свой борющийся дух и страстное стремление к действию всякий раз, когда спокойный обзор

окружающей обстановки показывал ему, что действовать нецелесообразно. Навсех страницах истории, вероятно, нет человека, который оставлял бы такое впечатление о сдерживаемой энергии, которая является истинным признаком величия человеческого характера, поскольку она является источником всего возвышенного и прекрасного в природе или искусстве.

§ 5. Его конфликт с Польшей и Россией.

Такой человек наверняка не был простым энтузиастом, безрассудно отправляющимся в протестантский крестовый поход. Он также не стал бы заботиться о простой мирской или политической власти, невзирая на высшие интересы своего времени. Его первым долгом, и он никогда не забывал об этом, был долг перед своей страной. Когда он вззошел на трон в 1611 году, Швеция была захвачена датскими армиями и находилась почти в отчаянном положении. За два года он вырвал у захватчиков мир на действительно тяжелых условиях, но который, по крайней мере, обеспечил независимость Швеции. Его следующим усилием, от которого он не отступал до дня своей смерти, было взять в свои руки господство на Балтике. Он изгнал русских с ее берегов. "Теперь, - торжествующе заявил он в 1617 году, - этот враг не может без нашего разрешения спустить ни одной лодки на Балтику". У него был другой враг, более опасный, чем Россия. Сигизмунд, король Польши, был его двоюродным братом, сыном старшего брата его отца, который был свергнут с престола Швеции за свою приверженность католической вере. Итак, Густав был вовлечен в великий вопрос, волновавший Европу. Простое юридическое право, которое отдало все семнадцать провинций Нидерландов Испании, которое отдало Богемию Фердинанду, а протестантские епископства и секуляризованные земли католическому духовенству, отдало также Швецию Сигизмунду. Было ли странным, если Густав выступил против этой доктрины насмерть, или если в его сознании рост двух ветвей Австрийского дома, которыми поддерживалась эта доктрина, неразрывно слился с вероучением, которому эта доктрина должна была способствовать? Было ли также странно, если протестантизм и национальное право каждой отдельной страны идти своим собственным путем, не стесненные такой доктриной, предстали в его глазах, каковыми по большей части они действительно были в его дни, всего лишь двумя формами одного и того же духа?

§ 6. Его визит в Германию.

Мир, заключенный Густавом с Россией в 1617 году, сопровождался новой вспышкой войны с Польшей; и это возобновление соперничества со старым соперником его дома, естественно, привлекло внимание короля к делам в Германии; ибо Фердинанд, теперь пришедший к власти, был шурином Сигизмунда и, вероятно, окажет ему посильную помощь в его шведском предприятии. И Густавус тоже был не совсем иностранцем в Германии. По линии матери в его жилах текла немецкая кровь, и когда летом 1618 года он тайно посетил Берлин, его покорило прелестное личико дочери того энергичного курфюрста Бранденбургского, который, надрвав уши соперничающему кандидату на герцогство Клевское, принял кальвинистское вероучение и вступил в Унию. Смерть курфюрста отложила свадьбу, и только в 1620 году во время второго визита Густав добился согласия нового курфюрста, Георга Вильгельма, чья слабость и колебания впоследствии стали тяжелым испытанием для шведского короля. Строго инкогнито Густав добрался до Гейдельберга, в то время как курфюрст был далеко, в разгар своего недолговечного великолепия в Праге. Густавус узнал кое-что из этого визита, чего никогда не забудет. Он увидел богатую роскошь этой прекрасной долины Рейна, простирающейся до тех пор, пока западные холмы едва различимы в голубой дали, и которая, по сравнению

венецианских путешественников с зеленой ломбардской равниной, должна была вызывать странное чувство удивления у странника с холодного и бесплодного севера. И он увидел еще одно зрелище, которое никогда не забывал, — богатство и великолепие рейнских прелатов. "Если бы эти священники были подданными короля, моего господина" (он говорил от лица шведского дворянина), "он бы давно научил их, что скромность и послушание являются истинными характеристиками их профессии".

§ 7. Его смелость и благоразумие.

Очевидно, в этом человеке было что-то от Кристиана Ангальтского, что-то от желания свергнуть существующие институты. Но было в нем то, о чем Кристиан Ангальтский не подозревал, — долгая и спокойная подготовка к кризису и способность установить новый порядок, если продлить его жизнь, чтобы занять место старого, который приходил в упадок.

§ 8. Возобновление войны с Польшей.

Густав вернулся, чтобы с новыми силами продолжить войну с Польшей. В 1621 году ему сдалась Рига. На следующий год он заключил перемирие, которое дало ему время осмотреться.

§ 9. Его интерес к войне с Германией.

1624 год принес с собой новую тревогу. Империя, враждебная Швеции и ее религии, становилась ужасно сильной. В отличие от Кристиана Датского, Густав сочувствовал богемскому начинанию Фридриха, хотя он мало чего ожидал от предприятия под руководством Фридриха. И теперь победный прилив устремился на север. Империя, прочно захватившая берега Мекленбурга и Померании, вскоре поставила бы под сомнение шведское господство на Балтике. Если это был конец, то Густав мало что выиграл от своих побед над Россией и Польшей.

§ 10. Характер его политики.

Все это звучит как простой эгоизм— Кристиан беспокоится за свое семейное епископство и свою власть на Эльбе и Везере; Густав обеспечивает защиту от нападения на его светлость на Балтике. Но из этого не следует, что для них обоих, и особенно для Густава, защита гонимого Евангелия не была чем-то вполне реальным. Историки хладнокровно препарируют мысли человека так, как им заблагорассудится, и навешивают на них ярлыки, как на образцы в кабинете натуралиста. Они утверждают, что это было сделано просто для личного возвеличивания; это было сделано в национальных целях; это было сделано из высоких религиозных побуждений. В реальной жизни мы можем быть уверены, что это было не так. Как у Фердинанда и Максимилиана, любовь к закону и упорядоченному управлению была неразрывно связана с желанием распространять веру, на которой основывалась их собственная духовная жизнь; так было и у Густава. Расширение могущества Швеции, поддержка князей Германии против посягательств императора, создание прочной и неприступной опоры для немецкого протестантизма - все это было для него частями одного великого дела, которые едва ли даже мыслились отделенными друг от друга. И, в конце концов, пусть никогда не забывают, что единство, на которое он нападал, было единством иезуита и солдата. У него вообще не было национальной основы. Германия будущего, Германия свободного разума и упорядоченной дисциплины, имела бы гораздо больше общего с разрушителем, чем с поборником пустого единства семнадцатого века.

Раздел II.—Английская дипломатия.

§ 1. Английское предложение Швеции и Дании.

В августе 1624 года два английских посла, сэр Роберт Анструтер и сэр Джеймс Спенс, отправились из Лондона; первый - к королю Дании, второй - к королю Швеции. Цель посольств была одинаковой: убедить обоих королей в необходимости взбодриться и принять участие в войне за возвращение Пфальца и за восстановление старого порядка вещей в Германии.

§ 2. Датский ответ.

Кристиан колебался лишь постольку, поскольку хотел быть совершенно уверенным, что Джеймс был слишком серьезен, чтобы повернуть назад, как он повернул назад в 1621 году. Анструтер должен был объехать круг принцев Нижней Саксонии, и как только от них был получен благоприятный отчет, а впечатление, произведенное этим сообщением, было усилено известием о приготовлениях Мансфельда в Англии, Кристиан согласился принять участие в войне.

§ 3. Предусмотрительность Густава.

Густавус был гораздо осторожнее. Ни на минуту не сомневаясь в том, что стоящая перед ним задача огромного масштаба, он утверждал, что было бы не так уж трудно, если бы все, у кого были основания жаловаться на Австрийский дом, от Бетлен Габора на востоке до Льюиса Французского на западе, объединили сердца и души в великом предприятии. С этой целью он уже поддерживал тесные отношения со своим шурином Георгом Вильгельмом, курфюрстом Бранденбургским, который впервые в жизни рвался в войну, возможно, потому, что едва ли имел полное представление обо всем, что подразумевала такая война.

§ 4. Его ответ.

У Густава тоже были свои представления о том, как следует вести войну. Во-первых, не должно быть разделенного командования, и он сам должен иметь все военное руководство войсками. Определенное количество людей должно быть действительно привлечено, и определенная сумма денег должна быть действительно выплачена ему в руки. К простым обещаниям, которые удовлетворяли Кристиана, он не прислушивался. И, кроме того, ему должны быть переданы два порта, один на Балтике, другой на Северном море, чтобы обезопасить свои коммуникации. Возможно, однако, та часть его плана, которая дает наибольшее свидетельство его предвидения, - это та, которая относится к Франции. Избегая камня на камне, о который раскалывалось английское правительство, он не предпринимал попыток принудить католического монарха, такого как Льюис, к чрезмерно тесному союзу с протестантскими державами. Помощь от Франции он принял бы охотнее всего, если бы мог ее получить; но он утверждал, что для французских войск было бы лучше найти для себя сферу действия в Южной Германии или Италии, подальше от регионов, в которых сам Густав надеялся действовать во главе чисто протестантской армии.

1625

§ 5. Англия принимает датский план.

В январе 1625 года ответы двух королей были известны в Англии. Из 50 000 человек, которых требовал Густав, 17 000 должны были быть выплачены из английской казны. Пока ему не выплатят жалование за четыре месяца, он не пошевелится. Он, со своей стороны, не собирался становиться вторым Мансфельдом, предводителем армии, вынужденной по чистой необходимости существовать за счет грабежа.

§ 6. Думаешь, что легче удовлетворить Кристиана, чем Густава.

Идеи Кристиана были сформулированы в более умеренных масштабах. Он думал, что 30 000 человек будет достаточно в целом, и что 6000 человек будет достаточно, чтобы достаться Англии. И Джеймс, и Чарльз заявили, что, если им придется делать выбор, они предпочтут датский план. Даже 6000 мужчин обошлись бы им в 30 000 фунтов стерлингов в месяц, и, хотя брак во Франции был улажен, парламент еще не был созван для голосования по субсидиям, на которых только и могли основываться такие расходы. Но они еще не понимали, что выбор был необходим. Они думали, что Gustavus все еще может прийти в качестве вспомогательного средства к датскому вооружению. Однако к этому предложению Густавус остался глух. У него не было доверия ни к Кристиану, ни к союзникам, которые так мало понимали стоявшие перед ними трудности. Это правда, ответил он на замечание английского посла, что он просил о жестких условиях. "Но, - добавил он, - если кто-то думает, что легко вести войну с самым могущественным монархом в Европе, и к тому же с тем, кто пользуется поддержкой Испании и стольких немецких князей, к тому же его поддерживает, одним словом, вся мощь римско-католического союза; и если он также думает, что легко привлечь к совместным действиям столько умов, каждый из которых преследует свою отдельную цель, и вернуть своим хозяевам столько земель из-под власти тех, кто цепко их удерживает, мы будем вполне готовы оставить ему славу его достижения", и все сопутствующие ему преимущества".

§ 7. Густав нападает на Польшу.

С этими словами, полными горькой иронии, Густав на время отвернулся от войны с Германией, чтобы уладить свою собственную ссору с королем Польши, ссору, которую он всегда считал подчиненной общим интересам, поскольку она мешала Сигизмунду принять участие в более крупном конфликте.

§ 8. Попытка Чарльза выполнить свои обязательства.

Более оптимистичным идеям Кристиана вскоре предстояло подвергнуться испытанию. В марте умер Яков Английский, а два месяца спустя Карл I. заключил соглашение о поставке королю Дании 30 000 фунтов стерлингов в месяц и наскреб 46 000 фунтов, чтобы начать. Мансфельд, это был Арколебался, следует отказаться от его безнадёжной попытке достичь Пфальц вдоль Рейна, и должен передать остатки своей силы на море на помощь христианской.

§ 9. Начало датской войны.

В конце концов, однако, главным моментом было то, удастся или не удастся королю заручиться поддержкой в самой Германии. Круг Нижней Саксонии, действительно, выбрал его своим военным вождем. Но даже тогда мнения разделились. Среди коммерческих кругов городов война против императора была пока решительно непопулярна. Они были сносно уверены, что не получают никакой выгоды от усиления принцев, в то время как опасность со стороны императора все еще оставалась в будущем. Но они были недостаточно сильны, чтобы унести

круг с собой. Образовался очаг сопротивления, который должен был быть сломлен, если притязания императора не ослабнут. 18 июля Тилли переправился через Везер в Нижнюю Саксонию, и началась датская война.

Раздел III.—*Вооружение Валленштейна.*

§ 1. Император нуждается в поддержке.

Хватит ли сил Тилли, чтобы одолеть короля Дании и его иностранных союзников? Фердинанд и его министры сомневались в этом. По мере того, как росла его власть, база, на которой она покоилась, сужалась. Из его союзников в 1620 году только Лига все еще поддерживала его. Испания, измученная к тому времени осадой Бреды, мало что могла для него сделать и довольствовалась составлением хитроумных планов по умасливанию курфюрста Саксонии и убеждением папы польстить лютеранам, объявив их намного лучшими, чем кальвинисты. Из всех подобных планов, подобных этому, скорее всего, не вышло ничего удовлетворительного. Иоанн Георг Саксонский, действительно, отказался присоединиться к движению короля Дании. Он считал, что князьям Нижней Саксонии следовало бы удовлетвориться соглашением Мюльхаузена и что Фридриху следовало бы подчиниться императору. Но даже в глазах Джона Георга нижнесаксонская война сильно отличалась от богемской. Отказ императора окончательно утвердить протестантские епископства сделал невозможным для любого протестанта оказывать ему нечто большее, чем пассивную поддержку.

§ 2. Его многочисленные враги.

И если друзей императора было меньше, то врагов - больше. Кристиан IV. был более грозным, чем Фридрих. Бетлен Габор, заключивший мир в 1622 году, снова угрожал на востоке, и никто не мог сказать, как скоро Франция может быть втянута в междоусобицу на западе. Фердинанду нужна была другая армия, помимо армии Тилли. Однако его казна была настолько пуста, что он не мог позволить себе заплатить ни одному дополнительному полку.

§ 3. Предложение Валленштейна.

Внезапно, в разгар его трудностей, один из его собственных подданных предложил взвалить это бремя на его плечи. Альберт Вальдштейнский, широко известный как Валленштейн, происходил из обедневшей ветви одной из величайших семей богемской аристократии. Его родители были лютеранами, но когда в возрасте двенадцати лет он остался сиротой, его отдали на попечение дяди, который попытался дать ему образование в строгой школе Богемского братства, организации, более известной в более поздние времена под названием "моравцы" и отличающейся, как и сейчас, суровым нравственным воспитанием.

§ 4. Его ранняя жизнь.

Дисциплина братьев, по-видимому, оказала на молодого дворянина почти такое же влияние, какое долгие проповеди шотландских пресвитериан оказали на Карла II. Мальчик попал к иезуитам в Ольмюте и принял их религию, насколько он вообще принимал какую-либо религию. Его настоящая вера была в самого себя и в откровения астрологии, этой мистической науки, которая рассказала ему, как яркие правители неба отметили его славой. Молодому способному протестанту без богатства не было места в Богемии под сенью знатных домов. У Фердинанда, пока еще правителя только трех своих наследственных герцогств, он встретил

солдатский прием и вскоре продемонстрировал солдатские способности к войне. Для Валленштейна не было неправильного пути, ведущего к богатству. Богатый брак сделал его владельцем больших поместий. Когда вспыхнула революция, он был полковником одного из полков на службе поместий Моравии. Население и солдаты были одинаково враждебны императору. Захватив кассу поместий, он, несмотря на все сопротивление, укачал в Вену. Фердинанд отказался принять добычу, добытую разбойником с большой дороги, и отправил деньги обратно, чтобы использовать их против себя. Моравцы открыто заявили, что Валленштейн не был джентльменом. Но события, которые стремительно развивались, выдвинули его имя на видное место в связи с более законными военными действиями, и он прославился многими искусными и отважными деяниями, прежде чем знамя Фридриха пало перед победителями на Белом холме.

§ 5. Предлагает собрать армию.

Теперь Валленштейн мог извлечь выгоду из победы своего господина. Фердинанд не был деловым человеком. Как в мирное время, так и на войне, он с радостью предоставлял детали другим, и на руинах побежденной аристократии можно было неплохо пожить. Помимо земель, которые достались Валленштейну в награду за его заслуги, он ухитрился приобрести большие поместья по чисто номинальным ценам. Вскоре он стал самым богатым землевладельцем в Богемии. Он стал принцем Фридланда. И теперь, когда трудности Фердинанда достигли апогея, Валленштейн выступил вперед, предложив собрать армию за свой счет. Императору не нужно было беспокоиться о его жалованье. Он также не должен был питаться простой случайной добычей. Где бы он ни находился, генерал собирал пожертвования от официальных властей. Таким образом, дисциплина была бы поддержана, и зла, из-за которого потерпели крах проекты Мансфельда, можно было бы легко избежать.

§ 6. Чем больше, тем лучше.

Современная критика отвергла давно подтвержденную историю утверждения Валленштейна в то время, что он мог найти средства для содержания армии в 50 000 человек, но не армии в 20 000 человек. Несомненно, что его первоначальный запрос касался всего 20 000 долларов. Но эта идея, несомненно, рано или поздно пришла бы ему в голову. Управление государством с помощью военной силы было сутью его предложения, и для этой цели чем больше численность его армии, тем лучше.

§ 7. Фердинанд не может отказаться.

Связь между двумя людьми, характеры которых так сильно различались, как у Фердинанда и Валленштейна, от начала до конца вызвала любопытство. И все же, в конце концов, это было лишь естественным результатом собственных методов правления Фердинанда. Правитель, который не знает ничего, кроме обязанности приводить закон в исполнение, в то время как он закрывает глаза на реальные требования тех, для кого закон должен был быть создан, должен в конце концов прибегнуть к мечу, чтобы уберечь себя и свою законность от разрушения.

§ 8. Wallenstein's system.

Замена грабежа контрибуциями, возможно, казалась Фердинанду способом прибегнуть к законному, упорядоченному способу ведения войны. К несчастью для него, это было не так. Поскольку гражданские законы Империи не давали ему права собирать ни пенни на военные

цели без согласия сейма, и поскольку в смятенном состоянии Германии Сейм больше не был доступен для этой цели, никто, вероятно, не рассматривал собранные таким образом деньги как законные в каком-либо смысле вообще. На самом деле, это могло быть оправдано только так, как Карл I. оправдал принудительный заем 1626 года как акт, совершенный из полноты власти, присущей короне, уполномочивающий его оказывать помощь в экстренных случаях на благо своих подданных. Фердинанд, по правде говоря, поставил себя в положение, из которого он не мог ни наступать, ни отступить с честью. Если бы он не принял услуг Валленштейна, то почти наверняка потерпел бы поражение. Если бы он действительно принял их, то почти наверняка поднял бы в Германии настроения, которые вызвали бы еще более сильное противодействие, чем то, с которым ему приходилось иметь дело в настоящее время.

§ 9. Умеренность невозможна для Валленштейна.

Ибо взносы должны были взиматься военными властями без каких-либо проверок или контроля со стороны гражданских чиновников. Даже если применялась крайняя умеренность, было что-то крайне раздражающее для крестьянина или горожанина в необходимости отдавать большую или меньшую долю своих сбережений полковнику, у которого не было никакой гражданской власти, которую он мог бы предъявить, и чьи требования не имели пределов, кроме как в его собственной совести. Те, кто ожидал, что будет применена умеренность, должно быть, составили себе очень оптимистичное представление о влиянии событий войны на обычный характер военнослужащих.

§ 10. Армия Валленштейна.

На самом деле ни Валленштейн, ни его солдаты не думали об умеренности. При нем было ровно столько регулярности, чтобы поддерживать дисциплину, в которой он нуждался; ровно столько порядка, чтобы выжать из страны как можно больше денег. "Боже, помоги стране, в которую пришли эти люди", - было естественным восклицанием испуганного чиновника, наблюдавшего за марширующими мимо него войсками.

§ 11. Объяснение успеха Валленштейна.

Как же тогда получилось, что система Валленштейна была не лучше, чем система Мансфельда, более тщательно организованная, что он не столкнулся с неудачами Мансфельда? Истинное объяснение, несомненно, заключается в том, что он смог избежать причин несчастий Мансфельда. Мансфельд с самого начала был перекасти-полем. С войсками, поддерживавшими себя за счет грабежей, ему пришлось выступить против армий в отличном состоянии, которыми командовали такие генералы, как Тилли и Кордова, прежде чем его собственные люди приобрели устойчивость дисциплинированной армии. Валленштейн решил, что с ним так быть не должно. Он поведет свои новые войска туда, где можно многого добиться и мало что сделать. Со временем они научатся доверять ему как своему лидеру и будут готовы идти дальше по его приказу.

§ 12. Валленштейн осенью 1625 г.

Осенью Валленштейн вступил в епархии Магдебурга и Хальберштадта, раздавая средства на содержание своей армии богатым и бедным. Требования к нему самому и его людям также не

были похожи на скромные требования Тилли. С ним каждый человек получал более высокую оплату. Великолепное снаряжение и великолепие любого рода были жизненной необходимостью для генерала и его офицеров, и этому примеру быстро последовали, насколько это было возможно, нижние чины армии. К мольбам Тилли о помощи Валленштейн остался глух и предоставил ему вести войну против датчан, насколько это было в его силах. Несомненно, он поступил мудро, отказавшись так рано подвергать своих новобранцев жестоким испытаниям в бою. У него все было основано на расчете. Даже его роскошь и великолепие приковывали к нему взгляды его солдат и открывали перед ними иную перспективу, чем бесконечные лишения, которые время от времени сменялись разгулом при штурме города, что было уделом тех, кто следовал за Тилли. И все же Валленштейн никогда не позволял этой роскоши и великолепию стоять на пути к более высоким целям. Он сам был стратегом незаурядного уровня. У него был острый взгляд на военные способности. Он никогда не утруждал себя вопросом, какова религия человека, если тот думал, что сможет хорошо послужить в качестве солдата. В его армии были генералы, чье происхождение было столь же прославленным, как у любого государя в Европе, и генералы, у которых не было другого права на возвышение, кроме их мастерства и доблести. Высокие и низкие были равны перед его военным кодексом. Почести и награды раздавались храбрецам: его дружба была оказана тем, кто отличился особой отвагой.

§ 13. Валленштейн не немец.

Это была новая власть в Германии, власть, не имевшая отношения к князьям Империи, едва ли более чем номинальная связь с самим императором. И человек, который держал его в руках, даже не был немцем. По происхождению он был богемцем славянской расы. Передовые люди войны, Тилли, Валленштейн, Густавус, были иностранцами. Германия не смогла произвести ни государственного деятеля, ни воина первого ранга.

1626

§ 14. Провал мирных переговоров.

Зимой в Брауншвейге начались переговоры о мире. Но они потерпели неудачу на старой скале. Император и Лига согласились бы на условия Мюльхаузена, и ничего больше. Против их совести было предоставлять постоянные гарантии протестантским администраторам и допускать их к полному пользованию привилегиями князей Империи. Этим нижнесаксонские князья не удовлетворились. Среди средств, с помощью которых капитулы добились своего протестантского статуса, были некоторые акты формальной и даже технической незаконности. Такие действия могли бы быть легко использованы императором и его советом для изменения характера этих органов. Император и его совет, возможно, и стремились быть справедливыми, но так или иначе они всегда ухитрялись решать спорные вопросы в пользу своих собственных сторонников. От имени религиозных и политических институтов протестантской Германии король Дании и его союзники отказались принять предложенные им условия и потребовали, чтобы протестантские территории получили юридическое и постоянное подтверждение своего права продолжать оставаться протестантскими.

Раздел IV.—Поражение Мансфельда и Кристиана IV.

§ 1. Кампания 1626 года.

Когда весной 1626 года началась кампания, численность, имевшаяся в распоряжении двух воюющих сторон, была не такой уж и неравной. Силы Валленштейна увеличились намного больше, чем он предполагал. Говорят, что он и Тилли вместе могли командовать силами в 70 000 человек, в то время как 60 000 были готовы выступить против них. На стороне Кристиана сражались Мансфельд и Кристиан Брауншвейгский, а также более благородный человек, чем они оба, Иоанн Эрнест Саксен-Веймарский, которого, первого из немецких мужчин, осенила идея устранить смуту в своем отечестве, провозгласив всеобщую веротерпимость. Бетлен Габор снова угрожал Вене со стороны Венгрии. Даже крестьяне-протестанты в Нижней Австрии поднялись на защиту своей религии и своих домов против баварских гарнизонов, которые охраняли землю до тех пор, пока не были оплачены расходы их хозяина.

§ 2. Кристиан IV. в невыгодном положении.

Однако в остальном, помимо численности, условия были крайне неравными. И Тилли, и Валленштейн разместили свои войска на территории противника. Добывая припасы, у них не было возможности посоветоваться, не было дружественных князей или городов, с которыми можно было бы пощадить. Кристиан, с другой стороны, все еще был среди его союзников и был вынужден, под страхом того, что они перейдут на сторону императора, проявлять к ним всяческое уважение. И посреди этих трудностей один источник снабжения, на который он имел полное право рассчитывать, полностью подвел его.

1625 г.

§ 3. Перебои с английскими поставками.

Весной 1625 года английский король Карл I. обязался выплачивать королю Дании 30 000 *фунтов стерлингов* в месяц, рассчитывая, что парламент позволит ему выполнить свое обещание. Парламент собрался в мае, но он не доверял ни Карлу, ни его фавориту и советнику герцогу Бекингеми. Война, ведущаяся в Германии на английские деньги, была крайне неприятна для чувств англичан. Сессия подошла к концу после голосования всего за 140 000 *фунтов стерлингов* для покрытия военных расходов, едва ли не превышающих 1 000 000 *фунтов стерлингов* в год, если это вообще возможно. И все же Чарльз настаивал. Зимой Бекингем отправился в Голландию и заключил Гаагский мирный договор, по которому голландцы должны были выплачивать 5000 *фунтов стерлингов* в месяц, а англичане возобновили свое обязательство выплачивать 30 000 *фунтов стерлингов* уже обещано Кристиану IV. Считалось, что на этот раз новый парламент будет готов рассмотреть помолвку короля. Но новый парламент оказался более непокорным, чем его предшественник. Сумма 46 000 *л.* который был отправлен за море в мае 1625 года, был единственным представителем обещанной поддержки Карла.

1626 г.

§ 4. Опасность, исходящая от датской армии.

Таким образом, Кристиан Датский и его союзники оказались в некоторой степени в том же положении, в каком находился Мансфельд в 1621 и 1622 годах. Если они и не были полностью лишены ресурсов, то, к сожалению, были стеснены в средствах и были вынуждены руководствоваться в своих передвижениях необходимостью поиска припасов, а не военными расчетами.

§ 5. Мансфельд на севере.

Мансфельд первым встретил врага. Некоторое время он жил за Эльбой, доставляя неприятности любекцам и курфюрсту Бранденбургскому. Но это не могло продолжаться вечно. Перед ним был Валленштейн, и он должен был сразиться с ним или оставить его, чтобы присоединиться к Тилли против короля.

§ 6. Битва на мосту Дессау.

Валленштейн никогда за всю свою карьеру не подвергал своих людей сражению в открытом поле, если мог этого избежать; и меньше всего было похоже, что он сделает это, пока они еще не испытаны. Он захватил мост Дессау через Эльбу и, сильно укрепив его, стал ждать, пока Мансфельд выполнит свою работу. 25 апреля появился Мансфельд. Напрасно он бросил свои войска против укреплений. Затем, воспользовавшись благоприятной возможностью, Валленштейн приказал атаковать. Враг в замешательстве бежал, и победа была одержана.

§ 7. Поход Мансфельда на Венгрию.

Вскоре после поражения Мансфельда у моста Дессау умер Кристиан Брауншвейгский. Оставшимся вождям датской партии предстояла отчаянная игра. Мансфельд, подкрепленный Джоном Эрнестом Веймарским, был отправлен через Силезию, чтобы протянуть руку Бетлен Габор. Валленштейн бросился в погоню, предварительно отправив несколько своих полков на помощь Тилли.

§ 8. Битва при Латтере.

Что мог сделать Кристиан перед лицом опасности? Английские субсидии так и не поступили. Оставаться в обороне означало навлекать на себя голодную смерть с ее неизбежным сопровождением - мятежом. Воодушевленный небольшим успехом над врагом, он сделал рывок в Тюрингию, надеясь проскользнуть в Богемию и объединиться с Бетлен Габор и Мансфельдом для поднятия старого протестантского флага в сердце наследственных владений императора. Но Тилли был начеку. 27 августа он встретился с датской армией при Латтере. Битва была ожесточенной. Но прежде чем это было решено, некоторые мужчины в рядах датчан закричали, что они больше не будут сражаться без оплаты. Кристиана выгнали с поля боя. В последующие дни он горько жаловался, что, если бы король Англии выполнил свои обещания, битва закончилась бы иначе.

§ 9. Смерть Мансфельда.

Солдаты, которых Валленштейн одолжил Тилли, хорошо проявили себя в бою. Сам Валленштейн был далеко. Протестанты Силезии приветствовали Мансфельда, и когда Валленштейн последовал за ними, он обнаружил, что основные города были заняты гарнизонами врага. К тому времени, когда он достиг Венгрии, Мансфельд присоединился к Бетлен Габор. Валленштейн снова применил свою старую тактику. Заняв сильную позицию, он предоставил своим противникам делать то, что они могли. События показали, что его расчеты были вполне обоснованными. Бетлен Габор рассчитывала на помощь турок. Но турки не оказали ему должной помощи, и он не рискнул повторить операцию на дессауском мосту без посторонней помощи и атаковать Валленштейна в его окопах. Он предпочел заключить перемирие, одним из условий которого было изгнание Мансфельда из Венгрии. По пути в

Венецию великого авантюриста охватила смертельная болезнь. Непобедимый человек, подобно старому северному воину, отказался умирать в постели. "Поднимите меня, - сказал он своим друзьям, - я сейчас умираю". Приподнявшись в вертикальном положении на их руках и глядя на рассвет, который озарял холмы первыми утренними лучами, он скончался. "Будьте едины, будьте едины, - бормотал он на последнем издыхании. - держитесь, как мужчины". Его собственное отсутствие на сцене, возможно, устранило бы одну из главных трудностей на пути объединения.

ГЛАВА VI. ШТРАЛЬЗУНД И РОШЕЛЬ.

Раздел I.—*Новые успехи Валленштейна.*

1626 г.

§ 1. Конфискации на севере.

Между Валленштейном и Лигой уже возникли разногласия. Было понятно, что поражение северных повстанцев приведет к конфискациям на севере, как поражение Фредерика привело к конфискациям на юге. На часть, по крайней мере, земель одного из побежденных князей претендовал курфюрст Менца. Валленштейн хотел получить все это для Георга Люнебургского, который, хотя и был лютеранином, занимал высокое командование в имперской армии.

§2. Валленштейн выступает за религиозное равенство.

Ссора была больше, чем просто личным спором. Лига хотела продолжить старую политику продвижения интересов католического духовенства под прикрытием законности. Валленштейн хотел, чтобы католики и протестанты, уже объединенные в его армии, были одинаково объединены в Империи. Тогда мятеж был бы единственным наказуемым преступлением; лояльность, и особенно лояльность его собственных офицеров, - единственной добродетелью, заслуживающей вознаграждения.

§ 3. Вступает в противоречие с Лигой.

Еще один вопрос между двумя державами зашел почти так же глубоко. Лига потребовала, чтобы Валленштейн содержал свою армию только за счет припасов, взятых у протестантов. Валленштейн отстаивал свое право, как императорский генерал, расквартировывать своих людей там, где он пожелает, и взимать взносы на их содержание даже на территориях Лиги.

§ 4. Валленштейну не удалось создать единство.

Впервые за много долгих лет прозвучал дружеский голос, призывающий императора следовать единственно мудрому пути. Фердинанд, отказавшись от политики разделения, должен был, если бы он прислушался к Валленштейну, поставить единство Империи выше интересов князей, основав его на религиозном равенстве. К несчастью, этот совет дал ему человек, который не мог предложить ему гарантии для реализации столь мудрой политики. Чтобы стоять выше партий, необходимо заручиться доверием нации, а как люди могут доверять Валленштейну? Прочные институты могут быть защищены мечом. Они не могут быть основаны мечом. Все, что было

известно о Валленштейне в Германии, - это то, что он командовал армией более многочисленной и более жестокой, чем у Тилли. Единство Германии, проявлявшееся в виде безграничных пожертвований и вымогательств и подкреплявшееся примером голодающих крестьян и горящих деревень, вряд ли могло оказаться очень привлекательным.

§ 5. Сопровождение Валленштейна с Эггенбергом.

Странно, что большая часть программы Валленштейна не сразу оттолкнула Фердинанда. Но Фердинанд никогда не принимал поспешных решений, когда с обеих сторон возникали трудности, и он привык прислушиваться к мнению своего главного министра Эггенберга. В ноябре Валленштейн провел совещание с этим министром. Он раскрыл весь свой план. Он увеличил бы свою армию, если бы это было необходимо, до 70 000 человек. С такими силами он смог бы избежать серьезного сражения, всегда опасного для войск, не до конца приученных к ведению боевых действий. Заняв стратегически важные пункты, он смог бы перехитрить врага. И тогда Фердинанд стал бы хозяином Германии. Вся Империя была бы обложена контрибуцией. Внутри страны царил бы подчинение, а за границей ни одна держава не была бы достаточно сильна, чтобы тронуть пальцем восстановленную Империю.

1627

§ 6. Фердинанд поддерживает Валленштейна.

Эггенберга было легко убедить, и когда Эггенберг был побежден, Фердинанд был побежден. В январе Валленштейн был назначен герцогом Фридрихсбургским, что было более высоким титулом, чем титул принца Фридрихсбургского, который он уже носил, в знак одобрения императора. Если бы только Валленштейн мог показать Фердинанду способ завоевать сердца немцев так же легко, как он показал ему способ подавить их сопротивление, история Германии и Европы изменилась бы.

§ 7. Перевес Валленштейна.

Сопротивление протестантов институтам Империи до сих пор терпело неудачу. Они были слабы, потому что во всех их действиях было что-то революционное. И теперь эти институты, которые до этого времени работали гармонично, подавали признаки распада. В них образовалась небольшая трещина, которая в любой день могла расшириться. "Должен ли император, - спросил Валленштейн, - быть простым изображением, которое никогда не должно двигаться?" "Не только Империя, - ответили представители Лиги, - связана с Императором. Император также связан с Империей". Не было ничего, что могло бы примирить противоположные теории. Император, который претендовал на то, чтобы быть кем-то, был орудием нескольких епископов; он был бы, если бы Валленштейн добился своего, орудием успешного генерала. Империя в устах представителей Лиги означала не население Германии, даже не истинный интерес князей, а просто интересы епископов и их Церкви.

§ 8. Кампания 1627 года.

Время для открытой ссоры еще не пришло. Враг, хотя и ослабленный, все еще был силен. Карл I с помощью принудительного займа, который каждый англичанин, кроме него самого и его придворных, объявил нарушающим все конституционные прецеденты, ухитрился получить немного денег в свою казну, и сэр Чарльз Морган был отправлен на помощь королю Дании с армией, номинально насчитывающей 6000 человек, но на самом деле никогда не достигавшей

двух третей от этой численности. Турн, старый герой революции в Праге, и маркграф Баден-Дурлаха, принесли свой опыт, каким бы он ни был, на помощь Кристиану, и младший брат Джона Эрнеста, вскоре получивший известность как Бернхард Веймарский, также сражался под его знаменами. Сильные города — Вольфенбюттель, Нордхайм и Нинбург — все еще были на его стороне, и крестьяне и горожане стремились освободить землю от гнета солдат и иго священников.

§ 9. Представление Бетлен Габор.

Протестанты севера снова с тревогой посмотрели на восток. Но Бетлен Габор не шелохнулся. Без турецкой помощи он ничего не мог сделать, и турки, вовлеченные в войну с Персией, решили заключить мир с императором. Когда в сентябре был заключен мир, Бетлен Габор была бессильна.

§ 10. Валленштейн в Силезии.

Руки Валленштейна были развязаны, как только начались эти переговоры. Джон Эрнест Веймарский умер годом ранее, но его помощники все еще владели Силезией. В мае Валленштейн послал герцога Георга Люнебургского отрезать им путь к отступлению. В июле он сам был в Силезии. Его людей было трое к одному противнику. Город за городом сдавался. Лишь однажды он столкнулся с попыткой сопротивления в открытом поле. К концу августа вся Силезия была в его руках. Пятьдесят пять штандартов были с триумфом отправлены в Вену. Силезские города были обложены выкупам, и деньги горожан пошли на пополнение военной казны императорского генерала.

§ 11. Combat of Heiligenhafen.

Когда Силезия была потеряна, Кристиан попытался предотвратить разрушение, предложив условия мира. Но два генерала не согласились ни на что меньшее, чем сдача Гольштейна, а на это Кристиан согласиться отказался. Валленштейн и Тилли объединили свои силы, чтобы оттеснить его на север перед собой. Этим движением маркграф Баденский был отрезан от остальной датской армии. Пробираясь к побережью близ Висмара, ему пришлось долго ждать, прежде чем прибыл транспорт, который перевез его через море к датскому королю. Едва он высадился в Хайлигенхафене, как прибыло большое количество империалистических войск, которые сразу же начали атаку. Сам он и несколько его главных офицеров спаслись на борту корабля. Его люди, увидев, что их бросили, перешли на службу к Валленштейну, и семь лучших полков датской армии были потеряны из-за Кристиана.

§ 12. Завоевание Шлезвига и Ютландии.

Тилли нашел занятие для своих людей в осаде укреплений в Нижней Саксонии. Валленштейн взялся следить за королем Дании. К концу года весь Шлезвиг и Ютландия, за исключением двух или трех укрепленных городов, были в руках Валленштейна.

§ 13. Wallenstein's schemes.

Несколько осад, и, казалось, все будет кончено. Валленштейн начал вынашивать самые смелые планы. Когда сопротивление в Германии будет подавлено, он встанет во главе 100 000 человек и изгонит турок из Константинополя. Однако таким мечтам суждено было остаться мечтами. Если

Дания потерпела поражение, Тилли все еще был там, и Тилли представлял силы, с которыми новая военная империя, несомненно, рано или поздно столкнется.

Раздел II.—*Соппротивление Валленштейну в империи.*

§ 1. The Assembly of Mühlhausen.

В октябре выборщики лично или через своих заместителей встретились в Мюльхаузене, чтобы принять во внимание состояние Империи. Церковные выборщики настаивали на том, что помолвка, данная в 1620 году протестантским администраторам, больше не действительна. Им сказали, что они не будут лишены собственности силой, если будут действовать как лояльные подданные. Но они не были лояльными подданными. Они присоединились к королю Дании в войне, в которой он с помощью иностранных держав пытался расчленить империю. Теперь пришло время восторжествовать справедливости и для Церкви, насколько позволял Аугсбургский мир, действовать самостоятельно. К этому рассуждению новый курфюрст Баварии приложил всю тяжесть своего авторитета, и даже два протестантских курфюрста не осмелились ответить на этот довод открытым отрицанием. Круг Нижней Саксонии вступил в войну вопреки совету Джона Георга, и он считал, что администраторы лишь пожинают плоды пренебрежения его советом.

§ 2. Католические избиратели жалуются на Валленштейна.

Избиратели-католики почувствовали, что находятся в пределах досягаемости урегулирования, которое они давно провозгласили объектом своих желаний. Затем они начали отбрасывать ногами лестницу, по которой они забрались так высоко. Не умаляя заслуг Тилли и его ветеранов, можно сказать, что без Валленштейна они не смогли бы справиться с противостоящими им силами. Армия Валленштейна отбросила Мансфельда, окружила Бетлен-Габор, вернула Силезию, внесла свой вклад в победу при Люттере. И все же эта армия угрожала утвердиться на руинах власти князей и курфюрстов и установить военный деспотизм самого невыносимого рода. Повсюду вербовщики Валленштейна били в барабаны. Тихие епископальные города на юге Германии, которые надеялись пережить последние неприятности, когда Мансфельд исчез на западе Эльзаса в 1622 году, внезапно оказались выбранными местом сбора какого-то нового полка. Грубые люди стекались сюда со всех сторон, чтобы их вооружили, одели, поселили и накормили за их счет. Тревожная доктрина о том, что армия должна обеспечивать себя сама, что людей нужно растить не для борьбы с врагом, а для того, чтобы выжимать пожертвования из друзей, вызвала всеобщий ужас. Было слышно, как офицеры Валленштейна тоже с военной откровенностью говорили о том, чтобы свергнуть принцев и курфюрстов и сделать императора настоящим сувереном.

§ 3. И все же они не могут обойтись без него.

Жалобный голос зазвучал громче. Но те, кто поднял этот вопрос, не понимали, что виновата их собственная политика; что, если бы не их отказ уступить в вопросе о епископствах, в армии Валленштейна вообще не было бы необходимости. То, что они делали, требовало помощи подавляющей военной силы, и они были поражены, когда тот, кто владел мечом, настоял на том, чтобы быть их хозяином. Поэтому в настоящее время курфюрсты не отважились ни на что большее, чем сделать Валленштейну мягкий выговор и обратиться к императору с петицией об

устранении злоупотреблений, которые, как они хорошо знали, были радикально связаны с новой системой.

1628

§ 4. Торговые города севера.

Неприязнь к правлению меча, которую испытывали те, ради кого этот меч был обнажен, несомненно, гораздо сильнее ощущалась в протестантских городах Северной Германии. До появления Валленштейна коммерческие олигархии, управлявшие этими городами, проявляли себя с лучшей стороны, но с прохладцей относились к протестантскому делу. Города юга были первыми, кто покинул Союз. Города севера были втянуты в войну с Данией наполовину против их воли. С ними имперская власть была связана многовековой традицией поддержки против посягательств князей. Но у них не было традиций, поощряющих армию, живущую среди них на свободе, запугивание полковников и издевательства над солдатами. Магдебург скорее выдержал все ужасы гнева Валленштейна, чем впустил в свои стены хоть одну роту. Гамбург заявил о своей готовности подчиниться власти императора, но закрыл свои ворота перед его армией. И хотя Магдебург можно было осадить, когда упоявлялся досуг, взять Гамбург и другие приморские города было не так легко. Всемогуший на суше, Валленштейн потерял власть при низком уровне воды. Король Дании бежал на свои острова. Король Швеции был хозяином Балтики. Если было сомнительно, смогут ли они привести армию в боевое состояние в Германии, то, по крайней мере, они могли бы перебросить провизию и военное снаряжение в осажденный портовый город. Если мы хотим обезопасить Империю, эти морские порты должны быть переданы под власть императора.

§ 5. Валленштейн во владении герцогства Мекленбург.

Таким образом, здесь, посреди опасности, Валленштейн решил прочно укрепиться, инстинктивно убежденный, что опасный пост - это пост власти. Два герцога Мекленбургские неуклонно поддерживали короля Дании в его борьбе против императора. В 1627 году, когда большинство других государств прекратили выплачивать какие-либо взносы на войну, они продолжали выполнять свои обязательства, и хотя теперь они заявляли о своей готовности подчиниться, в интересах Валленштейна было извлечь максимальную выгоду из их измены и наименьшую - из их раскаяния. В феврале 1628 года император, используя права, на которые он претендовал в случае с курфюрстом Палатинским, объявил, что они утратили свои земли и звания, и передал герцогства в руки Валленштейна в качестве залога для оплаты военных расходов, которые еще предстояло ликвидировать. Важным для изменения настроений в Германии было то, что церковные курфюрсты, которые не видели ничего плохого в лишении Фридриха, не смогли сказать доброго слова в поддержку этой уступки Валленштейну.

§ 6. Переговоры с ганзейскими городами.

В Мекленбурге имперский генерал закрепился на Балтийском побережье. Но требовалось нечто большее, если он хотел обезопасить себя от нападения. Всю зиму шли переговоры с ганзейскими городами, приморскими городами старого торгового союза, который когда-то занимал доминирующее положение на севере и который, хотя и был лишен своей древней славы, все еще заслуживал того, чтобы за ним ухаживала держава, стремившаяся править в Германии.

§ 7. Предложения Валленштейна заманчивы.

Причины заключались в нежелании побудить ганзейские города принять предложения императора. Было что-то очень заманчивое в идее использовать мощь имперских армий в своих конфликтах за иностранные государства. Объектом зависти этих государств был особенно Гамбург, как рынок, откуда западные страны поставляли себе материалы, используемые в судостроении. Король Дании построил Глюк-штадт, расположенный ниже по течению Эльбы, в надежде перехватить столь прибыльную торговлю. Король Англии перекрыл реку и захватил гамбургские суда, которые, как он подозревал, были гружены лесом и пенькой для использования его врагами в Испании.

§ 8. Но они испытывают отвращение, когда понимают его план.

Следовательно, от роста национальной власти в Германии ганзейские города выиграли бы все. Но Фердинанд не был, не мог быть по-настоящему национальным. То, что он мог предложить, было особым соглашением с Испанией, которое дало бы им монополию на торговлю между Германией и испанскими владениями. Такая торговля могла поддерживаться только войной. Это была привилегия, которая повлекла бы за собой смертельный конфликт с Англией и Голландией, возможно, также с Данией и Швецией. И перспектива была не более заманчивой потому, что Валленштейну предстояло сыграть главную роль в замысле. Генерал имперских войск был назначен адмиралом Балтийского моря, и ожидалось, что ганзейские города предоставят ему флот.

§ 9. Они отказываются принять его предложение.

Какая перспектива для группы расчетливых торговцев. Испанскую монополию при таких обстоятельствах вряд ли можно было рекомендовать в качестве разумного вложения средств. Предложения императора были вежливо отклонены. Валленштейн, когда услышал об их ответе, оценил их здраво. По его словам, у него были средства прекратить их торговлю по суше и конфисковать товары, которые они могли импортировать либо из Англии, либо из Нидерландов. Короче говоря, он поступит с ними так же, как Наполеон поступил с ними два столетия спустя.

§ 10. Валленштейн и прибалтийские города.

Мысли Валленштейна, однако, были более непосредственно направлены к городам на Балтийском море. Он давно был встревожен опасностью, которая угрожала ему со стороны Швеции. В ноябре 1627 года он вступил в переговоры с авантюристом, который предложил поджечь корабли в шведских гаванях. Но поскольку проект провалился, ему ничего не оставалось, как овладеть портовыми городами на Балтийском побережье и преградить их врагу. Ибо никто не мог ожидать, что Густав будет спокойно наблюдать, как на южном побережье Балтики формируется великая военная мощь.

§ 11. Рост его могущества.

Вскоре Висмар оказался в руках Валленштейна. Гавань Ростока была перегорожена вереницей затонувших кораблей. Хотя Богуслав, герцог Померании, обещал обезопасить свое длинное побережье от нападений, он был вынужден допустить на свою территорию сильные империалистические силы. Казалось, все шло так, как хотел Валленштейн.

Раздел III.—Осада Штральзунда.

§ 1. Штральзунд держится.

Выстоял только один город. Штральзунд не был вольным городом Империи. Но хотя номинально она зависела от герцога Померании, практически была сама себе хозяйкой. Граждане не имели ни малейшего желания выступать против императора, не говоря уже о том, чтобы помогать иностранной державе закрепиться в Германии. Но они никогда бы не допустили в свои стены гарнизон таких войск, как у Валленштейна.

§ 2. Он приказывает начать осаду.

Валленштейн хотел получить все или ничего. Он приказал своему командиру в этих частях, лютерану Арниму, добиться подчинения. "Я никогда, - писал он, - не позволю им что-либо скрывать от меня, чтобы не поощрять других к тому же". Арним, уже ставший хозяином Рюгена, захватил Данхольм, небольшой остров, господствующий над входом в гавань. В феврале начались военные действия. В марте горожане напали на империалистов в Денхольме и изгнали их с острова.

§ 3. Первая проверка Валленштейна.

Это была первая проверка Валленштейна, и он отчаянно боролся, чтобы стереть позор. С каждым днем дух граждан поднимался. Там были старые солдаты, беглецы с датской войны и крестьяне, бежавшие из своих опустошенных домов, и у которых были ужасные истории о том, какие ужасы преследовали солдат Валленштейна. В апреле все жители города связали себя торжественной клятвой защищать свою религию и свою свободу до последней капли крови и не допускать ни одного гарнизона в свои стены. В разгар своего сопротивления они все еще сохраняли какие-то воспоминания о своей национальности, насколько вообще можно было говорить о существовании какой-либо национальной связи. Имени императора старательно избегали, но они заявляли о своей привязанности к Империи и ее законам.

§ 4. Помощь из Дании и Швеции.

Однако практически Империя предстала перед ними в виде армии Валленштейна, и если они хотели противостоять этой армии, штральзундцы должны были, нравится им это или нет, объединиться с теми, кто был враждебен Империи. В мае среди них появилось датское посольство, и король Швеции прислал в подарок порох. Когда осада была официально открыта, за этими попытками последовала помощь вооруженных людей. Швеция и Дания работали вместе, чтобы разрушить новую военную империю, и их жалкая надежда была брошена на Штральзунд.

§ 5. Валленштейн снимает осаду.

Валленштейн понял, что дело серьезное, и лично пришел на помощь своему лейтенанту. Согласно сомнительной истории, он воскликнул: "Я получу Штральзунд, даже если он будет прикован цепями к небесам". Несомненно, что, когда депутация от горожан умоляла его отказаться от своего требования ввести гарнизон в свои стены, он провел рукой по поверхности стола перед собой и сурово ответил: "Ваш город будет таким же плоским, как этот". Но проблема преодоления сопротивления крепости, открытой для неограниченной помощи с моря, является одной из самых сложных во всем военном искусстве. Тем не менее, шансы осаждающих были

ужасающими. Без стен Валленштейну нечего было бояться. Он сам был герцогом Мекленбургским. С курфюрстом Бранденбургским и герцогом Померании он был в дружеских отношениях и заручился поддержкой последнего в своих попытках овладеть городом. Внутри городских стен не было уверенности в конечном успехе. Те, кому было что терять, погрузили свое имущество на борт корабля. Многие отправили своих жен и дочерей искать безопасного убежища в Швеции. Но какие бы сомнения ни возникали, защитники города стойко сражались. Проходила неделя за неделей, а Штральзунд все еще не был взят. Валленштейн смягчил свои условия. Он перестал требовать ввода гарнизона из своих людей. Теперь он сказал, что было бы достаточно, если бы горожане доверили свои стены войскам своего собственного правителя, герцога Померании, и таким образом порвали бы с иностранными державами, враждебными императору. И с этим предложением правящий совет города был готов согласиться. Но основная масса граждан решительно отвергла его. Они сознательно предпочли союз двух иностранных королей подчинению, пусть даже косвенному, власти императора. Перед этим решением Валленштейн со всеми его армиями был бессилён. 3 августа он снял осаду.

§ 6. Характер сопротивления.

Провал Валленштейна стал событием неисчислимой важности в истории Германии. Очень важно, чтобы один, и притом не один из первых, городов Империи отразил волну завоеваний. Но дело было скорее в том, что следовало попытаться оказать сопротивление в деле, которое рано или поздно стало бы делом рук подавляющего большинства немцев. Фердинанд пришел к власти, потому что он олицетворял порядок в противовес анархии. Штральзундцы боролись за протестантскую религию и свободу от присутствия гарнизона. Приказ Фердинанда означал власть священника и власть солдат. Медленно и неохотно граждане Штральзунда заявили, что присутствие иностранцев лучше, чем такой порядок, как этот.

Раздел IV.—Осада Рошели.

§ 1. Штральзунд и Рошель.

В Германии начался прилив. Но во Франции прилива не было. Там тоже приморский город, более крупный и богатый, чем Штральзунд, и поддерживаемый флотами и армиями из-за моря, защищал дело протестантизма от центрального правительства. Главным образом потому, что во Франции центральное правительство представляло собой нечто большее, чем правление священника и солдата, сопротивление, которое было успешным в Германии, было подавлено во Франции.

1625 г.

§ 2. Англия и Франция.

В течение 1625 года охлаждение между Англией и Францией усиливалось. Преследование английских католиков Карлом вопреки его обещаниям сильно разозлило Льюиса, а захват английскими крейсерами многочисленных французских судов, обвиненных в ведении контрабандных перевозок с испанскими Нидерландами, не способствовал успокоению его негодования. Карл, с другой стороны, считал себя естественным защитником французских протестантов и выдвигал требования в их пользу, которые только усиливали решимость Льюиса отказываться от любых уступок.

§ 3. Ришелье заключил бы мир с гугенотами, если бы мог.

Таким образом, Ришелье предстояла трудная роль. Он прекрасно знал, что правительство нарушило свои обязательства перед гугенотами, особенно при содержании в исправности укреплений форта Луи, которые контролировали вход в гавань Рошель и которые оно давным-давно обещало снести. Если бы Ришелье добился своего, он снес бы форт и щедрыми уступками гугенотам привлек бы их к поддержке своей внешней политики. Но такая политика, внешне столь опрометчивая, на самом деле столь мудрая, вряд ли пришлась бы по вкусу Людовику, и Ришелье пришлось выбирать между опасностью оскорбить короля и опасностью еще ярче разжечь пламя гражданской войны. В течение зимы он сделал все, что было в его силах. Депутаты гугенотских городов явились для переговоров о мире при поддержке двух английских послов. Но им было приказано потребовать сноса форта, и на это король упорно отказывался дать свое согласие.

1626

§ 4. Соглашение заключено.

Священники и друзья священников были в восторге от перспективы новой гражданской войны. Собравшееся духовенство поручило одному из них предложить королю значительную сумму денег на подавление восстания. Было назначено время для его аудиенции, но Ришелье ухитрился отложить ее еще на несколько часов и, объяснив опасность ситуации, убедил депутатов-гугенотов при поддержке английских послов удовольствоваться расплывчатым устным обещанием короля. Когда процессия священнослужителей прибыла в королевское присутствие, было уже слишком поздно. Король уже пообещал депутатам-гугенотам, что, если они будут вести себя как хорошие подданные, он сделает для них больше, чем они могли ожидать. Его министры уже заверили их, что эти слова указывают на снос форта.

§ 5. Вмешательство Карла I.

Если бы заключенный таким образом мир был прочным, необходимо было бы долгое время поддерживать видимость того, что это подчинение, а не мир. К несчастью, вмешательство короля Англии вряд ли помогло соблюсти приличия. Он убеждал Льюиса участвовать в войне в Германии именно таким образом и в той степени, которые устраивали английское правительство, и демонстративно выставлял себя защитником гугенотов.

§ 6. Возмущенный Льюис.

Такое поведение еще раз пробудило восприимчивость Льюиса. Было достаточно плохо, когда его собственные подданные бородировали его. Но еще хуже было получить бороду от иностранного монарха. Группа гугенотских общин на юге Франции, получившая практическую независимость от Англии, была бы для него столь же невыносимой, как сопротивление Валленштейну ганзейских городов двумя годами позже.

1627 г.

§ 7. Война между Францией и Англией.

Таким образом, форт Луи не был разрушен. Между Францией и Испанией был заключен мир. Чарльз все больше и больше злился на Льюиса за то, что тот бросил общее дело. Новые захваты французских кораблей английскими крейсерами привели к обострению ссоры, и в первые

месяцы 1627 года между двумя нациями началась война, если не номинально, то на самом деле. В июле большой английский флот с сухопутной армией на борту появился у берегов Рошели, под командованием фаворита Карла Бекингема. Была произведена высадка на острове Ре, и был взят в осаду главный форт острова. В конце концов гарнизон был практически взят измором, и командующий предложил прийти на следующее утро в английские кварталы, чтобы обсудить условия капитуляции. В ту ночь поднялся сильный восточный бриз, и французская флотилия, тяжело нагруженная провизией, отчалила от материка. Некоторые лодки были захвачены, но большинство из них благополучно прошли через английские сторожевики и доставили свои драгоценные припасы под орудия форта. Бекингом задержался еще на несколько недель. Каждый день осаждающие тщетно осматривали горизонт в подзорные трубы, ожидая помощи из Англии. Но Карл, не имея поддержки парламента, был слишком беден, чтобы поспешно выслать подкрепление, и когда оно наконец было готово, продолжительные западные ветры помешали им покинуть Ла-Манш. Прежде чем они успели выйти в море, на остров высадились французские войска, и Бекингом, чтобы спастись от поражения, был вынужден снять осаду и вернуться домой в замешательстве.

§ 8. Осада Рошели.

Ришелье и король были теперь полностью единодушны. Французский город, который мог договориться с иностранцем, должен быть приведен к покорности. Вокруг стен собралась тридцатитысячная армия, а со стороны суши город был так же безнадежно блокирован, как и Штральзунд. Единственный вопрос заключался в том, удастся ли перекрыть доступ английских припасов по морю. К концу ноября было положено начало операции "крот", которая должна была отрезать Рошель от любой внешней помощи. Вбивали сваи, закладывая между ними камни. Тяжело груженные суда топили. Ришелье сам руководил операциями, на этот раз при полной поддержке духовенства, которое щедро вливало свои деньги в королевскую казну. В мае 1628 года работа, несмотря на зимние штормы, была почти завершена. Английский флот, пришедший на помощь городу, отступил, ничего не добившись.

§ 9. Нарастающее уныние в городе.

Внутри города бедствие быстро становилось невыносимым. Мэр Жан Гитон по-прежнему был душой сопротивления. Но ему приходилось бороться с растущим числом тех, кто советовал сдаться. Он не осмеливался появляться на улицах без пистолета в руке и полудюжины дюжих стражников вокруг.

§ 10. Провал попытки англичан прийти ему на помощь.

Единственная надежда для Рошели заключалась в большом вооружении, которое, как было известно, готовилось в Англии и которым должен был руководить лично Бекингом. Палата общин купила Петицию о праве за большие субсидии, и Карл, впервые за все время своего правления, получил возможность предпринять усилия, достойные его сана. Но народная ненависть нашла своего представителя в убийце Фелтоне, и удар ножом в сердце фаворита навсегда положил конец его планам. Недовольство, которое настроило английский народ против своего правительства, нашло отражение и на военно-морской службе. Когда в сентябре флот прибыл под командованием нового командующего, повсюду царили дезорганизация и неразбериха. Он вернулся в Англию, не выполнив ни одной задачи, ради которой был послан.

§ 11. Сдача Рошели.

Капитуляция Рошели последовала по необходимости. 1 ноября король с триумфом въехал в завоеванный город. Независимости французских городов пришел конец.

§ 12. Причина успеха Ришелье.

Разный успех двух крупных осад того года может частично объясняться разницей в силе войск, к которым обращались за помощью находящиеся под угрозой города. Карл был очень далек от того, чтобы быть Христианином IV, не говоря уже о Густаве Адольфе; и если Англия в единстве с самой собой была сильнее Швеции, то Англия, отвлеченная междоусобицами, была слабее Швеции. Но были и более серьезные причины для победы Ришелье и провала Валленштейна. Ришелье олицетворял то, чего не было у Валленштейна, — авторитет государства. Его армии находились под контролем дисциплины; и, даже если налоги, необходимые для их содержания, едва ли ложились на бедняков, бремя самых суровых налогов было легко перенести по сравнению с гораздо более легкими контрибуциями, взимаемыми наугад голодными и алчными солдатами. Если Ришелье, таким образом, имел преимущество перед Валленштейном, то у него было еще большее преимущество перед Фердинандом и Максимилианом. Ему удалось изолировать рошельцев, дав понять их собратьям-гугенотам в остальной Франции, что ни о каком вопросе религии не может быть и речи. Штральзундцы сражались, зная, что их дело - это дело всей протестантской Германии. Рошельцы знали, что их сопротивление было молчаливо отвергнуто всей протестантской Францией.

§13. Религиозная свобода гугенотов.

Когда Льюис появился в стенах Рошели, он отменил привилегии города, приказал снести его стены и передать церкви католическому богослужению. Но под руководством Ришелье он объявил о своем решении гарантировать протестантам сохранение религиозных свобод, дарованных его отцом. Ни в одном городе Франции не должно быть гарнизонов, кроме королевских. Ни одна власть во Франции не должна отдавать приказы независимо от короля. Но там, где религии, отличающейся от религии короля, удалось установить свою власть над умами людей, не следует предпринимать никаких попыток добиться изменений силой. Вооруженная подобным принципом, Франция вскоре стала бы намного сильнее своих соседей. Если католик и гугенот могли считать друг друга французами и никем иным, какие шансы были у иностранных держав оказать ей сопротивление? Она уже отразила нападение разделенной Англии. Не приобретет ли она вскоре перевеса над разделенной Германией? Теперь нам пора спросить, какие шаги предпринимались в Германии, чтобы противостоять или усилить опасность.

ГЛАВА VII. УКАЗ О РЕСТИТУЦИИ.

Раздел I.—Притеснения протестантов.

1628

§ 1. Siege of Glückstadt.

Не только в Штральзунде Валленштейн узнал, что ему можно успешно противостоять. Штаде сдался со своим английским гарнизоном Тилли в апреле, но Глюкштадт все еще держался.

Напрасно Валленштейн лично пришел на помощь Тилли. Датские крейсера держали море открытым. Валленштейну пришлось уйти в отставку. В январе 1629 года укрепления осаждающих были разрушены вылазкой гарнизона.

1629

§ 2. Любекский мир.

Валленштейн, великий расчетчик, понимал, что мир с Данией необходим. Шведы и датчане начинали действовать сообща, и сопротивление одной нации, если таковое должно быть, будет легче, чем сопротивление двум. К большому своему удовлетворению, он обнаружил, что Кристиан не прочь прислушаться к голосу своей очаровательной подруги. Как только орлиный взор Густава заметил первые слабые лучи света на горизонте, король Дании, уставший от несчастий и раздосадованный перспективой просить помощи у своего старого конкурента Швеции, сложил оружие. 22 мая 1629 года в Любеке был подписан мирный договор. Кристиан получил обратно все свои наследственные владения. Взамен он отказался от всех притязаний на епископства, принадлежавшие его семье в Империи, и пообещал больше не вмешиваться в территориальное устройство Нижней Саксонии.

§ 3. Необходимость лечебных мероприятий.

Если Любекский мир действительно должен был стать источником силы для Фердинанда, он должен был сопровождаться какими-то мерами, подобными тем, которыми Ришелье сопровождал свою победу при Рошели. Этого было недостаточно, чтобы избавиться от внешнего врага. Необходимо найти какие-то средства, чтобы развеять опасения самих немцев, которые нашли выражение в сопротивлении Штральзунда.

§ 4. Противоположные взгляды на то, какие меры необходимы.

То, что в этом направлении еще многое предстояло сделать, открыто признавали почти все, кто был причастен к успехам империализма. Максимилиан и Лига считали, что превыше всего необходимо сдерживать бесчинства Валленштейна и его солдат. Валленштейн считал, что превыше всего необходимо сдерживать чрезмерные требования Максимилиана и духовенства. Фердинанд, человек, в руки которого судьба передала решение великого вопроса, вероятно, был одинок в мысли, что можно удовлетворить как солдат, так и священников, не ослабляя своей власти над империей.

Первым актом Фердинанда после подписания мирного договора было официальное присоединение Валленштейна к герцогству Мекленбургскому. Таким образом, было нанесено оскорбление тем, кто считал, что права территориального суверенитета были необоснованно нарушены, и кто ревниво относился к праву, на которое претендовал император, заменять своей собственной властью принца Империи в пользу удачливого солдата.

§ 5. Жестокое обращение с протестантами.

С другой стороны, еще более широко оскорблялись те, кто хотел сохранить права протестантизма. Не желая подвергаться всеобщему преследованию, Фердинанд был полон решимости не допускать никаких прав против своей церкви тем, кто не мог убедительно доказать, к его собственному удовлетворению, что эти права гарантированы неопровержимым законом. Он начал в своих собственных наследственных владениях. Это правда, что в Богемии и

Австрии не применялись пытки, ни один мученик не пострадал ни на костре, ни на эшафоте. Но было обнаружено, что сурового, безжалостного давления ежедневного раздражения было достаточно для того, чтобы добиться хотя бы внешнего соответствия. К 1627 году желаемый результат был достигнут, и протестантизм существовал только как запрещенная религия. Затем настал черед Пфальца. Какое-то время открытых преследований не было. В 1625 году Максимилиан написал губернатору Гейдельберга, чтобы тот не упускал ни одной возможности, если ему удастся найти предлог для изгнания протестантского священника из своего прихода и замены его католическим священником. В феврале 1628 года иезуиты смогли сообщить, что они обратили 400 человек в самом Гейдельберге и 1200 - в соседних сельских округах. Затем произошло еще одно изменение. В марте между Максимилианом и Фердинандом было заключено соглашение. Император вернул себе Верхнюю Австрию и передал курфюрсту Баварскому вместо нее Верхний Пфальц и ту часть Нижнего Пфальца, которая лежит на правом берегу Рейна. Максимилиан считал, что этой передачей он приобрел полные права территориального правителя, и что среди этих прав было право распоряжаться религией своих новых подданных. В июне всем дворянам, проживающим в стране, было объявлено, что они должны либо сменить религию в течение двух месяцев, либо отправиться в изгнание. В сентябре этот порядок был распространен на жителей в целом.

§ 6. Города Южной Германии.

1628 год был годом тревоги во всей протестантской Южной Германии. Там, по крайней мере, Фердинанд был готов выполнить пожелания, высказанные католическими курфюрстами в Мюльхаузене годом ранее. Пока Максимилиан угрожал Пфальцу, имперские уполномоченные проезжали по другим территориям и городам, принимая во внимание церкви и церковную собственность, перешедшие во владение протестантов после Пассауского конвента. На пожелания населения не обращалось ни малейшего внимания. В Нердлингене, например, не было найдено ни одного католика. Тем не менее, каждая церковь в этом месте была помечена для повторной передачи католическому духовенству. В некоторых местах, куда уполномоченные приходили, подобно Шейлоку, за своим фунтом плоти, они требовали даже больше, чем позволяла им строгая буква закона. Не удовлетворившись восстановлением католических церквей, которые с общего согласия находились в руках протестантов в течение полувека, они продолжили принуждать жителей городов посещать мессу.

§ 7. Указ о реституции.

Успех этих возмутительных мер на юге побудил Фердинанда следовать тем же курсом на севере. Там ему приходилось иметь дело не просто с разрозненными городами или несколькими аббатствами, но и с крупными мирскими епископствами, многие из которых были достаточно обширны, чтобы образовывать владения герцога или ландграфа. 29 марта 1629 года, еще до того, как был фактически подписан Любекский мир, он издал роковой эдикт о реституции. Росчерком его пера два архиепископства Магдебургское и Бременское, двенадцать епископств Миндена, Вердена, Хальберштадта, Любека, Ратцебурга, Миснии, Мерзебурга, Наумбурга, Бранденбурга, Гавельберга, Лебуса и Камина, а также около ста двадцати более мелких церковных учреждений были возвращены католическому духовенству.

§ 8. Реальная слабость императора.

Колесо совершило полный оборот с того дня, когда Кристиан Ангальтский спланировал великое восстание, чтобы смести католических епископов и Австрийский дом. Австрийский дом был тверд на своем троне, как никогда. Католические епископы торжествовали. Но в разгар их триумфа враги Империи зорко наблюдали за ними и рассудили, что и они, и император оказались слабее из-за этого грандиозного утверждения законности.

Раздел II.—*Французская интервенция в Италии.*

§ 1. Густав и Ришелье.

На севере у Густава был чуткий глаз, который нельзя было обмануть в соединениях с брью Фердинанда. На западе Ришелье готовился к тому дню, когда он тоже сможет помочь в свержении Колосса. Верно, что его первая мысль была об Испании, а не о Германии. Но вряд ли он мог столкнуться с одной ветвью Австрийского дома, не столкнувшись рано или поздно с другой.

§ 2. Мантуанская война.

В Италии смерть герцога Мантуанского и Монферратского, не оставившего ближайших наследников, привела к войне. Следующим наследником был очень дальний родственник, герцог Неверский, семья которого уже давно натурализовалась во Франции. Для Испании присутствие зависимого от Франции лица так близко к ее владениям в Милане было в высшей степени нежелательным, и она призвала Фердинанда изолировать территорию, пока не будет найден другой способ распорядиться ею. Если в Германии до избрания Фердинанда права императоров были лишь тенью, то те, которыми они обладали в старом королевстве Италии, были лишь тенью тени. Но какими бы они ни были, Фердинанд был тем человеком, который их выдвинул, и пока Ришелье сражался в Рошели, испанские войска захватили Мантую и вместе с герцогом Савойским, готовым теперь отстаивать свои интересы, сражаясь за Испанию, как раньше отстаивал свои интересы, сражаясь против нее, осаждали герцога Неверского в Казале, единственной крепости, которая у него осталась.

§ 3. Враждебные настроения итальянцев против императора.

Это вмешательство испанцев от имени императора вызвало в Италии еще большее возмущение, чем их вмешательство в Пфальц в Германии. Ибо в Германии в 1621 году имя императора все еще было связано с идеями закона и порядка. В Италии это не напоминало людям ни о чем, кроме иностранного господства, воспоминание, которое было не менее ярким, когда император использовал свою власть, какой бы она ни была, для поддержки реального иностранного господства в настоящем, испанского господства в Милане. Итальянские князья встревожились. Венеция и папа призвали Францию на помощь, и в марте 1629 года Ришелье, взяв с собой Льюиса через заснеженные перевалы Альп, подчинил герцога Савойского и вынудил испанцев снять осаду Казале.

§ 4. Проверка, нанесенная ему Ришелье.

Казале был итальянским Штральзундом. Держава, которая осмелилась облачиться в атрибуты национальной власти с еще меньшим основанием, чем в Германии, обнаружила свои пределы. Общее мнение было на стороне Ришелье.

§ 5. Последнее восстание гугенотов.

Он не рискнул делать что-либо еще в Италии. Герцог Роганский, брат того субиза, который начал войну за Рошель в 1625 году, поднял гугенотов Лангедока и Севенн на новую попытку сопротивления, наполовину протестантского, наполовину аристократического. Как будто рохельцы недостаточно пострадали из-за ошибки обращения за иностранной помощью, Рохан последовал их примеру и был достаточно глуп, чтобы попросить помощи у Испании. Но испанские войска не пришли ему на помощь. Ришелье поспешил вернуться из Италии, заключил мир с Англией и безжалостно подавил восстание на юге. Еще раз победа сопровождалась подтверждением религиозных свобод гугенотов. Они могли боготворить все, что им заблагорассудится, но политической независимости у них не должно было быть.

§ 6. Сила Франции.

Французская монархия была сильнее, чем когда-либо, в плане внешних инициатив. Подавив всякое сопротивление, ей больше не нужно было опасаться оккупации своей страны, и благодаря своей терпимости к религии она оказалась способной принимать на службу всех своих подданных и могла предложить свой союз протестантским государствам, не опасаясь получить отпор.

§ 7. Ришелье и империалисты в Италии.

Ришелье снова смог обратить свое внимание на Италию. Летом 1629 года силы империалистов численностью в 20 000 человек спустились с Альп и осадили Мантую. Фердинанд, установив мир в Германии, воображал, что сможет снова приступить в Италии к работе, которая была слишком велика для Барбароссы. Спинола пришел ему на помощь с армией равной силы и возобновил наступление на Казале. Весной 1630 года Ришелье снова был в Италии. Кардинал, каким бы он ни был, он был назначен командующим армией. Но вместо того, чтобы выступить против испанцев, он сначала обратился против герцога Савойского. Захватив Пиньероль и Салусес, он овладел альпийскими перевалами. Затем, когда Пьемонт был у его ног, он двинулся на помощь Казале и вынудил испанских осаждающих отступить. Но Ришелье был не только отважен, но и благоразумен, и он оставил Мантую на время в руках Испании и императора.

§ 8. Государство Германия.

Нелегко было атаковать объединенные силы Испании и Империи лицом к лицу. Возможно, было бы проще поддерживать своих врагов за границей и поощрять разногласия внутри страны. В Нидерландах голландцы, ободренные поворотом событий в итальянской войне, наконец перешли в наступление и вступили в ту агрессивную войну, которая закончилась тем, что весь Северный Брабант оказался под их властью. На севере Густав заключил мир с Польшей и готовился к фактической интервенции в Германию. Все это глубоко интересовало Ришелье. Посол Людовика был занят согласованием с Густавом условий, на которых Франция должна была помочь ему в нападении на Империю, которое он уже обдумывал.

§ 9. Ожидания Ришелье.

Нельзя сказать, что даже Ришелье предвидел возможность великолепных результатов, которые должны были последовать из этого предприятия. В 1630 году, как и в 1624 и 1625 годах, он предпочел бы, чтобы протестантская держава не была слишком успешной. Он предпочел бы

победить вместе со Швецией, чем не победить вообще. Но он предпочел бы победить с помощью Лиги, чем с помощью Швеции. Густавуса можно было бы подтолкнуть к тому, чтобы он сделал все, что в его силах. Он осуществит отвлекающий маневр, и этого будет достаточно.

Раздел III.—*Валленштейн лишен командования.*

§ 1. Сильная позиция Валленштейна.

Наконец-то произошел давно ожидаемый разрыв между Лигой и императорским генералом. Вместо того, чтобы после Любекского мирасократить свои силы, Валленштейн увеличил их. Теперь он был во главе 100 000 человек. С военной точки зрения никто не мог сказать, что это было слишком много. Ему предстояло защищать Мантую, следить за побережьем Северного моря, возможно, защищать Францию, и это при том, что все князья и народы Германии были озлоблены против него. Он предпринял некоторые усилия, чтобы обуздать жестокость своих солдат. Но обуздать созданного им монстра было выше его сил. И если его солдаты жестоко обращались с бюргерами и крестьянами, то сам он относился к князьям с презрением. Он спросил, почему с курфюрстами и другими князьями нельзя обращаться так, как обращались с богемской знатью. Поместья Империи имели не больше прав на независимость, чем поместья королевства. Императору пришлось время провозгласить себя хозяином Германии, поскольку короли Франции и Испании были хозяевами своих собственных владений. Все это привело курфюрстов в неопишное негодование. "Новое господство, - сказали они Фердинанду, - возникло для полного свержения старого и достойного похвалы строя Империи".

§ 2. На что он мог бы повлиять?

Реконструкция этого старого прогнившего здания не причинила бы вреда. Но его свержение военным путем - совсем другое дело. Новая форма правления, осуществляемая солдатом с помощью солдат, никогда не могла быть найдена в правосудии,

Ибо лига

И партнерство свободной силы и свободной воли всегда были грозными.

Путь древних таинств, хотя и извилистый,

все же не является окольным путем. Прямо вперед идет

путь молнии, и прямо страшный путь

пушечного ядра. Прямолинейно и быстро летит он,

Сокрушая все, чего может достичь, и разбивая вдребезги то, чего достигает.

Шиллеровский *"Пикколомини"*, акт i. сцена 4.

§ 3. Его пристрастие.

Даже когда он защищал универсальность угнетения на основе принципа, согласно которому справедливо, чтобы все сословия вносили свой вклад в общую защиту, он демонстрировал в своем собственном случае экстраординарный пример пристрастия. В то время как вся Германия подвергалась контрибуциям и поборам, ни одному солдату не разрешалось ступить на территорию собственного герцогства Валленштейна Мекленбург.

§ 4. Указ о реституции приведен в исполнение.

И если у католических выборщиков были веские основания жаловаться на Валленштейна, то у Валленштейна были также веские основания жаловаться на выборщиков. Процесс выполнения Эдикта о реституции увеличивал число его врагов. "Императору, - сказал он, - нужны были рекруты, а не реформы". Фердинанд так не думал. Он убедил хальберштадтский капитул избрать епископом своего младшего сына. Он убедил магдебургский капитул сместить своего администратора на том основании, что тот принимал участие в датской войне. Но, несмотря на эдикт о реституции, магдебургский капитул отказался избрать католического епископа на его место и предпочел сына курфюрста Саксонии. Таким образом, интересы его семьи привели Джона Джорджа в столкновение с Эдиктом о реституции.

§ 5. Магдебург отказывается от гарнизона.

Город Магдебург не был в хороших отношениях с орденом. Валленштейн предложил поддержать его сопротивление с помощью гарнизона. Но город отказался, и Валленштейн, перед лицом растущего сопротивления, не рискнул заставить его принять его предложение.

§ 6. Растущая оппозиция Валленштейну.

В факте растущего сопротивления никто не мог сомневаться. Что касается его причин, мнения сильно разошлись. Священники приписывали это варварству солдат. Валленштейн приписал это насилию священников и особенно той энергии, с которой они пытались обратить в свою веру жителей бременского архиепископства, которое они вернули себе в силу Эдикта о реституции.

§ 7. Он говорит о нападении на папу Римского.

Священники и их планы со всех сторон стояли на пути ослепительных видений Валленштейна о великой империалистической реставрации. Папа, как итальянский принц, симпатизировал Франции. "Прошло сто лет с тех пор, - сказал Валленштейн, - как Рим был разграблен, и сейчас он богаче, чем когда-либо".

§ 8. Собрание Ратисбона.

3 июля 1630 года Фердинанд собрал вокруг себя принцев и курфюрстов в Ратисбоне в надежде побудить их избрать его сына, короля Венгрии, королем римлян и, следовательно, своим преемником в империи. Но к этому проекту избиратели отказались даже прислушиваться. Все, кто присутствовал на собрании, пришли с мыслями, полными бесчинств солдат Валленштейна. Уполномоченные того самого герцога Померании, который так хорошо служил делу империи при осаде Штральзунда, должны были поведать принцам о своих горестях. Подданные его хозяина, по его словам, были вынуждены питаться травой и листьями деревьев. Имели место случаи, когда умирающие от голода несчастные поддерживали жизнь, поедая человеческую плоть. Было известно даже, что одна женщина питалась собственным ребенком.

§ 9. Требуемое лишение свободы Валленштейна.

Рассказывались и другие истории, достаточно плохие, если не настолько, как эта, и нищета населения подкрепляла политические претензии их правителей. Фердинанду было ясно

сказано, что избиратели не хотели подчиняться военному деспотизму. Он должен сделать выбор между ними и Валленштейном.

§ 10. Интриги Ришелье.

За спиной выборщиков-католиков стоял сам Ришелье. Вместе с признанными французскими послами капуцин отец Жозеф, доверенное лицо Ришелье, прибыл в Ратисбон, поощряя оппозицию Валленштейну и убеждая курфюрстов требовать нейтралитета Империи, если между Францией и Испанией разразится война.

§ 11. Политика избирателей.

К несчастью для Германии, политика курфюрстов была чисто консервативной. Даже в Максимилиане, величайшем из них, не было ничего конструктивного. Старые свободные отношения междупринцами и императором должны были быть восстановлены независимо от того, соответствовали они чрезвычайной ситуации или нет. В тот самый момент, когда он остро нуждался в примирении оппозиции, он и его братья-выборщики отклонили петицию депутатов герцога Померании о том, чтобы их хозяевам было позволено сохранить за собой Каминское епископство.

§ 12. Высадка Густава.

В тот момент, когда было совершено преступление, в Ратисбоне было известно, что Густав Адольф высадился на побережье Померании.

§ 13. Густав приходит без союзников.

Пять лет назад Густав отказался выступить против императора без помощи могущественной коалиции. Теперь он отважился в одиночку вторгнуться в самую гущу Германии. Он не был уверен даже в помощи Франции. Французский посол предложил ему деньги, но сопроводил предложение условиями. Густав отверг и деньги, и условия. Если он вообще уйдет, то на своих собственных условиях.

§ 14. Его надежда.

Он достаточно хорошо знал, что стоящая перед ним задача, казавшаяся гораздо более сложной, чем в 1625 году, на самом деле была гораздо проще. Он видел, что между церковными выборщиками, с одной стороны, и Валленштейном - с другой, протестантские князья должны держаться за него в целях безопасности. Тому, кто предположил, что даже в случае его победы князья попытаются извлечь выгоду из его победы, он ответил с уверенностью гения: "Если я одержу победу, они станут моей добычей".

§ 15. Увольнение Валленштейна.

События в Ратисбоне работали на него. Перед настойчивым требованием избирателей об отставке Валленштейна Фердинанд был бессилен. Даже Валленштейн не был бы достаточно силен, чтобы противостоять Лиге, поддерживаемой Францией, когда у него в тылу вспыхивает восстание на всем протестантском севере. Но, по правде говоря, ни Фердинанд, ни Валленштейн и не думали о сопротивлении. Генерал, каким бы сильным ни было его положение

во главе самой многочисленной и хорошо оснащенной армии в Европе, безропотно удалился в частную жизнь. Возможно, он рассчитал, что пройдет совсем немного времени, прежде чем он снова понадобится.

§ 16. Позиция Фердинанда.

В том, что Фердинанд остро ощутил удар, сомневаться невозможно. Он много думал о поддержании императорского достоинства, и восстание курфюрстов было в некотором роде восстанием против него самого. Но система, которая пала, была системой Валленштейна, а не его собственной. Он санкционировал взносы и поборы, слабо надеясь, что они не так уж плохи, как кажутся, или что, если что-то пойдет не так, чуть больше энергии со стороны Валленштейна все исправит. Что же касается идеи Валленштейна о революционной империи, основанной на руинах князей, то Фердинанд был бы первым, кто отнесся бы к ней с ужасом. Его политика в основном гораздо больше соответствовала политике Максимилиана, чем политике Валленштейна.

§ 17. Концессии Фердинанда в Италии.

Увольнение Валленштейна было не единственной жертвой, на которую Фердинанд был вынужден согласиться. Он согласился передать герцогу Неверскому герцогство Мантуя, надеясь взамен обеспечить нейтралитет Франции в его конфликте со Швецией.

§ 18. Командует Тилли.

Результат этого конфликта зависел главным образом от позиции протестантов севера, которых Фердинанд в сочетании с католическими избирателями делал все возможное, чтобы оттолкнуть. Тилли был назначен командующим армией, которая недавно принадлежала Валленштейну, а также его собственной. Разнообразие привычек и настроений в двух армиях не сулило ничего хорошего в будущем. Но численно Тилли намного превосходил Густавуса.

Раздел IV.—Шведы обосновываются на побережье Балтийского моря.

§ 1. Шведская армия.

Густав, с другой стороны, командовал войском, уступавшим ему только численностью. Тщательно дисциплинированное, оно полностью соответствовало духу своего командира. Оно разделяло его религиозный энтузиазм и преданность интересам своей страны. Оно сопровождало его во многих с трудом выигранных битвах и никогда не знало поражений по его приказу. Оно справедливо полагало, что его военный гений был намного больше, чем у любого командира, которого, вероятно, послали бы против него.

§ 2. Герцог Померании подчиняется Густаву.

Первая попытка Густава привлечь на свою сторону принца империи была предпринята под Штеттином, столицей герцога Померании. Он настоял на личной беседе с престарелым Богуславом, последним из древнего рода Вендов. Богуслав всегда был в хороших отношениях с императором. Он помогал Валленштейну в Штральзунде. Но его заместители тщетно умоляли в Ратисбоне о его праве сохранить за собой епископство Каминское и о некотором облегчении страданий его подданных. Теперь он лично умолял Густава позволить ему сохранить нейтралитет. Густав, как и Тилли в 1623 году, и слышать не хотел о нейтралитете. Старик больше

не мог сдерживаться. "Будь по-твоему, во имя Господа", - сказал он. Он умолял короля быть ему отцом. "Нет, - ответил Густав, - я предпочел бы быть твоим сыном". Наследство бездетного мужчины стало бы отличным оплотом для обороны Прибалтики.

§ 3. Курфюрст Бранденбургский предпочитает нейтралитет.

Еще некоторое время Густав был занят обеспечением базы для операций вдоль побережья, очищая Померанию и Мекленбург от империалистических гарнизонов. Но пока что северные князья не желали поддерживать его. Напрасно Густав уговаривал посла своего шурина, курфюрста Бранденбургского, который прибыл объявить о нейтралитете своего господина. "Пришло время, - сказал он, - его высочеству открыть глаза и очнуться от забот, чтобы его высочество больше не был в своей стране наместником императора, нет, скорее, слугой императора. Тот, кто строит из себя овцу, будет съеден волком. Его высочество должен быть моим другом или врагом, когда я подойду к его границе. Ему должно быть жарко или холодно. Третье блюдо не будет разрешено, будьте уверены в этом ". Пока что эти слова были отброшены. Возможно, в сопротивлении курфюрста сделанным ему предложениям было что-то от простой трусости. Фредерик потерпел неудачу, и Кристиан потерпел неудачу, и почему не Густавус? Но в нем также оставалось что-то от старого немецкого чувства, от нежелания объединяться с иностранцем против Империи. "Поступить так, - сказал бранденбургский посол, - было бы и бесчестно, и нелояльно".

§ 4. Переговоры между Швецией и Францией.

Густаву оставалось только ждать, пока неоднократные промахи Фердинанда не сделают лояльность невозможной даже по отношению к очень стойкому Джорджу Вильгельму. К счастью для Густава, теперь он был в положении, когда мог немного подождать. Во Франции была предпринята попытка свергнуть Ришелье, в которой королева-мать Мария Медичи сыграла ведущую роль. Ришелье, предупредила она своего сына, побуждает его пренебрегать интересами Церкви. Но Лююиса это не убедило, и Мария Медичи обнаружила, что вся политическая власть находится в руках Ришелье.

1631

§ 5. Барвальдский мирный договор.

Полный успех князей, выступавших против Валленштейна, возможно, превзошел ожидания Ришелье. Баланс сил между Валленштейном и Лигой послужил бы его целям лучше. Но если Фердинанд хотел быть сильным, для Франции не имело значения, командовал ли армией, придавшей ему силу, Валленштейн или Тилли. Поэтому Ришелье решил предоставить субсидии Густаву, не спрашивая об условиях, в которых было отказано предыдущей весной. 23 января между Францией и Швецией был подписан Барвальдский мирный договор. Густаву была гарантирована крупная денежная выплата в течение пяти лет. Густав, со своей стороны, обязался уважать конституции империи такими, какими они были до побед Фердинанда, и оставлять нетронутой католическую религию везде, где она, по его мнению, была установлена. Благодаря сотрудничеству католических и протестантских государств уже возник более мягкий способ отношения к религиозным различиям, точно так же, как окончательное установление терпимости в Англии выросло из сотрудничества между Епископальной церковью и нонконформистами.

Раздел V.—Падение Магдебурга.

§ 1. Колебания курфюрста Саксонского.

Первые месяцы 1631 года ознаменовались дальнейшими успехами. Но до тех пор, пока два протестантских курфюрста не решатся связать свою судьбу с Густавом, ничего серьезного произойти не могло. Джон Джордж чувствовал, что необходимо что-то предпринять. По всей Северной Германии протестанты обращались к нему с просьбой поставить себя во главе их. Сказать, что он был колеблющимся и нерешительным, рожденным для того, чтобы наблюдать за событиями, а не контролировать их, значит только сказать, что он не изменил своей натуре. Но никогда не следует забывать, что решение, стоявшее перед ним, было очень трудным. Ни в каком смысле это нельзя было рассматривать иначе, чем как выбор из двух зол. С одной стороны, преобладала враждебная религия. С другой стороны, был утрачен всякий надежду на единство Германии, единство, которое ничего не значило для Густава, но которым немецкий курфюрст не мог рискнуть пренебречь. Действительно, могло бы случиться так, что на руинах старой возникла бы новая и более совершенная система. Но если Саксония одержит победу с помощью Швеции, разрушение существующего порядка будет неизбежным, установление нового - проблематичным.

§ 2. Собрание в Лейпциге.

В марте в Лейпциге состоялось большое протестантское собрание, решившее обратиться с еще одним обращением к императору. Если бы только он отменил этот роковой эдикт о реституции, протестанты севера охотно заняли бы свои места в качестве послушных сословий Империи. Ни один иностранный король не должен лишать их верности или побуждать их разорвать последние узы, которые связывали их с головой. Но на этот раз призыв сопровождался шагом в направлении активного сопротивления. Протестантские сословия, представленные в Лейпциге, согласились набрать солдат, чтобы быть готовыми ко всему, что может случиться.

§ 3. Тилли на севере.

Время поджимало. Барвальдский мирный договор открыл глаза Максимилиану и Лиге на опасность промедления. Если они и лелеяли какую-то надежду, что Франция оставит их сражаться с Густавом в одиночку, то теперь этой надежде пришел конец. Тилли отправили на север сражаться со шведским королем.

§ 4. Наступление и отступление Тилли.

Фердинанд презирал опасность, исходившую от Густава. "У нас появился новый маленький враг", - сказал он, смеясь, когда услышал о высадке шведов. Тилли знал лучше. Он быстро продвигался вперед, надеясь вклиниться между Густавом в Померании и его лейтенантом Хорном в Мекленбурге. Если бы ему это удалось, армия вторжения была бы разделена надвое и могла потерпеть поражение по частям. Сначала его усилиям сопутствовал успех. 29 марта, пока принцы совещались в Лейпциге, он взял Новый Бранденбург, вырезав весь шведский гарнизон из 2000 человек. Но Густав был слишком быстр для него. Объединив свои силы с силами Горна, он смело выступил против врага. Тилли был отброшен к Эльбе. Оставшиеся крепости на Балтике

и важный пост Франкфурт на Одере, где размещались гарнизоны из восьми империалистических полков, перешли во власть завоевателя.

§ 5. Magdeburg.

На карту был поставлен более крупный и важный город, чем Франкфурт. Граждане Магдебурга подняли знамя независимости, не дожидаясь разрешения Иоанна Георга Саксонского. Густав послал шведского офицера руководить их обороной. Но без поддержки курфюрстов Саксонии и Бранденбурга он не осмелился привести свою армию им на помощь.

§ 6. Чераскийский мирный договор.

Империалисты густо собирались вокруг Мэгдебурга. 26 апреля в Чераско был подписан мирный договор между Францией и Империей, который восстановил мир в Италии и освободил войска императора за Альпами для службы в Германии. Если Тилли все еще видел ситуацию в мрачном свете, то его пылкий лейтенант Паппенгейм считал, что нет причин отчаиваться. "Этим летом, - писал он, - мы сможем сокрушить наших врагов на наших глазах. Боже, дай нам на это благодать".

§ 7. Соглашение с курфюрстом Бранденбургским.

Пока продолжалась осада, Густав, находясь в состоянии вынужденного бездействия, писал, упорно обращаясь к двум курфюрстам. От курфюрста Бранденбургского он потребовал права занять две крепости Кюстрин и Шпандау. Ему возлагали надежды на сдачу Кюстрина, но его заверили, что Шпандау никогда не будет принадлежать ему. В сопровождении отборного отряда войск он двинулся прямо на Берлин. 13 мая за городскими воротами он провел долгое совещание со своим шурином, курфюрстом. Он спорил напрасно. Одному из герцогов Мекленбургских, который сопровождал его, он сказал горькие слова. "Я иду, - сказал он, - на Магдебург, чтобы освободить город. Если никто не поможет мне, я немедленно отступлю. Я предложу императору мир и вернусь домой, в Стокгольм. Я знаю, что император согласится на мои условия. Но вам, протестантам, придется ответить в судный день, что вы ничего не сделаете для дела Божьего. В этом мире вы тоже будете наказаны. Магдебург будет взят, и, если я уйду в отставку, вам придется позаботиться о себе". На следующий день совещание возобновилось. С раннего утра до девяти вечера курфюрст настаивал на своем отказе. Но вооруженные люди, стоявшие за спиной Густава, были самым веским аргументом. Наконец шведский король добился своего. 15-го числа ворота Шпандау были распахнуты перед его войсками.

§ 8. Сопротивление курфюрста Саксонского.

Но если курфюрст Бранденбургский уступил, то курфюрста Саксонского было не сдвинуть с места. Он еще не получил ответа на свое обращение к императору; а пока он не получил его, он не хотел вступать в союз с иностранцем. Дальнейшее продвижение было невозможно. Уязвленный отказом, Густав удалился, оставив Магдебург на произвол судьбы.

§ 9. Штурм Магдебурга.

Эта участь не заставила себя долго ждать. Вряд ли город был в том состоянии, чтобы оказывать отчаянное сопротивление. Совет набрал людей для участия в их битве. Но среди горожан были те, кто советовал подчиниться, а другие предпочитали расслабиться, пока наемные солдаты охраняли стены. 20 мая Паппенгейм взял город штурмом. В те дни разграбление города, взятого

штурмом, считалось правом солдат, причем солдаты Густава так же твердо, как солдаты Тилли и Валленштейна. Но за несколько недель до этого протестантское население Франкфурта подверглось насилию и жадности шведской армии просто потому, что они не смогли помешать империалистам защитить это место. Но разграбление Магдебурга сопровождалось особенно ужасными обстоятельствами. Едва произошел первый бросок через стены, как, намеренно или случайно, некоторые дома были подожжены. В азарте грабежа или ужаса никто не думал о том, чтобы остановить распространение пламени. Победители, разгневанные мыслью о том, что у них на глазах отнимает добычу враг, более неодолимый, чем они сами, распалились почти до безумия. Немногие могли встретиться с этими разъяренными солдатами и остаться в живых. В то время как на улицах встречались всевозможные формы смерти и насилия, худшего, чем смерть, крики несчастных жертв заглушались ревом пламени. За несколько часов великий город, девственная крепость, оказавшая сопротивление Карлу V и Валленштейну, за исключением собора и нескольких домов вокруг него, превратился в почерневшие руины, под которыми лежали обожженные кости мужчин, нежных женщин и невинных младенцев.

§ 10. Тилли тоже замешана в этом деле.

За ужасы того дня Тилли не нес личной ответственности. Он бы предотвратил штурм, если бы мог. Рассказы, разнесшиеся по всей протестантской Германии о злодеяниях старого воина и представившие его как человека, принуждающего своих людей к гнусной работе, были чистыми выдумками. Он ничего не выиграл от разрушения Магдебурга. Он мог выиграть все, сохранив его как базу для операций своей армии.

§ 11. Ложная политика, которая привела к катастрофе.

Но если Тилли не был ответственен за последствия осады, то он и его хозяева были ответственны за политику, которая сделала осаду возможной. Этот собор, возвышающийся среди руин Магдебурга, был слишком подходящим символом той работы, которую он и Лига поставили перед собой. Чтобы сохранить права духовенства и церкви, все дома людей в Германии должны были быть опустошены, все социальные и политические устои, к которым они были привязаны, должны были быть повержены в руины.

§ 12. Фердинанд отказывается отменить эдикт о реституции.

Даже сейчас Фердинанд готовил свой ответ на последнее обращение верных протестантских сословий. Эдикт о реституции он будет выполнять до конца. О вооружении князей он отзывался с презрительным высокомерием. Пусть Джон Джордж и его соратники по злодеяниям распустят своих солдат и не осмеливаются силой диктовать условия главе Империи. Фердинанд провозгласил закон таким, какой он есть, и по закону он намеревался его соблюдать.

ГЛАВА VIII. ПОБЕДЫ ГУСТАВА АДОЛЬФА.

Раздел I.—Союз между шведами и саксами.

1631

§ 1. Лагерь Вербена.

Великий страх охватил умы всех протестантов. Города юга, Аугсбург и Нюрнберг, которые начали протестовать против исполнения эдикта, снова погрузились в молчание. На севере Густав, используя террор в качестве противодействия террору, установил свои пушки у стен Берлина и добился от своего сопротивляющегося шурина отказа от своего нейтралитета. Но такая дружба могла длиться не дольше, чем сила, которая ее навязала, и Джона Джорджа нельзя было завоевать так легко. Вильгельм Гессен-Кассельский был первым из немецких принцев, добровольно перешедшим в лагерь Густава. Пришел и Бернхард Саксен-Веймарский, хотя он был молод, полон военного опыта и полон воспоминаний о своих предках, героях того древнего саксонского рода, который отказался от саксонского электората ради Евангелия. Но ни Вильгельм, ни Бернхард не могли взять с собой ничего, кроме своих мечей. Густав не осмелился перейти в наступление. Разбив укрепленный лагерь в Вербене, там, где Гавел впадает в Эльбу, он дождался Тилли и отразил предпринятое на него нападение. Но чегостоила такая победа? Трудности и болезни редели в его рядах, и, если не придет помощь, конец будет очень близок.

§ 2. Усиленный Тилли.

Помощь, в которой он нуждался, была оказана ему слепотой Фердинанда. Наконец-то результаты Чераскского мирного договора дали о себе знать. Войска из Италии достигли севера, и в августе Тилли был во главе 40 000 человек. Вместе с подкреплением пришел приказ от императора. Смиренное отклонение Джона Джорджа от линии строгого повиновения больше нельзя было терпеть. Тилли должна заставить его сложить оружие или присоединиться к войне против иностранного вторжения.

§ 3. Призывает Джона Джорджа разоружиться.

Эти приказы дошли до Тилли 18 августа. 24-го он отправил послание курфюрсту, спрашивая его, по какому праву он с оружием в руках выступает против законов Империи. Джону Джорджу было трудно найти ответ, но он отказался распустить свои войска.

§ 4. Нападает на Саксонию.

Если бы Тилли только оставил Курфюрста в покое, ему, вероятно, какое-то время было бы нечего бояться его. Но Тилли не знал никакой политики, кроме буквы своих инструкций. Он сразу же пересек саксонскую границу. Паппенгейм захватил Мерзебург. Тилли вынудил Лейпциг сдаться, пригрозив, что поступит с городом хуже, чем с Магдебургом. Курфюрст, так долго не желавший обнажать меч, был безмерно разгневан. Он отправил быстрых курьеров к Густаву, предлагая свой союз на любых условиях.

§ 5. Союз шведов и саксов.

Густав не стал дожидаться повторного предложения. Желание его сердца наконец исполнилось. Он немедленно привел в движение свои войска, приведя с собой курфюрста Бранденбургского. Саксонским командующим был лютеранин Арним, тот самый человек, который руководил войсками Валленштейна при осаде Штральзунда. Эдикт о реституции научил его тому, что идея Валленштейна об объединении Германии без уважения к религиозным различиям не должна была быть реализована при Фердинанде. Он оставил свой

пост и поступил на службу к Джону Джорджу. Не будучи ни в коей мере человеком с командирскими способностями, он имел большой опыт войны.

§ 6. Саксонские войска.

Саксонские солдаты представляли собой великолепное зрелище. Одетые по-новому и вооруженные, они обладали всей пышностью и обстоятельствами славной войны. Но у них не было опыта сражений. Они были такими же необузданными, какими были войска Валленштейна, когда он впервые вступил в епархию Хальберштадта в 1625 году.

§ 7. Шведские войска.

На шведов было приятно смотреть, по крайней мере, в глазах неопытных саксонцев. Их новые союзники от души посмеялись над их мундирами, потрепанными за долгую службу и запачканными лагерной пылью и бивуаками. Но измученные войной люди были уверены в своем генерале, а их генерал был уверен в них.

§ 8. Густав как полководец.

Такая уверенность имела под собой еще более веские основания, чем доверие ветеранов Лиги к Тилли. Тилли был просто отличным командиром старой испанской школы. Он выигрывал свои сражения благодаря тому, что умел выжидать, пока не достигнет численного превосходства. Когда начались сражения, это было то, что обычно называют солдатскими битвами. Сомкнутые колонны проложили себе путь к победе одним ударом пики. Но Густав, как и все великие полководцы, был новатором в военном искусстве. Тяжелым массам противника он противопоставлял легкость и гибкость. Его пушки было легче перемещать, с мушкетами легче обращаться. В скорострельности он превосходил противника так же, как Фридрих Великий со своими железными шомполами при Мольвице или Мольтке со своими игольчатыми ружьями при Садове. У него тоже был новый метод тренировки. Его войска были выстроены в три ряда и были способны маневрировать с точностью, которой напрасно можно было ожидать от сплошных колонн империалистов.

Раздел II.—*Битва при Брайтенфельде.*

§ 1. Битва при Брайтенфельде.

Утром 17 сентября шведы и саксонцы выстроились напротив армии Тилли, недалеко от деревни Брайтенфельд, примерно в пяти милях от Лейпцига. Густаву понадобилось все его мастерство. Вскоре насмешливые саксы обратились в безудержное бегство. Победители, в отличие от Руперта при Марстон-Муре, сдержались, чтобы обойти шведов с флангов. Затем Густав хладнокровно отвел две бригады назад и открыл противнику второй фронт. Несмотря на численное превосходство, результат ни на минуту не вызывал сомнений. Пушечный выстрел и мушкетная пуля разорвали плотные ряды империалистической армии. Собственные орудия Тилли были вырваны у него и повернуты против его пехоты. Громоздкое войско пошатнулось под ловкими ударами более активного противника. Оставив шесть тысяч человек умирать на поле боя, ветераны Тилли, собравшись вокруг своего престарелого лидера, медленно отступали после своего первого поражения, вызывая восхищение своих противников своей стойкостью и бесстрашием.

§ 2. Политическое значение победы.

Победа при Брайтенфельде, или Лейпциге — битва носит оба названия — не была обычной победой. Это была могила Эдикта о реституции и попытки установить сектантское господство под видом национального единства. Лук, натянутый до предела, наконец сломался. После битвы на Белом Холме Император, Имперский совет, Имперский сейм объявили себя единственными аккредитованными органами национальной жизни. Затем наступило охлаждение между императором и лидерами сейма. Хорошее взаимопонимание было восстановлено после увольнения Валленштейна. Но ни император, ни сейм не сочли нужным учитывать чувства или желания более половины нации. Они, и только они, представляли законную власть. Теперь ложь была повержена Густавом на землю. Брайтенфельд был Нассебом Германии.

§ 3. Победа интеллекта над рутинной.

Как и Нэйсби, Брайтенфельд привнес в это нечто более универсальное. Нэйсби был победой дисциплинированного интеллекта над беспорядочной храбростью. Брайтенфельд был победой дисциплинированного интеллекта над жесткой рутинной испанской тактики. В конце концов, эта тактика была всего лишь военным выражением религиозной и политической системы, для защиты которой она использовалась. Те прочные колонны, которые только что были повержены, были образцами того, чем должна была стать человеческая природа в рамках иезуитской организации. Личность была поглощена массой. Как Тилли пал под тяжестью своих ветеранов-авантюристов, таких как Мансфельд и Кристиан Брауншвейгский, так и обновленная католическая дисциплина пала под тяжестью спорящих теологов, занявших место Лютера и Меланхтона. Но теперь возникла армия, доказывающая, что порядок и повиновение слабы, если они не подкрепляются индивидуальным умом. Успех принципа, на котором основывались ее операции, не мог ограничиваться простым сражением. Это пробило бы себе дорогу в морали и политике, в литературе и науке.

§ 4. Интриги Валленштейна с Густавом.

Велика была радость в протестантской Германии, когда об этом стало известно. Города юга снова приготовились к сопротивлению своим угнетателям. Все самое благородное во Франции встретило эту весть одобрительными возгласами. Англичанин Элиот, писавший из своей тюрьмы в Тауэре, мог говорить о Густаве как о человеке, которого судьба и добродетель приберегли для чудес света! Даже Валленштейн из своего богемного убежища издал возглас удовлетворения. Ибо Валленштейн уже находился в сношениях с Густавом, который, хотя и был протестантом, мстил за него Лиге, напавшей на него, и императору, покинувшему его. Он предложил совершить великие дела, если ему можно будет доверить шведские войска численностью в 12 000 человек. Он был очень рад услышать о поражении Тилли. "Если бы такое случилось со мной, - сказал он посланцу Густава, - я бы покончил с собой. Но это хорошо для нас". Если бы только король Швеции доверил ему людей, он бы вскоре собрал офицеров своей старой армии. Он разделил бы имущество иезуитов и их последователей между солдатами. По его словам, величайшей глупостью, которую совершили богемцы, было выбросить Мартиница и Славату из окна вместо того, чтобы вонзить меч в их тела. Если бы его план был принят, он погнался бы за императором и Австрийским домом через Альпы. Но он надеялся, что Густав не позволит себе слишком сильно запутаться во французских союзах.

§ 5. Его замыслы.

Весь характер Валленштейна был выражен в этих предложениях, независимо от того, были ли они серьезны или нет. Из-за своего божьего происхождения он был отрезан от немецких идей и не имел корней в Германии. Благоговение, которое другие испытывали к религиозным или политическим институтам, не находило отклика в его сознании. Как он был готов свергнуть принцев и курфюрстов именем императора, так и теперь он был готов свергнуть императора именем короля Швеции. И все же в нем было некое величие, которое возвышало его над такими простыми авантюристами, как Мансфельд. Стоя во главе солдат, столь же оторванных, как и он сам, от всех уз дома или национальности, он единственный среди военачальников войны воспринял две идеи, которые, если бы они были одобрены государственными деятелями Империи, спасли бы Германию от невыносимого зла. Он желал союза и силы против иностранного вторжения, и он хотел основать этот союз на религиозной свободе. Он бы не допустил Густава, если бы мог. Но если этого нельзя будет сделать, он присоединится к Густаву и не допустит французов.

§ 6. Невозможность взаимопонимания между Валленштейном и Густавом.

Однако между Валленштейном и Густавом не могло быть ничего общего. Валленштейн отличался широтой взглядов, потому что был далек от обычных человеческих предрассудков. Их привычки и мысли влияли на него не больше, чем на курс воздушного шара влияют пропасти и реки внизу. Густав твердо ступал по своей матери-земле. Его шведская страна, его лютеранская религия, его оппозиция Австрийскому дому - все это было для него очень реальным. Его величие было величием, которое правит миром, величием человека, который, разделяя мысли и чувства людей, возвышается над ними ровно настолько, чтобы направлять их, но не слишком далеко, чтобы разделять их симпатии.

§ 7. Политические планы Густава.

Такой человек вряд ли удовлетворился бы простым военным успехом. Видение суверенитета солдата, который будет разделен с Валленштейном, не имело для него никакого очарования. Если Империя пала, ее должна заменить не армия, а новые институты; и эти институты, если им суждено вообще устоять, должны основываться, насколько это возможно, на институтах, уже существующих. Протестантская Германия должна быть освобождена от угнетения. Она должна быть достаточно обособлена для своей собственной защиты. Такая организация, *Корпус Евангеликорум*, как он ее называл, подобно Северогерманской конфедерации 1866 года, может распространиться, а может и не распространиться на великую Германию будущего. Для этого потребовалась бы поддержка Швеции и Франции. Это, действительно, не удовлетворило бы военных амбиций Валленштейна или более законных национальных устремлений немецких патриотов. Но у нее было то преимущество, что она была достижима, если вообще что-либо было достижимо. Она сформировала бы определенный оплот против агрессии католических государств, не требуя каких-либо насильственных изменений в существующих территориальных институтах.

§ 8. Его военные планы.

Если таковы были взгляды Густава — и хотя он никогда официально не объявлял о них миру, все его последующее поведение дает основания полагать, что он уже придерживался их, — то становится не так уж трудно понять, почему он решил выступить за Рейн и отправить курфюрста

Саксонии поднимать Богемию. Верно, что Оксенштерна, благоразумный канцлер Швеции, придя к мудрости после этого события, обычно заявлял, что его повелитель допустил ошибку, а более поздние военные историки, воображая, что Вена во времена Густава была тем же, чем она была во времена Наполеона, утверждали, что поход на столицу Фердинанда был бы столь же решающим, как и поход на ту же столицу в 1805 или 1809 годах. Но мнение Густавуса, по крайней мере, не уступает мнению Оксенштерна, и несомненно, что в 1631 году Вена не была столицей в современном смысле этого слова. Если мы вообще хотим провести параллель, это было похоже на Мадрид во время войны на полуострове. Король жил в Мадриде. Император жил в Вене. Но ни Мадрид в 1808 году, ни Вена в 1631 году не были центром силы. Ни от того, ни от другого не тянулись административные нити, контролирующие военную систему. В девятнадцатом веке Наполеон или Веллингтон могли владеть Мадридом и не иметь реальной власти над Испанией. В семнадцатом веке Фердинанд и Густав могли владеть Веной и не иметь реальной власти над Австрией или Богемией. Там, где была армия, была и власть; и армия будет везде, где Валленштейн или какой-нибудь подражатель Валленштейна решит бить в свои барабаны. Если бы Густав проник в Вену, ничто не помешало бы свежей армии появиться у него в тылу.

§ 9. Необходимость нахождения основы для своих действий.

Реальной опасностью, с которой предстояло справиться, была военная система, доведенная Валленштейном до совершенства. И, повернувшись к Рейну, Густав продемонстрировал свою решимость не подражать примеру Валленштейна. Его армия должна была прочно опираться на энтузиазм протестантского населения. Там лежал Пфальц, который предстояло освободить от угнетателя. Там находились торговые города Аугсбург, Нюрнберг, Ульм и Страсбург, готовые с энтузиазмом приветствовать освободителя, который нарушил Эдикт о реституции; и если в Богемии тоже были протестанты, которых можно было освободить, то это были не те протестанты, от которых можно было бы сильно зависеть. Если доверять прошлому опыту, то шансы организовать сопротивление были бы выше у немцев на Рейне, чем у славян на Молдаву.

§ 10. Он решает двинуться на юго-запад.

В целях наступления также было многое, что побудило Густава предпочесть марш на запад. Туда отступил Тилли с единственным подобием армии, все еще находившейся в поле боя. Там тоже были длинной чередой церковных территорий, священника переулков, как его называли, Вюрцбург, Бамберг, Фульда, Кельна, Трира, Mentz был, черви, пики, самый богатый район в Германии, которая мехготовой людей и денег до армии Лиги, и которые были теперь представить, по крайней мере, деньги в Gustavus. Там Испания с ее гарнизонами на левом берегу Рейна должна была быть отброшена назад, а Франция примирена, в то время как были заложены основы политики, которая обеспечила бы порядок в протестантской Германии, чтобы позволить Густаву в новом и лучшем духе выполнить работу, оставленную незавершенной Кристианом Ангальтским. Было ли странно, если шведский король считал, что такая работа, как эта, была бы лучше в его собственных руках, чем в руках Иоанна Георга Саксонского?

Раздел III.—*Поход Густава в Южную Германию.*

§ 1. Поход Густава на Рейн.

Марш победоносной армии был триумфальным продвижением. 2 октября Густав был в Эрфурте. 10-го числа он вступил в Вюрцбург: восемь дней спустя замок на высоте за Майном был взят штурмом после ожесточенной обороны. По всему северу священники были изгнаны из районов, выделенных им Эдиктом о реституции. Густав намеревался расправиться с ними в их собственных домах. 16 декабря Оппенгейм был взят штурмом, а его испанский гарнизон предан мечу. Переулок священника был беззащитен. Густав провел Рождество в Менце. Его люди, только что привыкшие к грубой пище и суровым условиям севера, наслаждались роскошью южных земель и большими глотками пили рейнское вино прямо из своих шлемов.

§ 2. Густав в Менце.

Всегда трудно угадать намерения Густава. Он, в отличие от Фердинанда, не строил планов, которые никогда не подлежали изменению. В отличие от Валленштейна, он не строил планов, от которых был готов отказаться в любой момент ради совершенно других. Сутью его политики, несомненно, было формирование под его собственным руководством *Евангелического корпуса*. Что было делать с церковными территориями, которые нарушили территориальную преемственность южногерманского протестантизма, он, возможно, еще не решил окончательно. Но все указывает на то, что он хотел поступить с ними так, как поступил бы с ними Валленштейн, распределить их среди своих офицеров и среди немецких князей, которые встали под его знамена. Поступая так, он обеспечил бы полную безопасность католическому населению. Густавус, по крайней мере в Германии, не вмешивался ни в чью религию. В Швеции все было иначе. Там, согласно популярной поговорке, был один король, одна религия и один врач.

§ 3. Французы были поражены его победами.

Он передал завоеванные территории в надежные руки. Сам Менц был предан канцлеру Оксенштерне. Французские послы резко возразили ему. Ришелье надеялся, что, если Австрийский дом будет унижен, немецким духовным лицам будет предоставлено наслаждаться своим достоинством. Внезапное восстание новой державы в Европе застало французских политиков врасплох так же, как победы пруссии застали врасплох их преемников в 1866 году. "Давно пора, - сказал Льюис, - положить предел прогрессу этого гота". Густав, не имея возможности прямо отказать Франции в требованиях, выдвинул условия мира с Лигой, которые сделали переговоры безнадежными. Но сомнительная позиция Франции делала тем более необходимым, чтобы он занял еще более сильное положение, чем то, в котором он уже находился.

§ 4. Кампания в Южной Германии.

31 марта он въехал в Нюрнберг. Когда он проезжал по улицам, его приветствовали сердечными возгласами. Слезы радости текли по щекам бородатых мужчин, когда они приветствовали освободителя с севера, чья готовая шутка и лучезарная улыбка пришлись бы прямо в сердце народа, даже если бы его заслуги были меньше. Портрет Густава вскоре появился в каждом доме, и образованный горожанин немедленно принялся за составление родословной, с помощью которой он, к собственному удовлетворению, доказал, что шведский король происходит от старых потомственных бургграфов города. Во всей этой мрачной войне Густав был единственным человеком, который добрался до сердца нации, который

продемонстрировал способность дать им то, чего они напрасно ждали от своего императора и своих принцев, своего духовенства и своих солдат.

§ 5. Gustavus at Donauwörth.

Густавус недолго оставался со своими восторженными хозяевами. 5 апреля он был перед Донаувертом. После упорного сопротивления империалисты были изгнаны. В стенах снова праздновалась протестантская Пасха, и древняя несправедливость была исправлена.

§ 6. Прохождение Леха и смерть Тилли.

14-го числа шведы обнаружили проход "Леха", охраняемый Тилли. Все преимущества, казалось, были на стороне защитников. Но Густав знал, как смести их позиции страшным артиллерийским огнем и форсировать реку в самых зубах врага. В ходе сражения Тилли был сражен пушечным выстрелом выше колена. Его друзья со скорбью унесли его умирать в Ингольштадт. Дело его жизни подошло к концу. Если простота характера и готовность пожертвовать своими личными интересами заслуживают уважения, то такого уважения заслуживает только Тилли. На более высокие способности государственного деятеля он не претендовал. Ему также нет места среди мастеров военного искусства. Он был превосходным офицером, не знавшим никаких других правил, кроме приказов официальных властей, и не знавшим добродетели выше, чем послушание. Орден, который он почитал, был невыполнимым, и ему ничего не оставалось, кроме как умереть за него.

§ 7. Густав в Аугсбурге и Мюнхене.

Завоеватель двинулся дальше. В Аугсбурге он нашел город, сильно пострадавший от восстановительных работ, которые на юге предшествовали Эдикту о реституции. Лютеранское духовенство было согнано со своих кафедр; члены лютеранского совета были изгнаны из ратуши. Посреди ликующей толпы Густав почувствовал себя увереннее в седле. До сих пор он просил магистратов отвоеванных городов присягнуть ему на верность до конца войны. В Аугсбурге он потребовал от подданных присяги повиновения государю. Густаву начинало казаться, что он может обойтись без Франции.

Затем настала очередь Баварии. Когда Густав въезжал в Мюнхен, Фридрих, изгнанный курфюрст Палатинский, был рядом с ним, торжествуя над бегством своего старого врага. Густав не был виноват, что Фридрих снова не правил в Гейдельберге. Густав предложил ему территории своих предков при условии, что он позволит шведским гарнизонам занимать его крепости во время войны и предоставит равную свободу лютеранской и кальвинистской формам богослужения. Вопреки этому последнему требованию узколобый кальвинизм Фридриха ожесточился, и когда несколько месяцев спустя его унесла лихорадка в Бахарахе, он все еще, по своей собственной вине, оставался бездомным скитальцем по лицу земли.

§ 8. Густав в Мюнхене.

В Мюнхене Густавус потребовал высокого взноса. Обнаружив, что Максимилиан закопал большое количество ружей в арсенале, он приказал баварским крестьянам выкопать их снова, которые были рады заработать деньги, которыми иностранный захватчик заплатил им за их труд. Когда этот процесс закончился — он весело называл это "пробуждением мертвых", — он приготовился покинуть город со своей добычей. Во время своего пребывания здесь он

поддерживал хорошую дисциплину и особенно заботился о том, чтобы запретить любое оскорбление религии местных жителей. Если, как вполне могло быть на самом деле, он смотрел за пределы *Евангелического корпуса* на саму Империю, если он считал возможным, что золотая корона Фердинанда в следующий раз будет возложена на голову лютеране, он был полон решимости сделать религиозную свободу, а не узкую ортодоксальность, краеугольным камнем, на котором должна быть построена эта Империя.

§ 9. Сильная позиция Густава.

Вся Германия, за исключением наследственных владений Австрийского дома, была у его ног. И он хорошо знал, что, насколько это касалось этих владений, у них не было сил сопротивляться ему. Фердинанд сделал достаточно, чтобы подавить проявление чувств, но ничего, чтобы организовать его. Он был бы еще более беспомощен, чтобы противостоять серьезному нападению, чем в 1619 году, и на этот раз Бавария была так же беспомощна, как и он сам. Даже Джон Джордж, поспешно бежавший с поля боя при Брайтенфельде, прошел маршем через Богемию, не встретив ни малейшего сопротивления. Его армия вошла в Прагу при почти всеобщем энтузиазме.

Раздел IV.—Возвращение Валленштейна к командованию.

§ 1. Фердинанд оглядывается в поисках помощи.

Если Фердинанд не найдет помощи где-либо, кроме своих подданных, он пропал. За границей он мог рассчитывать на Испанию. Но Испания не могла многого сделать под взглядом Ришелье. Некоторую сумму денег она могла прислать и дать несколько советов. Но это было все.

1631

§ 2. Испанцы рекомендуют отозвать Валленштейна.

Вряд ли можно было сомневаться в том, каким будет этот совет. Увольнение Валленштейна стало сдерживающим фактором для Испании. Он был готов присоединиться к Испании в войне с Францией. Курфюрсты одержали над ним верх при поддержке Франции, и результатом стал Чераскийский мирный договор, по которому немецкие войска были выведены из боевых действий в поддержку испанского господства в Италии. Еще до того, как произошла битва при Брайтенфельде, испанское правительство рекомендовало восстановить Валленштейна в должности, и испанцы нашли поддержку в Эггенберге, старом покровителе Валленштейна при дворе.

§ 3. Валленштейн как соперник Густава.

Вскоре после битвы при Брайтенфельде Валленштейн разорвал свои отношения с Густавом. К тому времени стало очевидно, что в любом союзе, который мог бы заключить Густав, он намеревался сам занять первое место. Даже если бы это было иначе, моральный облик и политические инстинкты этих двух людей были слишком различны, чтобы сделать возможным сотрудничество между ними. Густав был не только солдатом, но и королем, и он надеялся основать свою военную мощь на политическом восстановлении протестантской Германии, возможно, даже всей Империи. Валленштейн всем был обязан мечу, и он хотел подчинить всю Германию империи меча.

§ 4. Его план примирения с Джоном Джорджем.

Прибытие саксонцев в Богемию вселило в Валленштейна надежду на новую комбинацию, которая передала бы судьбы Германии в его руки. Нежелание, с которым Джон Георг покинул императора, было хорошо известно. Если бы только Фердинанда, наученного опытом, можно было заставить пожертвовать Эдиктом о реституции, разве саксонцы не смогли бы переманить на свою сторону своих новых союзников? Прежние планы Валленштейна осуществились бы, и объединенная Германия, номинально возглавляемая Фердинандом, на самом деле - его генералом, восстала бы, чтобы изгнать иностранца и запереть дверь перед французом и шведом.

§ 5. Он восстанавливается в команде.

В ноябре 1631 года Валленштейн встретился со своим старым лейтенантом Арнимом, ныне саксонским командующим, чтобы обсудить шансы на будущее. В декабре, как раз когда Густав приближался к Рейну, его посетил Эггенберг в Цнайме. Эггенберг прибыл специально для того, чтобы убедить его снова принять командование. Валленштейн дал свое согласие при условии, что церковные земли будут оставлены такими, какими они были до Эдикта о реституции. И, кроме того, он должен был обладать властью, на которую раньше не претендовал ни один генерал. Ни одна армия не могла быть введена в Империю иначе, как под его командованием. Ему одному должно было принадлежать право конфискации и помилования. Как Густав предлагал разобраться с церковными территориями, так и Валленштейн поступит с князьями, которые отказались отказаться от своего союза со шведом. Возник бы новый класс князей, обязанных своим существованием ему одному. Что касается его собственных притязаний, то, если Мекленбург не удастся вернуть, для него нужно было найти княжескую территорию в другом месте.

§ 6. Армия Валленштейна.

В конце концов, власть Валленштейна была основана не на письменных документах. Армия, которую он собрал вокруг себя, не была австрийской армией ни в каком реальном смысле этого слова. Это была армия Валленштейна — герцога Фридландского, как любили называть его солдаты, думая, возможно, что его герцогство Мекленбургское окажется лишь временным владением. Его первые расходы были покрыты с помощью испанских субсидий. Но после этого ему пришлось полагаться только на себя. И то, что он был набран и оснащен в Богемии, было не более чем случайностью. Если бы Густав был в Вене, а не в Мюнхене, тысячи стойких людей, которые пришли туда по одному слову Валленштейна, собрались бы в любом месте, где он установил свои стандарты. Густаву пришлось столкнуться со старым злом войны, которое становилось все хуже и хуже со времен Мансфельда до времен Валленштейна, со злом военной силы, существующей сама по себе и для себя. С далеких берегов люди, искушенные в оружии, с готовностью явились на зов; из солнечной Италии, из суровой Шотландии, из всех немецких земель между Балтикой и Альпами. Там были одинаково рады как протестантам, так и католикам. Великий немецкий поэт вдохнул дух этой разнородной силы в одного из ее офицеров, сам скиталец из далекой Ирландии, вечно расточавший свою кровь в чужих ссорах. "Это обширное и могучее воинство", - говорит он (Шиллер, *"Пикколомини"*, акт i, часть 2),

все подчиняется

капитанам Фридланда и его храбрым командирам.

Выросшие в одной школе и вскормленные одним молоком,

все они движимы одним сердцем и душой.

Они чужаки на земле, по которой ступают.
Служба - их единственный дом.
Никакое рвение не вдохновляет их ради дела своей страны,
Ибо тысячи таких, как я, родились за границей;
Им нет дела до императора, потому что половина из них,
Бросив другую службу, перешла на нашу,
Безразлично, какое у них знамя, будь то
Двуглавый орел, Лилия или Лев;^[A]
И все же один-единственный человек может обуздать это огненное воинство ,
Равным правлением, равной любовью и страхом,
Объединяя многогранное целое в одно.

Неужели, действительно, императорское величество
предоставил армию в его распоряжение
И искал для нее только предводителя? Нет!
Армии тогда еще не существовало. Именно он,
Фридланд, вызвал это к жизни,
И отдал его своему суверену, но не получил
под свою руку никакой армии; и император
не дал нам Валленштейна в качестве генерала. Нет,
именно от Валленштейна мы впервые получили
императора как нашего повелителя и суверена;
И он, только он, привязывает нас к нашему знамени.

^[A] То есть штандарт императора Франции или Швеции.

1632

§ 7. Он получает все полномочия.

Валленштейн сначала принял командование только на три месяца. В апреле оно было возложено на него на постоянной основе. Император был практически смещен в пользу диктатора.

§ 8. Саксонцы изгнаны из Богемии.

Валленштейн первым повернулся к саксам. В одной руке он держал оливковую ветвь, в другой - меч. 21 мая его эмиссар предлагал мир на условиях отмены эдикта о реституции. 22-го Валленштейн лично напал на саксонский гарнизон Праги и вынудил его капитулировать. Это был прямой намек Джону Джорджу на то, чтобы он быстро принял решение. Вскоре саксы были изгнаны со всей Богемии.

§ 9. Но Джон Джордж не будет лечить в одиночку.

Джон Джордж очень любил мир и присоединился к Швеции вопреки своей воле. Но он был человеком слова и пообещал Густаву не вступать в переговоры с врагом без его согласия. Он передал предложения Валленштейна Густаву.

§ 10. Требования Густава.

Ни один человек не был так готов, как Густав, менять свои планы во всех вопросах второстепенной важности, как того могли потребовать обстоятельства. Столкнувшись с вооружением Валленштейна и колебаниями саксонского двора, он сразу же отказался от всякой мысли просить о том, чтобы рейнское епископство оставалось в его руках. Он был готов согласиться с решением религиозных вопросов, которое устраивало Валленштейна и Джона Джорджа. Что касается его самого, то он ожидал уступки по крайней мере части Померании, чтобы защитить себя от будущего морского нападения из балтийских портов. Курфюрст Бранденбургский претендовал на Померанию, но он мог удовлетвориться некоторыми епископствами, которые было решено оставить в руках протестантов.

§ 11. Невозможность примирить Густава и Валленштейна.

Такие термины, вероятно, встретили бы противодействие. Но реальная точка различия лежала в другом. Валленштейн восстановил бы былое единство Империи, вдохновляющим гением которой он надеялся стать. Густав настаивал на создании отдельной протестантской лиги, если не под его собственным руководством, то, по крайней мере, в тесном союзе со Швецией. Валленштейн просил доверия к себе и императору. Густав не доверял ни тому, ни другому.

§ 12. Колебания Джона Джорджа.

Джон Джордж колебался между тем и другим. Он тоже не доверял Валленштейну. Но он не видел, что должен либо принять Империю, либо помочь в ее распаде, если только не хотел оставить будущее Германии на волю случая. Имперское единство Валленштейна было чем-то особенным. *Корпус Евангеликорум* Густавуса был чем-то особенным. Слабо объединенные протестантские государства были обречены на поражение и разорение.

Раздел V.—Борьба между Густавом и Валленштейном.

§ 1. Густав предлагает создать лигу городов.

Задолго до того, как ответ Джона Джорджа дошел до Густава, война вспыхнула с новой силой. Шведский король еще не знал, как мало он может полагаться на курфюрста в осуществлении своего великого плана, когда Валленштейн покинул Богемию и направил все свои силы на Нюрнберг. Густав бросился в город, чтобы защитить его. И здесь его голова была занята *Евангелическим сводом*. В то время как он предлагал Саксонии отказаться от церковных территорий, он предложил гражданам Нюрнберга заложить основы лиги, в которой только граждане должны были бы объединиться с ним, предоставив князьям вступить в нее впоследствии, если они захотят, в то время как церковные территории должны оставаться в его собственных руках. В этих двух схемах нет ничего по-настоящему противоречивого. Первая представляла собой план, который должен был быть принят только при условии окончательного и постоянного мира. Вторая представляла собой план использования в качестве оружия войны. Примечательно, с какой настойчивостью Густав снова и снова возвращался к идее создания политического союза как основы военной мощи.

§ 2. Его предложение неприемлемо.

У жителей Нюрнберга он пользовался не большим успехом, чем у курфюрста Саксонии. Они ответили, что вопрос такой важности должен решаться совместно всеми заинтересованными

городами и князьями. "В таком случае, - с горечью ответил он, - курфюрст Саксонии в течение полугода будет спорить, на чье имя следует направить повестку на заседание. Когда города тоже присылают заместителей, они обычно расходятся во время встречи, обнаруживая, что в их инструкциях есть недостаток, и поэтому возвращают все домой для дальнейшего рассмотрения, не приходя ни к какому выводу". Можно ли сомневаться в том, что политическая некомпетентность немцев, вызванная их внутренними разногласиями и длительным неиспользованием таких институтов, которые позволили бы им действовать сообща, была занозой в боку Густава, которую он ощущал сильнее, чем появление на поле боя, каким бы неожиданным оно ни было, Валленштейна и его армии?

§ 3. Густав и Валленштейн в Нюремберге.

Однако эту армию нужно было встретить. У Валленштейна было с собой 60 000 человек; у Густава - лишь треть от этого числа. Война разгорелась вдоль Рейна от Эльзаса до Кобленца. Там сражался Паппенгейм, и испанцы послали туда свои войска и призвали герцога Лотарингского к себе на помощь. Мало-помалу стало ясно, насколько справедливо Густав рассудил, что Франция не может позволить себе ссориться с ним. Хотя он отверг излюбленный план Ришелье оставить церковные территории нетронутыми и отказался выделить Австрийский дом в качестве единственного объекта войны, Ришелье не мог не поддержать его в борьбе с испанскими войсками. Через несколько недель опасность в его тылу миновала, и разрозненные отряды шведской армии спешили присоединиться к своему королю в Нюремберге.

§ 4. Валленштейн укрепляется.

Теперь Густав был готов к битве. Но битвы у него не могло быть. Валленштейн вернулся к своей старой тактике отказа от сражения, за исключением случаев, когда у него было явное численное превосходство. Он окопался недалеко от Фюрта, к северу от Нюремберга, на возвышенности, откуда открывался вид на всю равнину вокруг. На протяжении двенадцати миль его укрепления защищали его недавно набранную армию. Дома, деревни, преимущества местности повсюду использовались для обороны.

§ 5. Нужды шведской армии.

Тем временем дефицит и эпидемия делали свое ужасное дело в Нюремберге. Сельские жители стекались сюда в поисках убежища, и население было слишком велико, чтобы его можно было легко снабдить продовольствием. Даже в армии стала ощущаться нужда. А вместе с нуждой пришло ослабление той дисциплины, которой Густав гордился. Теперь в его армии было большое количество немецких солдат, и долгий злостный опыт научил немцев привычкам мародеров.

§ 6. Густав протестует.

Густав был глубоко раздражен. Посылая за главными немцами на своей службе, он оценил их по достоинству. "Его Величество, - говорит один из описавших эту сцену, - никогда прежде не видели в такой ярости".

§ 7. Его речь перед офицерами.

"Вы, принцы, графы, лорды и дворяне, - сказал он, - вы демонстрируете свою нелояльность и порочность своему собственному отечеству, которое вы разрушаете. Вы, полковники и офицеры

от высшего до низшего звена, это вы крадете и грабите всех без исключения. Вы грабите своих собственных братьев по вере. Вы вызываете у меня отвращение к вам; и Бог, мой Создатель, да будет мне свидетелем, что мое сердце наполняется желчью, когда я вижу, что кто-то из вас ведет себя так подло. Ибо ты заставляешь людей открыто говорить: "Король, наш друг, причиняет нам больше вреда, чем наши враги". Если бы вы были настоящими христианами, вы бы подумали о том, что я делаю для вас, как я провожу свою жизнь в служении вам. Я отказался от сокровищ моей короны ради вас и не получил от вашей Германской империи достаточно денег, чтобы купить себе плохую одежду".

§ 8. Горько жалуется на них.

После этого напряжения он продолжил: "Войдите в свои сердца, - сказал он, - и подумайте, как вы огорчаете меня, так что слезы выступают у меня на глазах. Вы плохо обращаетесь со мной своей порочной дисциплиной; я не говорю, что своей порочной борьбой, потому что в этом вы вели себя как благородные джентльмены, и за это я вам очень обязан. Я так скорблю о вас, что мне досадно, что я когда-либо имел какое-либо отношение к такой упрямой нации. Что ж, тогда примите мое предупреждение близко к сердцу; мы скоро покажем нашим врагам, что мы честные люди и благородные джентльмены".

§ 9. Наказывает расхитителей.

Однажды король поймал капрала, воровавшего коров. "Сын мой, - сказал он, передавая его главному маршалу, - лучше, чтобы я наказал тебя, чем чтобы Бог наказал не только тебя, но и меня и всех нас ради тебя".

§ 10. Не удается штурмовать позиции Валленштейна.

Такое положение вещей не могло длиться долго. 3 сентября Густав повел свою армию к берегам укреплений Валленштейна; но, хотя он произвел некоторое впечатление, линии были слишком искусно очерчены и слишком хорошо защищены, чтобы их можно было прорвать. С другой стороны, Густав не был Мансфельдом, и Валленштейн не рискнул, как на мосту в Дессау, продолжить свою успешную оборону наступательным движением.

§ 11. Вынужден удалиться.

Из-за нехватки припасов Густав не мог дольше оставаться в Нюремберге. Впервые с тех пор, как он высадился в Германии, ему не удалось одержать победу. Под бой барабанов и развевающиеся знамена он промаршировал мимо лагеря Валленштейна; но осторожного человека не следовало втягивать в сражение. Как только он ушел, Валленштейн свернул свой лагерь. Но он слишком хорошо знал, в чем слабость его противника, чтобы отправиться в погоню за Густавом. Бросившись на север, он прочно обосновался в Саксонии, грабя и сжигая со всех сторон. Если бы только ему удалось достаточно разорить курфюрста, он мог бы надеяться разорвать его союз со шведами.

§ 12. Валленштейн и Густав в Саксонии.

Густаву не оставалось ничего другого, как последовать за ним. Валленштейн надеялся утвердиться в Саксонии так же прочно, как он утвердился в Фюрте. Он должен был захватить Торгау и Галле, чтобы стать хозяином переправ через Эльбу и Заале, в то время как Эрфурт и Наумбург довершили бы укрепление его позиций. Густав мог биться об нее головой, когда ему

заблагорассудится. Подобно Веллингтону при Торрес-Ведрасе или самому Густавусу при Вербене, он должен был отразить атаку противника, заняв тщательно выбранную позицию для обороны.

Раздел VI.—*Битва при Лютцене.*

§ 1. Густав в Саксонии.

Валленштейну удалось добиться успеха в Нюремберге, но ему не суждено было добиться успеха в Саксонии. Густав настиг его прежде, чем он занял нужные ему позиции. Эрфурт был спасен от империалистов. Густав вошел в Наумбург, где люди, спасавшиеся бегством от варварства Валленштейна, почитали его как спасителя. Когда он проходил по улицам, бедные беглецы наклонялись, чтобы поцеловать край его одежды. Он сопротивлялся бы им, если бы мог. Он боялся, как бы Бог не наказал его за то, что он удостоился почестей, превышающих те, которые подобают смертному человеку.

§ 2. Валленштейн считает себя в безопасности.

Саксонская армия находилась в Торгау, и этот важный пост все еще охранялся. Wallenstein lay at Lützen. Даже там, лишенный ожидаемой силы, он укрепился и считал себя в безопасности от нападения. Был ноябрь, и он воображал, что Густав, довольный своим успехом, отправится, по моде того времени, на зимние квартиры.

§ 3. Паппенгейм покидает его.

В армии Валленштейна лихая храбрость Паппенгейма сделала его кумиром солдат и обеспечила ему почти независимое положение. Он умолял разрешить ему совершить диверсию в Рейнском епископстве. Валленштейн дал повторнозапрошенное разрешение, приказав ему захватить Галле по дороге.

§ 4. Атака шведов. Густав перед битвой.

Разделить армию на глазах у Густава было серьезной ошибкой. Ранним утром 16 ноября шведский король находился перед позицией Валленштейна в Лютцене. Он хорошо знал, что, если сражение вообще состоится, он должен быть нападающим. Валленштейн не шелохнулся. За рвами и окопами, с оружием в руках, неподвижно лежали его тяжелые каре, ожидая врага, как русские при Альме или англичане при Ватерлоо. На земле лежал густой туман. Шведская армия собралась рано на утреннюю молитву, вызванная звуками гимна Лютера "Бог - крепкая башня", плывущими в тяжелом воздухе из медных уст трубы. Сам король присоединился к утреннему гимну "Не бойся, малое стадо". Затем, словно в предчувствии грядущей резни, другие запели "Иисуса Спасителя, победившего смерть". Густав отбросил в сторону предложенные ему доспехи. Поскольку незадолго до этого он был ранен, ему было не по себе. Оставшись без защиты, он вскочил на коня и объехал ряды, подбадривая солдат.

§ 5. Нападение шведов и смерть короля.

В одиннадцать туман рассеялся, и выглянуло солнце. Король отдал последние приказы своим генералам. Затем, обратив взор к небесам, "Теперь, - сказал он, - во имя Бога, Иисус, дай нам сегодня сразиться за честь твоего святого имени". Затем, взмахнув мечом над головой, он крикнул: "Вперед!" Вся шеренга двинулась вперед, Густав ехал во главе кавалерии справа.

После ожесточенной борьбы линии противника были прорваны повсюду. Но Валленштейн еще не был побежден. Подтянув свои резервы, он отбросил шведскую пехоту в центре. Густав, услышав эту новость, поспешил на помощь. Во всех других жизненных делах он лучше, чем большинство людей, знал, как сочетать смелость с осмотрительностью. На поле битвы он пренебрег благоразумием. Всадники, которым он приказал следовать за ним, тщетно пытались угнаться за широким шагом лошади своего господина. Снова опустился густой туман, и король, оставшись почти один в темноте, неожиданно наткнулся на полк вражеских кирасиров. Одна пуля пробила шею его лошади. Второй раздробил ему левую руку. Обернувшись, чтобы попросить одного из тех, кто все еще следовал за ним, помочь ему выйти из боя, третий выстрел попал ему в спину, и он тяжело рухнул на землю. Восемнадцатилетний юноша, который один остался рядом с ним, попытался поднять его и унести. Но раненый был слишком тяжел для него. Подъехали кирасиры и спросили, кто там. "Я был королем Швеции", - пробормотал король, когда молодой человек ничего не ответил, и всадник прострелил ему голову и положил конец его мучениям.

§ 6. Поражение Валленштейна.

Командование принял Бернард Веймарский. С другой стороны, Паппенгейм, получив приказ возвращаться, поспешил обратно из Галле. Но он привел с собой только свою кавалерию. Пройдет много часов, прежде чем его нога сможет пройти по их усталым следам. Шведы, когда услышали, что их любимый король пал, загорелись желанием отомстить ему. Завязалась ужасная борьба. Час за часом битва раскачивалась взад и вперед. В одном из шведских полков только один человек из шести вышел из боя невредимым. Паппенгейм, лихой и отважный человек, чье слово всегда было за бой, Блюхер семнадцатого века, был повержен. В битве при Белом Холме он долго лежал на поле боя без чувств от полученных ран и, когда очнулся, сказал тем, кто был вокруг него, что вернулся из Чистилища. На этот раз он не проснулся. Пехота, которой при его жизни он так доблестно командовал, подошла на закате зимнего солнца. Но они пришли слишком поздно, чтобы возобновить бой. Валленштейн, наконец потерпев поражение, отдал приказ к отступлению.

§ 7. Потеря Густава невосполнима.

Рука, которая одна могла собрать плоды победы, лежала бессильная. Разрушительная работа была практически завершена. Эдикт о реституции был отменен, и протестантские администраторы снова правили в северных епископствах. Империя была практически мертва, и князья и народ Германии, если они вообще стремились к порядку, должны были стремиться к нему в иных формах, чем те, которые были навязаны им вследствие побед Тилли и Валленштейна. Напрасно рассуждать о том, мог ли Густавус что-либо сделать для работы по реконструкции. Подобно Кромвелю, на которого он во многих отношениях был очень похож, он начал обнаруживать, что строить труднее, чем разрушать, и что легче пасти овец, чем управлять людьми. Возможно, даже для него трудности были бы непреодолимыми. Центробежная сила была слишком сильна среди немецких князей, чтобы их было легко объединить. Он испытал это на себе в Саксонии. Он испытал это в Нюрнберге. Создавать *Евангелический корпус* было все равно что плести веревки из песка.

§ 8. Каковы были его цели?

А Густавус был немцем даже наполовину по происхождению; политически он вообще не был немцем. Про себя он не мог не думать в первую очередь о Швеции. Вумах других людей наверняка возникло подозрение, что он так думает. Он твердо придерживался своего требования о Померании как оплоте интересов Швеции на Балтике. Следующим за этим появился *Корпус Евангеликорум*, лига немецких протестантских городов и князей, призванная выступить против возобновления всепоглощающей тирании императора. Если бы его план был осуществлен, Густав был бы более благородным Наполеоном, окруженным конфедерацией не Рейнского, а Балтийского побережья. Ибо, каким бы чужаком он ни был, он был связан своими религиозными симпатиями со своими протестантскими братьями в Германии. Слова, которые он произнес в Нюремберге принцам, рассказывая им, как хорошо ему могло бы быть дома, были восприняты в самом духе гомеровского Ахиллеса, когда ему открылась тяжесть работы, за которую он взялся, и неблагодарность людей. Как и Ахилл, он горячо любил войну, с ее волнением и опасностями, ради нее самой. Но он желал большего, чем славы победителя. Утверждение протестантизма в Европе как державы, защищенной от нападений благодаря своей собственной силе, было делом, ради которого он считал, что стоит жить, и за которое, помимо величия своей собственной шведской нации, он был готов умереть. Возможно, в конце концов, он был "счастлив от возможности своей смерти".

ГЛАВА IX. СМЕРТЬ ВАЛЛЕНШТЕЙНА И ПРАЖСКИЙ МИРНЫЙ ДОГОВОР.

Раздел I.—*Французское влияние в Германии.*

1631

год§ 1. Бернхард Саксен-Веймарский.

В Германии после смерти Густава при Лютцене все было так же, как в Греции после смерти Эпаминонда при Мантинее. "После битвы было больше волнений и споров, чем до нее". В Швеции Кристина, малолетняя дочь Густава, мирно унаследовала трон своего отца, и канцлер Оксенштерна беспрепятственно пользовался властью. Но каким бы мудрым и рассудительным ни был Оксенштерна, не в природе вещей было, чтобы его слушали так, как слушали Густава. Военачальники, которых больше не сдерживала солдатская рука, угрожали занять почти независимое положение. Главным из них был молодой Бернхард Веймарский, требовавший, подобно Валленштейну, места среди княжеских домов Германии. В его лице он надеялся возродить славу старшей ветви Саксонского дома и загладить позор, нанесенный ей Карлом V. За ее приверженность протестантскому делу. Он требовал награды за победу для тех, чьи мечи одержали ее, и платы для солдат, которые в течение зимних месяцев после победы при Лютцене почти ничего не получали. Его собственной долей должно было стать новое герцогство Франкония, образованное из объединенных епископств Вюрцбург и Бамберг. Оксенштерна был вынужден признать его притязания и утвердить его в своем герцогстве.

§ 2. Хайльброннская лига.

Таким образом, был предпринят шаг, который Густав, несомненно, обдумывал, но от претворения которого в жизнь благоразумно воздержался. Захват церковных земель, население которых было католическим, был таким же серьезным препятствием на пути к миру с одной стороны, как захват протестантских епископств на севере - с другой. Следовательно, тем более необходимо было быть готовым к войне. Если полного объединения всех протестантских сил и не было, то, по крайней мере, чего-то можно было достичь. 23 апреля 1633 года была подписана Хайльброннская лига. Четыре округа Швабии, Франконии, Верхнего и Нижнего Рейна заключили союз со Швецией для взаимной поддержки.

§ 3. Отступничество Саксонии.

Нетрудно объяснить дезертирство курфюрста Саксонии. Захват территории военным путем всегда был ему крайне неприятен. Он открыто сопротивлялся этому в случае с Фридрихом в Богемии. Он сопротивлялся этому, насколько осмеливался, в случае с Валленштейном в Мекленбурге. Он не был склонен мириться с этим в случае с Бернхардом во Франконии. Он также не мог не видеть, что с затягиванием войны шансы французского вмешательства значительно возрастали.

1631 г.

§ 4. Политика Франции.

В 1631 году произошло сильное восстание французской феодальной аристократии против королевской власти. Но Ришелье стоял твердо. В марте брат короля, Гастон, герцог Орлеанский, бежал из страны. В июле его мать, Мария Медичи, последовала его примеру. Но они не собирались отказываться от своего положения. Находясь в изгнании в испанских Нидерландах, они заключили тесный союз с Испанией и вели тысячу интриг с местной знатью. Кардинал бил направо и налево тяжелой рукой. Среди его врагов были самые знатные имена Франции. Герцог де Гиз уклонился от конфликта и удалился в Италию, чтобы умереть вдали от своей родины. Хранитель печатей умер в тюрьме. Его родственник, маршал Франции, погиб на эшафоте. Летом 1632 года, когда Густав проводил свою последнюю кампанию, на юге Франции произошло крупное восстание. Сам Гастон пришел разделить славу или позор восстания. Герцог Монморанси был настоящим лидером предприятия. Он был смелым и энергичным командиром, Рупертом французских кавалеров. Но его веселые всадники напрасно атаковали сомкнутые ряды королевской пехоты, и он искупил свою вину на эшафоте. Гастон, каким бы беспомощным и ничтожным он ни был, мог жить дальше, обеспеченный позорным помилованием.

§ 5. Ришелье сделал для Франции все, что можно было сделать.

Это была не самая высокая форма политической жизни, которую устанавливал Ришелье. К свободному выражению мнений как основе государственного устройства Франция в то время не была готова. Но в пределах возможного метод правления Ришелье представлял собой великолепное зрелище. Он уничтожил сотню мелких деспотизмов, чтобы на их месте возвести единый деспотизм. И если деспотизм короны был подвержен всем опасностям и слабостям, которые рано или поздно подрывают силу любого деспотизма, то Ришелье на какое-то время преуспел в том, чтобы заручиться сотрудничеством тех классов, добрую волю которых стоило примирить. При нем торговля и промышленность подняли голову, знание и литература наконец улыбнулись. В то время как Корнель создавал французскую драму, Декарт захватывал скипетр мировой науки. Первая пьеса первого появилась на сцене в 1629 году. Год за годом он

совершенствовался, пока в 1636 году не создал "Сида", и с тех пор один шедевр быстро следовал за другим. Декарт опубликовал свою первую работу в Голландии в 1637 году, в которой он изложил те принципы метафизики, которые должны были прославить его имя в Европе.

§ 6. Ришелье и Германия.

Все это, каким бы желанным ни было для Франции, не предвещало Германии ничего хорошего. В давней борьбе шестнадцатого века каждый из католиков и протестантов считал, что делает все возможное не только для своей страны, но и для мира в целом. Алва, с его бесчисленными казнями в Нидерландах, искренне верил, что Нидерланды, так же как и Испания, будут лучше переносить грубую операцию. Английские добровольцы, вернувшиеся домой на сотнях полей сражений в Европе, верили, что они приносят пользу Европе, а не только Англии. Пришло время, чтобы все это прекратилось и чтобы долгой религиозной борьбе пришел конец. Было хорошо, что Ришелье выступил вперед, чтобы показать миру, что у католического государства есть цели поважнее, чем истребление протестантов. Но в семнадцатом веке мир был далек от осознания того, что благо одной нации - это благо всех, и, отказавшись от своей религиозной пристрастности, Франция стала ужасно жесткой и эгоистичной в своей внешней политике. Густав был наполовину немцем и глубоко симпатизировал протестантской Германии. Ришелье не испытывал симпатии к протестантизму, не испытывал симпатии к немецкой национальности. Он, несомненно, имел общее убеждение, что преобладание в палате Австрии с общим злом для всех, но он заботился главным образом, чтобы увидеть Германия слишком слаба, чтобы поддерживать в Испании. Он принял союз с Лигой Хайльбронна, но он был бы в равной степени готов принять союз с курфюрстом Баварии, если бы это также послужило ему в его цели разделения Германии.

§ 7. Его политика французская, а не европейская.

План Густава мог показаться неудовлетворительным патриотичному немцу, но он, несомненно, был задуман с намерением принести пользу Германии. Ришелье не думал о создании какой-либо новой организации в Германии. Он уже нацелился на левый берег Рейна. Курфюрст Тревский, опасаясь Густава и сомневаясь в способности Испании защитить его, призвал французов и разместил их в своей новой крепости Эренбрейтштайн, которая с высоты смотрела на низкие здания Кобленца и охраняла слияние Рейна и Мозеля. Герцог Лотарингии присоединился к Испании и заинтриговал Гастона. Летом 1632 года французская армия вынудила его подчиниться. На следующий год он снова переехал, и французы снова вмешались и отняли у него его столицу Нанси. Ришелье рассматривал старые пограничные земли Германии как не имеющие прав против короля Франции.

Раздел II.—Попытка Валленштейна навязать мир.

§ 1. Переговоры саксонцев с Валленштейном.

Еще до подписания Хайльброннской лиги курфюрст Саксонии вел переговоры с Валленштейном. В июне между ними был практически заключен мир. Эдикт о реституции должен был быть отменен. Несколько мест на Балтийском побережье должны были быть переданы Швеции, и, по крайней мере, часть Пфальца должна была быть возвращена сыну курфюрста Фридриха, смерть которого предыдущей зимой устранила одно из препятствий на

пути к соглашению. Однако точную форму, в которой должна быть осуществлена реституция, еще предстоит урегулировать.

Такой мир, несомненно, был бы крайне неприятен авантюристам вроде Бернхарда Веймарского, но он дал бы протестантам Германии все, на что они могли разумно рассчитывать, и дал бы Австрийскому дому последний шанс отстаивать национальные интересы против иностранной агрессии.

§ 2. Оппозиция Валленштейну.

Такими последними шансами в реальной жизни редко пользуются для какой-либо полезной цели. Если бы у Фердинанда хватило духу подняться до положения национального правителя, он был бы на этом посту задолго до этого. Его духовник, отец Ламормэн, выступил против уступок, которые советовал Валленштейн, и слово отца Ламормэна всегда имело большой вес для Фердинанда.

§ 3. Общее неодобрение его действий.

Даже если бы Валленштейн был целеустремленным, ему было бы трудно противостоять такому противодействию. Но Валленштейн не был целеустремленным. Он предложил устранить трудности, возникшие при возвращении Пфальца, передав Пфальц, в значительной степени увеличенный за счет соседних территорий, самому себе. Таким образом, он получил бы справедливую компенсацию за потерю Мекленбурга, который он больше не мог надеяться вернуть. Он полагал, что это решение удовлетворит всех. Фактически, это вызвало недовольство у всех. Даже испанцы, которые были на его стороне в 1632 году, были отчуждены этим. Они особенно ревниво относились к возвышению любой сильной державы вблизи границы между Италией и испанскими Нидерландами.

§ 4. Валленштейн и шведы.

Чем больше трудностей возникало на пути Валленштейна, тем полнее он был настроен их преодолеть. Считая себя, с некоторым основанием, силой в Германии, он воображал себя способным действовать во главе своей армии так, как если бы он сам был правителем независимого государства. Если бы император прислушался к Испании и своему духовнику в 1633 году так же, как он прислушался к Максимилиану и его духовнику в 1630 году, Валленштейн мог бы выступить вперед и навязать ему более мудрую политику. Еще до конца августа он связался с Оксенштерной, прося его помощи в достижении разумного компромисса, нравилось это императору или нет. Но он забыл, что подобное предложение может быть принято только тогда, когда есть доверие к тому, кто его делает. В Валленштейне — человеке многих планов и интриг — ни у кого не было никакого доверия вообще. Оксенштерна осторожно ответил, что, если Валленштейн намеревается присоединиться к нему против императора, ему лучше первому начать атаку.

§ 5. Был ли он серьезен?

Всерьез ли Валленштейн намеревался в то время выступить против императора, сказать невозможно. Он любил участвовать в заговорах во всех направлениях, не связывая себя ни с

кем; но он явно находился в опасном положении. Как он мог навязать мир всем сторонам, когда ни одна из сторон ему не доверяла?

§ 6. Он нападает на саксов.

Однако, если бы ему не доверяли, он все равно мог бы заставить бояться себя. Энергично бросившись на Силезию, он вынудил шведские гарнизоны сдаться и, появившись на границах Саксонии, снова предложил мир двум северным курфюрстам.

§ 7. Бернхард в Ратисбоне.

Но Валленштейн не мог быть повсюду. Пока курфюрсты все еще колебались, Бернхард бросился на Ратисбон и прочно обосновался в городе, расположенном недалеко от австрийской границы. Валленштейн, резко повернув на юг, встал на пути его дальнейшего продвижения, но он ничего не сделал, чтобы вернуть утраченные позиции. Он сам устал от войны. Во время своего первого командования он стремился подавить любую оппозицию во имя имперской власти. Его суждения были слишком ясны, чтобы позволить ему следовать старым курсом. Он ясно видел, что теперь силу можно было обрести, только позволив каждой из противоборствующих сил проявить себя в полную силу. "Если бы император, - сказал он, - одержал десять побед, это не принесло бы ему никакой пользы. Одно-единственное поражение погубило бы его". В декабре он снова вернулся в Богемию.

§ 8. Трудности Валленштейна.

Это было странное, похожее на Кассандру положение - быть мудрее всего мира и, чтобы тебя никто не слушал; испытывать судьбу высшего разума, который не затрагивает никаких моральных струн и не пробуждает человеческого сочувствия. В течение многих месяцев враждебное влияние в Вене набирало силу. Были чиновники Военного министерства, чьи пожелания Валленштейн систематически игнорировал; иезуиты, которые вообще возражали против мира с еретиками; друзья баварского Максимилиана, которые считали, что местность вокруг Ратисбона следовало лучше защищать от врага; и испанцы, которым надоело слышать, что все важные вопросы должны решаться только Валленштейном.

§ 9. Оппозиция Испании.

Испанская оппозиция росла с каждым днем. Теперь Испания рассчитывала на то, что немецкая ветвь Австрийского дома достойно оплатит за помощь, которую она оказала в 1620 году. Ришелье, овладев Лотарингией, продвигался к Эльзасу, и если у Испании были веские причины возражать против того, чтобы Валленштейн утвердился в Пфальце, то у нее были гораздо более веские причины возражать против того, чтобы Франция утвердилась в Эльзасе. Однако все эти особые интересы Испании Валленштейна не волновали. Его целью было поставить себя во главе немецких национальных сил и рассматривать все вопросы просто со своей собственной точки зрения. Если он хотел изгнать французов из Эльзаса и Лотарингии, он хотел бы также изгнать испанцев из Эльзаса и Лотарингии.

§ 10. Кардинальный Младенец.

И, как это часто бывало с Валленштейном, наряду с политическими разногласиями возникли личные разногласия. Старший сын императора, Фердинанд, король Венгрии, был женат на испанской инфанте, сестре Филиппа IV, которая когда-то была обещанной невестой

английского короля Карла I. Ее брат, другой Фердинанд, обычно известный из-за своего ранга в Церкви и государстве как кардинал-инфанта, недавно был назначен губернатором испанских Нидерландов и ждал в Италии помощи, которая позволила бы ему провести армию через Германию в Брюссель. Эту помощь Валленштейн предоставить отказался. Военные причины, которые он привел для своего отказа, возможно, были достаточно вескими, но в испанских ушах они звучали сомнительно. Все выглядело так, словно он просто завидовал испанскому влиянию в Западной Германии.

§ 11. Колебание императора.

Таково было влияние, оказанное на императора после возвращения Валленштейна из Ратисбона в декабре. Фердинанд, как обычно, колебался между двумя предложенными курсами. Должен ли он был пойти на огромные уступки протестантам, вовлеченным в план Валленштейна; или он должен был бороться с Францией и протестантами вместе в соответствии с планом Испании? Для Валленштейна к этому времени решения императора стали почти безразличны. Он решил навязать Германии разумный мир с императором, если это возможно; без него, если он откажется от его поддержки.

1634

§ 12. Валленштейн и армия.

Валленштейн прекрасно понимал, что весь его план зависел от его власти над армией. В январе он получил заверения от трех своих главных генералов, Пикколомини, Галласа и Олдринджера, что они готовы следовать за ним, куда бы он их ни повел, и он был достаточно оптимистичен, чтобы принять эти заверения за гораздо большее, чем они того стоили. Ни они, ни он сам не подозревали, до чего далеко он зайдет в конце концов. В настоящее время это был простовопрос оказания давления на императора, чтобы побудить его принять мудрый и благотворный мир.

Раздел III.—*Сопrotивление планам Валленштейна.*

§ 1. Движения Онейта.

Испанскому послу Оньате было не по себе. Валленштейн, по его убеждению, планировал нечто отчаянное. Что это было, он с трудом мог догадаться, но был уверен, что это было что-то крайне пагубное для католической религии и объединенного Австрийского дома. Хуже всего было то, что Фердинанда никак не удавалось убедить в наличии оснований для подозрений. "Больной человек, - сказал Оньате, говоря об императоре, - умрет у меня на руках, и я не смогу ему помочь".

§ 2. Вера в Вене в то, что Валленштейн был предателем.

Таковы были чувства Оньате к концу января. Затем поступила информация, что дело обстоит хуже, чем даже он считал возможным. Валленштейн, как он узнал, интриговал с богемскими изгнанниками, которые предложили, с согласия Ришелье, возложить на его голову корону Богемии, четырнадцать лет назад отнятую у несчастного Фридриха. Во всем этом было много преувеличений. Хотя Валленштейн прислушивался к этим предложениям, почти наверняка он их не принял. Но и правительству он их не раскрыл. Это был его способ держать в своих руках

нити многих интриг, которые можно было использовать или не использовать в зависимости от обстоятельств.

§ 3. Онейт информирует Фердинанда.

Онейт, естественно, поверил в худшее. И для него худшее было лучшим. Он с триумфом отправился к Эггенбергу со своими новостями, а затем к Фердинанду. Если бы он был один, это заявление, возможно, было бы воспринято с подозрением. Появившись после стольких свидетельств того, что генерал действовал совершенно независимо от правительства, оно принесло с собой убежденность.

§ 4. Решение императора против Валленштейна.

Фердинанда долгое время швыряли из стороны в сторону противоположные влияния. Он не дал никакого ответа на сообщение Валленштейна об условиях мира, согласованных с Саксонией. Необходимость принятия решения, по его словам, не давала ему уснуть. Это было в его мыслях, когда он ложился и когда вставал. В венских церквях возносились молитвы Богу о просветлении разума императора.

§ 5. Решимость сместить Валленштейна.

Всем этим колебаниям теперь пришел конец. Фердинанд решил продолжить войну в союзе с Испанией и, в качестве необходимого предварительного шага, отстранить Валленштейна от командования. Но это было легче сказать, чем сделать. Была составлена декларация, освобождающая армию от повиновения Валленштейну и временно назначающая Галласа, который к этому времени дал заверения в лояльности, главным командованием. Предполагалось, если обстоятельства окажутся благоприятными, окончательно доверить командование молодому королю Венгрии.

§ 6. Генералы одержали верх.

Декларация хранилась в секрете в течение многих дней. Опубликовать ее означало бы только спровоцировать восстание, которого опасались. Первое, что нужно было сделать, - это привлечь на свою сторону главных генералов. В начале февраля Пикколомини и Олдрингер выразили готовность подчиняться императору, а не Валленштейну. Командиры среднего ранга, несомненно, сочли бы свое положение более независимым при таком неопытном молодом человеке, как венгерский король, чем при первом из ныне живущих стратегов. Эти два генерала согласились завладеть личностью Валленштейна и доставить его в Вену для ответа на выдвинутые против него обвинения в государственной измене.

§ 7. Попытка захватить Валленштейна.

Для Оньате этого было недостаточно. По его словам, было бы легче убить генерала, чем увозить его. События доказали, что он был прав. 7 февраля Олдрингер и Пикколомини отправились в Пльзень с намерением захватить Валленштейна. Но они обнаружили, что гарнизон верен своему генералу, и даже не рискнули предпринять такую попытку.

§ 8. Валленштейн в Пльзене.

Успех Валленштейна зависел от того, удастся ли ему увлечь за собой нижние чины армии. 19-го числа он созвал к себе полковников и заверил их, что обеспечит сохранность денег, которые они авансировали на пополнение своих полков, выплата которых была поставлена под сомнение. Настроив их таким образом на благоприятный лад, он сказал им, что было ложно заявлено о его желании сменить религию и напасть на императора. Напротив, он стремился заключить мир, который принес бы пользу императору и всем, кого это касалось. Поскольку, однако, некоторые лица при Дворе возражали против этого, он хотел бы узнать мнение армии относительно его условий. Но прежде всего он должен знать, готовы ли они поддержать его, поскольку он знал, что было намерение опозорить его.

§ 9. Полковники обязуются поддержать его.

Это был не первый раз, когда Валленштейн обращался к полковникам. Месяцем ранее, когда пришло известие об отчуждении Суда, он убедил их подписать подтверждение того, что они будут поддерживать его, из которого были прямо исключены все ссылки на возможность его увольнения. Теперь, 20 февраля, они подписали новое соглашение, в котором обязались защищать его от происков его врагов, взяв с него обещание ничего не предпринимать против императора или католической религии.

Раздел IV.—Убийство Валленштейна.

§ 1. Пражский гарнизон покидает его.

Таким образом, Валленштейн надеялся с помощью армии принудить императора к действию и добиться его подписи под миром. В сотрудничестве с курфюрстом Саксонии он уже был уверен; и с начала февраля он настаивал на том, чтобы Оксенштерна и Бернхард пришли к нему на помощь. Если бы все армии на поле боя заявили о заключении мира, Фердинанд был бы вынужден отказаться от испанцев и принять предложенные условия. Не будь такого рискованного предприятия, Валленштейну был бы поставлен мат от Оньате. Испанец был непрестанно занят в течение этих недель интриг. Испанское золото было предоставлено полковникам, чтобы вознаградить их за успехи, и надежды на продвижение по службе были рассеяны среди них. Два других главных генерала перешли на сторону Суда, и 18 февраля, за день до встречи в Пльзене, было опубликовано второе заявление, обвиняющее Валленштейна в государственной измене и формально лишаящее его командования. Валленштейн, прежде чем это заявление дошло до него, уже назначил встречу больших групп войск на Белом холме перед Прагой 21-го числа, где он надеялся сделать свои намерения более широко известными. Но он неверно рассчитал преданность армии своей персоне. Гарнизон Праги отказался подчиняться его приказам. Солдаты и горожане в равной степени поддерживали императора. Он был вынужден вернуться по своим следам. "Мир был в моих руках", - сказал он. Затем добавил: "Бог праведен", как будто все еще рассчитывал на помощь Небес в столь благом деле.

§ 2. Взаимопонимание со шведами.

Он еще не отчаялся. Он приказал полковникам встретить его в Эгере, заверив их, что все, что он делает, делается для блага императора. Теперь у него, наконец, появилась надежда на другую помощь. Оксенштерна, действительно, всегда осторожный, по-прежнему отказывался что-либо делать для него, пока он не выступит решительно против императора. Бернгард, столь же благоразумный в течение некоторого времени, был захвачен известием, которое дошло до него

21-го числа, о встрече в Пльзене и доносе императора на генерала. Хотя у него все еще оставались подозрения, он двинулся в направлении Эгера.

§ 3. Его прибытие в Эгер.

24-го числа Валленштейн вступил в Эгер. Каким именно способом он намеревался вырваться из лабиринта, в котором находился, и имел ли он еще какое-либо четкое представление о предстоящем ему пути, сказать невозможно. Но Арнима ожидали в Эгере так же, как и Бернхарда, и, возможно, Валленштейн все еще воображал, что сможет собрать в своих руках все армии Германии для защиты мира, который он был готов заключить. Великий план, каким бы он ни был, каким бы он ни был, был обречен на провал. Среди сопровождавших его офицеров был полковник Батлер, ирландский католик, которому не нравились подобные отношения к шведским и саксонским еретикам. Он уже получил приказ от Пикколомини доставить Валленштейна живым или мертвым. Никаких официальных инструкций Пикколомини дано не было. Но эта мысль наверняка возникла бы в умах всех, кто сохранил свою верность императору. Генерал, который пытается принудить своего суверена к определенному политическому курсу с помощью врага, сам по себе оказывается вне рамок закона.

§ 4. Убийство Валленштейна.

Фактическое решение принимал не Батлер. Крепость находилась в руках двух шотландских офицеров, Лесли и Гордона. Как протестанты, они, возможно, должны были испытывать некоторую симпатию к Валленштейну. Но чувство воинской чести возобладало. Утром 25-го числа один из сообщников генерала вызвал их, чтобы они выполняли приказы только от Валленштейна. "Я поклялся повиноваться императору, - ответил наконец Гордон, - и кто освободит меня от моей клятвы?" "Вы, джентльмены, - последовал ответ, - чужаки в Империи. Какое вы имеете отношение к Империи?" Подобные аргументы были адресованы глухим. В тот день Батлер, Лесли и Гордон совещались вместе. Лесли, обычно молчаливый, сдержанный человек, заговорил первым. "Давайте уьем предателей", - сказал он. В тот вечер главные сторонники Валленштейна были зарезаны на банкете. Затем последовала короткая и острая дискуссия о том, следует ли сохранить жизнь Валленштейну. Было известно, что приближаются войска Бернарда, и заговорщики не осмелились оставить ни единого шанса на побег. Для совершения преступления был выбран ирландский капитан по имени Деверо. Сопровождаемый несколькими солдатами, он ворвался в комнату, где Валленштейн готовился к отдыху. "Негодяй и предатель", - такими словами он бросил Деверо, когда тот вошел. Затем, вытянув руки, он получил смертельный удар в грудь. Напряженный мозг великого вычислителя был неподвижен вечно.

§ 5. Причина его неудачи.

Попытка добиться мудрого и благотворного мира с помощью силы и интриг провалилась. Другие генералы — Цезарь, Кромвель, Наполеон — пришли к верховной власти при поддержке вооруженных сил. Но они сделали это, поставив себя во главе гражданских институтов своих соответствующих стран и сделав себя органами сильной национальной политики. Валленштейн был одинок в попытках руководить политическими судьбами народа, оставаясь при этом солдатом и ничем более. План был обречен на провал, и его можно простить только на том основании, что не было национальных институтов, во главе которых Валленштейн мог бы поставить себя; не было даже шанса создать такие институты заново.

§ 6. Сравнение Густава и Валленштейна.

Несмотря на все его недостатки, Германия всегда обращается к Валленштейну, как ни к кому другому из лидеров Тридцатилетней войны. Несмотря на разногласия и слабости своей родной страны, великий поэт увековечил свою память в череде благородных драм. Такая верность не лишена оснований. Натура Густава была выше натуры Валленштейна. Некоторые из его работ, по крайней мере, спасение немецкого протестантизма от угнетения, остались нетленными, в то время как военный и политический успех Валленштейна канул в небытие. Но Густав был героем не Германии как нации, а европейского протестантизма. Его *Евангелический корпус* был в лучшем случае выбором из зол для немца. Самые дикие планы Валленштейна, которые невозможно было осуществить военным путем, всегда строились на фундаменте единства Германии. При том пути, которым он шел, это единство, несомненно, было недостижимо. Сочетать преданность Фердинанду со свободой вероисповедания было такой же безнадежной идеей, как и разрывать все узы политической власти в надежде, что новый и лучший мир возникнет вне лагерной дисциплины. Но в последующие долгие унылые годы смуты было о чем подумать о последнем в высшей степени способном человеке, чья жизнь прошла в борьбе с великим злом страны, с духом религиозной нетерпимости и духом разделения.

Раздел V.—Победы империализма и Пражский мирный договор.

§ 1. Кампания 1634 года.

На данный момент Австрийский дом, казалось, получил все благодаря казни или убийству Валленштейна, как бы мы это ни называли. Армия была реорганизована и передана под командование сына императора, короля Венгрии. Кардинал-инфант, которого теперь с нетерпением ждали, готовился присоединиться к нему через Тироль. И в то время как с одной стороны царили единство и решимость, с другой были разногласия и колебания. Курфюрст Саксонии держался в стороне от Хайльброннской лиги, слабо надеясь, что условия мира, предложенные ему Валленштейном, будут подтверждены императором теперь, когда Валленштейна больше нет. Даже среди тех, кто оставался при оружии, не было единства целей. Бернхард, смелый и порывистый, не был согласен с осторожным Хорном, командовавшим шведскими войсками, и оба согласились в том, что Оксенсьерна допустил оплошность, потому что он не снабдил их большим количеством денег, чем был в состоянии предоставить.

§ 2. Битва при Нердлингене.

Как и следовало ожидать при таких обстоятельствах, имперские войска быстро продвинулись вперед. Ратисбон, захваченный Бернхардом годом ранее, сдался королю Венгрии в июле. Затем Донауверт был взят штурмом, и Нердлинген был взят в осаду. 2 сентября кардинал-инфант подошел с 15 000 человек. Враг наблюдал за осадой силами, значительно уступающими по численности. Бернхард стремился подвергнуть все испытанию боем. Напрасно Хорн рекомендовал соблюдать осторожность. Вопреки здравому смыслу он согласился на бой. 6 сентября атака была предпринята. К концу дня Хорн был взят в плен, а Бернхард полностью отступил, оставив 10 000 своих людей убитыми на поле боя и 6000 пленных в руках врага, в то время как империалисты потеряли всего 1200 человек.

§ 3. Важные результаты, полученные в результате этого.

Со дня Брейтенфельда, три года назад, не было такого сражения, как это при Нердлингене. Подобно тому, как Брайтенфельд вернул протестантские епископства на севере, Нердлинген вернул католические епископства на юге. Герцогство Франкония, принадлежавшее Бернхарду, исчезло в одно мгновение под этим ударом. До наступления весны 1635 года вся Южная Германия, за исключением одного или двух укрепленных постов, находилась в руках имперского командования. Кардинал-инфанта смог продолжить свой путь в Брюссель с уверенностью, что по дороге он проделал хорошую работу.

§ 4. Вмешательство Франции.

Победы, основанные на простой силе, никогда не приносят добра. Как это было после успехов Тилли в 1622 году и успехов Валленштейна в 1626 и 1627 годах, так было теперь с успехами короля Венгрии в 1634 и 1635 годах. Империалистические армии одерживали победы и брали города. Но император ничуть не приблизился к доверию немцев. Отчужденный народ, раздавленный военной силой, служил всего лишь приманкой, чтобы спровоцировать иностранную агрессию и облегчить ей путь. После 1622 года был призван король Дании. После 1627 года было подано обращение к королю Швеции. После 1634 года Ришелье нашел свою возможность. Связи между Францией и искалеченной Лигой Хайльбронна стали более тесными. Немецкие войска должны были быть переведены на французское жалованье, и пустая казна Лиги наполнилась французскими ливрами. Тот, кто держит кошелек, держит и скипетр, а князья Южной и Западной Германии, хотели они того или нет, были низведены до положения сателлитов, вращающихся вокруг центрального шара в Париже.

§ 5. Пражский мир.

Нигде позор подчинения французской интервенции не ощущался так глубоко, как в Дрездене. Битва при Нердлингене положила конец любым надеждам, которые Джон Георг мог питать на получение того, что Валленштейн охотно предоставил бы ему. Но, с другой стороны, Фердинанд кое-чему научился на собственном опыте. Он допустил бы отмену Эдикта о возмещении ущерба, хотя и был полон решимости не приносить эту жертву столь многословно. Но он отказался восстановить Империю в том состоянии, в котором она была до войны. Отправной точкой для нового устройства был выбран 1627 год. Таким образом, большая часть северных епископств была бы сохранена для протестантизма. Но Хальберштадт остался бы в руках католического епископа, а Пфальц был бы потерян для протестантизма навсегда. Лужица, которая находилась в руках курфюрста Саксонии для покрытия его расходов в войне 1620 года, должна была быть передана ему навсегда, а протестантизм в Силезии должен был быть поставлен под гарантии императора. Наконец, только лютеранство по-прежнему считалось привилегированной религией, так что Гессен-Кассель и другие кальвинистские государства вообще не получили никакой безопасности. 30 мая 1635 года в Праге представителями императора и курфюрста Саксонии был подписан договор, закрепляющий эти договоренности. Предполагалось, что это будет не отдельный договор, а отправная точка общего умиротворения. Большинство князей и городов приняли его после более или менее длительного промедления и признали верховенство императора на его условиях. И все же не в природе вещей было, чтобы это положило конец войне. Это было не то соглашение, к которому кто-либо, вероятно, отнесся бы с энтузиазмом. Узы, связывавшие Фердинанда с его протестантскими подданными, были грубо разорваны, и торжественное обещание забыть и простить не могло сплотить нацию в том единстве сердца и духа, которое было необходимо, чтобы противостоять

иностранцу. Протестант с севера мог бы разумно прийти к выводу, что цена, которую придется заплатить шведу и французу за отстаивание прав южных протестантов, была слишком высока, чтобы с его стороны было благоразумно продолжать борьбу против императора. Но вряд ли он был склонен очень энергично сражаться за императора на таких условиях.

§ 6. Ему не удается добиться всеобщего признания.

Если договор не придал большого воодушевления никому, кто был им охвачен, он еще больше бросил в объятия врага тех, кто был лишен его преимуществ. Ведущие члены Хайльброннской лиги были исключены из общей амнистии, хотя им были предоставлены надежды на лучшее обращение, если они подадут заявление. Ландграф Гессен-Кассельский был изгнан как кальвинист. Помимо тех, кто питал законные претензии, были и другие, которые, подобно Бернарду, были склонны сколотить состояние для себя или которые настолько смешали в своем сознании заботу об общественном благе, что потеряли всякое представление о каком-либо различии между ними.

§ 7. Перерождение войны.

Здесь не было недостатка в материалах для долгой и ужасной борьбы. Но ни у одной из сторон больше не было благородной цели. Идеал Фердинанда и Максимилиана исчез. Церкви не суждено было вернуть свою утраченную собственность. Империи не суждено было вернуть свое утраченное достоинство. Идеал Густава о протестантском политическом органе также исчез. Даже идеал Валленштейна о том, что единство может быть основано на армии, исчез. С этого момента французы и шведы, с одной стороны, австрийцы и испанцы - с другой, были усердно заняты тем, что рылись в останках мертвой империи. Великая принципиальная размолвка переросла в простую ссору между Австрийским и бургундскими домами, в ходе которой та крупная принципа, которая еще оставалась в вопросе о правах южных протестантов, была почти полностью проигнорирована.

§ 8. Положение Германии.

Какой бы ужасной ни была война с самого начала, с каждым днем она принимала все более ужасный характер. С обеих сторон исчезли все следы дисциплины в отношениях армий с жителями стран, в которых они были расквартированы. Солдаты обращались с мужчинами и женщинами так, как никто, кроме самых подлых представителей человечества, не стал бы теперь обращаться с грубыми животными. "Тот, у кого были деньги, - говорит современник, - был их врагом. Тот, у кого ничего не было, подвергался пыткам, потому что у него этого не было". Повсюду совершались неопишеские зверства. Людей гнали голыми по улицам, их плоть протыкали иглами или разрезали до костей пилами. Других ошпаривали кипятком или травили свирепыми собаками. Ужасы взятого штурмом города повторялись каждый день на открытой местности. Даже если отвлечься от эксцессов, война сама по себе была достаточно ужасной. Когда Аугсбург был осажден империалистами после их победы при Нердлингене, в нем проживало трудолюбивое население в 70 000 душ. После семимесячной осады 10 000 живых существ, изможденных голодом, остались, чтобы открыть ворота завоевателям, и великий торговый город Фуггеров превратился в провинциальный городок.

1636

§ 9. Записки английского путешественника.

Как возможно представить такие сцены перед нашими глазами в их ужасающей реальности? Давайте на минуту обратимся к некоторым записям, сделанным спутником английского посла, проезжавшего через страну в 1636 году. Когда группу отбуксировали вверх по Рейну из Кельна по трассе, так хорошо знакомой современному туристу, они проезжали "мимо множества разграбленных и расстрелянных деревень". Далее французский гарнизон находился в Эренбрайтштайне, обстреливая Кобленц, который только что был взят империалистами. "Они в городе, если только выглянут из своих окон, тут же получают пулю в лоб". Дальше к югу дела обстояли еще хуже. В Бахарахе "бедных людей находят мертвыми с травой во рту". В Рюдесхайме многие люди "молились там, где лежали мертвые кости в маленьком старом домике; и здесь его Превосходительство оказал некоторую помощь беднякам, которые были почти уморены голодом, как выяснилось из-за насилия, которое они применяли, чтобы добиться этого друг от друга". В Менце посол был вынужден оставаться "на борту корабля, поскольку нам нечем было помочь, поскольку он был захвачен королем Швеции и жестоко разбит.... Здесь бедняки тоже почти умирали с голоду, и те, кто раньше мог помочь другим, теперь смиренно просили о помощи; и после ужина всем прислали помощь с корабля на берег, при виде которой они боролись так яростно, что некоторые из них упали в Рейн и были готовы утонуть". Снова на Главном: "все города, деревни и замки будут разгромлены, разграблены или сожжены". Покинув Вюрцбург, поезд посла прибыл в разграбленные деревни, а затем в Нойштадт, "который был прекрасным городом, хотя сейчас разграблен и сгорел дотла". Бедные дети "сидели у своих дверей, почти умирая с голоду", его Превосходительство давал им еду и оставлял деньги их родителям, чтобы они помогли им, хотя бы на время. В Верхнем Пфальце они проходили "мимо разрушенных до основания церквей и через леса в опасности, понимая, что поблизости лежат хорваты". Далее они остановились пообедать в маленькой бедной деревушке, "которую грабили двадцать восемь раз за два года и дважды за один день". И так далее, и тому подобное. Уголок завесы приподнят на страницах старой книги, а остальное предоставлено воображению, чтобы представить, насколько это возможно, стоящие за ней страдания. После прочтения трезвого повествования мы, возможно, не будем склонны так сурово относиться к курфюрсту Саксонии за заключение мира в Праге.

ГЛАВА X. ПРЕВОСХОДСТВО ФРАНЦИИ.

Раздел I.—Открытое вмешательство Франции.

§ 1. Протестантизм еще не вне опасности.

Пражские миротворцы надеялись восстановить Империю в ее прежнем виде. Но этого не могло быть. Свершившееся не может исчезнуть, как будто его никогда и не было. Попытка Фердинанда добиться преимущества партизана в своей религии, воспользовавшись юридическими формами, породила всеобщее недоверие. Нации и правительства, как и отдельные люди, "связаны цепью своих грехов", от которой они могут освободиться только тогда, когда в них вдохнут новый дух. Каким бы неудовлетворительным ни было территориальное устройство мира, полное отсутствие какой-либо конституционной реформы в

связи с миром было еще более неудовлетворительным. Большинство в двух Верхних палатах сейма по-прежнему было католическим; Имперский совет по-прежнему был полностью католическим. Возможно, что Сейм и Совет, наученные опытом, могли бы воздержаться от того, чтобы заходить в своих притязаниях так далеко, как они заходили в них раньше; но правительство, которое воздерживается от проведения в жизнь своих принципов из соображений благоразумия, не может внушать доверия. Сильная центральная держава никогда не возникла бы таким образом, а сильная центральная держава для защиты Германии от иностранного вторжения была особой потребностью того времени.

§ 2. Союзники Франции.

В неспособности курфюрста Саксонии удовлетворить некоторые наиболее разумные требования протестантов крылось лучшее оправдание для таких людей, как Бернхард Саксен-Веймарский и Вильгельм Гессен-Кассельский, для отказа от предложенных условий примирения. Во многом из-за того, что личные амбиции и жажда территории нашли место в мотивах этих людей, нет абсолютной необходимости утверждать, что их религиозный энтузиазм был не более чем простым лицемерием. Они подняли боевой клич "С нами Бог", прежде чем ринуться на штурм города, обреченного на резню и разграбление; они выделяли дни для молитвы и благочестия, когда близилось сражение, — возможно, скрывая от своих собственных глаз отвратительные страдания, которые они сеяли вокруг, размышляя о возвышенности своей цели: ибо во всех, кроме самых низменных, есть естественная тенденция уклоняться от размышлений о низменных мотивах действий и устремлять взор исключительно на высшее. Но пыл, вызванный военной карьерой, и простая любовь к битве ради нее самой, должно быть, имели большое значение; и отказ подчиниться господству, которое использовалось так жестоко, вскоре перерос в неугомонное презрение ко всякой власти, какой бы она ни была. Благородные мотивы, которые придавали блеск работе Тилли и Густава и которые даже осветили глубокий эгоизм Валленштейна, вспыхнули и угасли, пока роковой крах Империи не был совершен среди стремлений и страстей бессердечных и беспринципных людей.

§ 3. Иностранное вмешательство.

Работа по разделению Германии на части была выполнена не только немцами. Как в природе живой организм, ставший нездоровым и испорченным, захвачен низшими формами животной жизни, так и нация, разделенная между собой и лишенная чувства жизни внутри себя, более высокого, чем цели партий и индивидуумов, становится добычей соседних наций, которые не осмелились бы вмешиваться в нее в дни ее могущества. Туша была там, и орлы были собраны вместе. Сбор армии Валленштейна в 1632 году, свержение Валленштейна в 1634 году стало возможным благодаря свободному использованию испанского золота. Победа при Нердлингене была достигнута благодаря помощи испанских войск; и целью Испании было не величие или мир Германии, а в лучшем случае величие Австрийского дома в Германии; в худшем - сохранение старой системы нетерпимости и бездумного повиновения, которая привела к гибели Германии. Имея Испанию в качестве союзника, Франция была необходимым врагом. Борьба за верховную власть между двумя представительными государствами старой системы и новым не могла затянуться надолго, и немецкие партии были бы увлечены, сознательно или бессознательно, за собой. Если Бернхард стал орудием Ришелье, то Фердинанд стал орудием Испании.

§ 4. Эльзас и Лотарингия.

На этом этапе войны протестантизм и католицизм, терпимость и нетерпимость перестали быть непосредственными объектами борьбы. Владение Эльзасом и Лотарингией приобрело первостепенное значение не потому, что, как в наши дни, Германия нуждалась в оплоте против Франции, или Франция нуждалась в оплоте против Германии, а потому, что Германия была недостаточно сильна, чтобы помешать этим территориям стать магистралью сношений между Испанией и испанскими Нидерландами. Господство на море находилось в руках голландцев, а долина Верхнего Рейна была артерией, по которой текла жизненная кровь испанской монархии. Если бы Испания или император, друг Испании, смогли удержать эту долину, люди и военное снаряжение свободно потекли бы в Нидерланды, чтобы поддержать кардинала-инфанта в его борьбе с голландцами. Если бы Ришелье мог сильно ударить по нему рукой, он схватил бы своего врага за горло и мог бы задушить его прямо сейчас.

§ 5. Ришелье просит крепости в Эльзасе.

После битвы при Нердлингене первым требованием Ришелье к Оксенштерне в качестве платы за его помощь были укрепленные пункты, удерживаемые шведскими гарнизонами в Эльзасе. Как только они оказались под его надежным контролем, он почувствовал себя достаточно сильным, чтобы открыто объявить войну Испании.

§ 6. Война между Францией и Испанией.

19 мая, за одиннадцать дней до заключения мира в Праге, объявление войны было передано в Брюссель французской газетой *herald*. Ко всеобщему удивлению, Франция смогла выставить на поле боя то, что тогда считалось огромным числом в 132 000 человек. Одна армия должна была изгнать испанцев из Милана и освободить итальянских принцев. Другая должна была защищать Лотарингию, пока Бернхард форсировал Рейн и продолжал войну в Германии. Главные силы должны были быть брошены на Испанские Нидерланды и, после соединения с армией принца Оранского, нанести удар непосредственно на Брюссель.

Раздел II.—Успехи Испании.

§ 1. Провал французского нападения на Нидерланды.

Именно в самой амбициозной части своей программы Ришелье потерпел самое сокрушительное поражение. Соединение с голландцами было осуществлено без труда; но долгожданный инструмент успеха оказался причиной катастрофы. Что бы фламандцы и брабантцы ни думали об Испании, вскоре они ясно дали понять, что не будут иметь ничего общего с голландцами. Национальный энтузиазм против протестантской агрессии с севера облегчил оборону, и французской армии пришлось вернуться совершенно безуспешной. О неудаче также сообщалось из других источников. Французские армии не имели опыта ведения крупномасштабных войн, и до сих пор не появилось ни одного выдающегося военачальника, который мог бы ими командовать. Итальянская кампания ни к чему не привела, и только благодаря высочайшему военному мастерству Бернард, вынужденный отступить, спас свою армию от полного уничтожения.

§ 2. Вторжение Испании во Францию.

В 1636 году Франция подверглась вторжению. Кардинал-инфант переправился через Сомму, взял Корби и продвинулся к берегам Уазы. Весь Париж был в смятении. Ожидалась

немедленная осада, и было проведено тревожное расследование состояния обороны. Тогда Ришелье, выйдя из своего уединения, бросился на нацию. Он обратился к крупным юридическим, церковным и коммерческим корпорациям Парижа, и его обращение было не напрасным. Деньги, добровольно предложенные, хлынули в казну для выплаты жалованья войскам. Те, у кого не было денег, охотно отдавали себя на военную службу. Было отмечено, что Париж, столь фанатично католический во времена Святого Варфоломея и Лиги, доверил свою защиту протестантскому маршалу Ла Форсу, чья репутация честного человека внушала всеобщее доверие.

§ 3. Захватчики отброшены назад.

Соппротивление, предпринятое в таком духе в Париже, было подражано другим городам королевства. Даже зная, как бы ревниво она ни относилась к кардиналу, забыла о своих аристократических обидах, выполняя свои обязанности французов. Их преданность не подвергалась испытанию на деле. Захватчики, напуганные единодушием, с которым им противостояли, заколебались и повернули назад. В сентябре Льюис лично вышел на поле боя. В ноябре он предстал перед Корби, а в последние дни года крепость снова оказалась под охраной французского гарнизона. Война, опустошившая Германию, была предотвращена Францией благодаря союзу, заключенному благодаря мягкой терпимости Ришелье.

§ 4. Битва при Уитстоке.

В Германии дела тоже приняли неожиданный оборот. Курфюрст Саксонский надеялся прогнать шведов за море; но победа, одержанная 4 октября при Виттоке шведским генералом Банером, самым способным из преемников Густава, расстроила его намерения. С тех пор Северная Германия была предана запустению, с которым не могут сравниться даже страдания, причиненные Валленштейном.

§ 5. Смерть Фердинанда II.

Среди этих сцен неудач и несчастий человек, чья политика была в основном ответственна за бедствия его страны, навсегда закрыл глаза. 15 февраля 1637 года, Фердинанд II. умер в Вене. Незадолго до своей смерти король Венгрии был избран королем римлян, и теперь, после смерти своего отца, он стал императором Фердинандом III.

§ 6. Ferdinand III.

У нового императора не было пороков. Он даже не увлекался, как его отец, охотой и музыкой. Когда под его командованием была выиграна битва при Нердлингене, он молился в своей палатке, пока его солдаты сражались. Иногда он брал на себя смелость отдавать военные приказы, но почерк, которым они были написаны, был настолько отвратительными каракулями, что они позволяли его генералам оправдывать свои поражения невозможностью прочесть их инструкции. Его великой страстью было строгое ведение счетов. Говорят, что даже иезуиты обнаружили, что, будучи преданным своей религии, он зорко следил за своими расходами. Однажды они пожаловались, что некоторые сборы, завещанные им его отцом, не были переданы им, и представили стоимость наследства как сущий пустяк в 500 флоринов в год. Император немедленно отдал им распоряжение о ежегодной выплате казначейству названной

суммы и завладел сборами за содержание укреплений Вены. Говорят, что полученный таким образом доход составлял не менее 12 000 флоринов в год.

§ 7. Кампания 1637 года.

Такой человек вряд ли смог бы спасти Империю от ее бедствий. Однако первый год его правления был отмечен проблеском удачи. Банер потерял все, что он приобрел при Виттстоке, и был отброшен к берегам Балтийского моря. На западной границе империалисты добились не меньшего успеха. Вюртемберг принял Пражский мир и подчинился императору. Говорили о более общем мире. Но до тех пор, пока Эльзас не будет закреплен за той или иной стороной, мир был невозможен.

Раздел III.—Борьба за Эльзас.

§ 1. Взятие Брейзаха.

Этот вопрос должен был решить 1638 год. Бернхард рассчитывал на австрийские земли в Эльзасе и Брайсгау в качестве компенсации за утраченное герцогство Франкония. В феврале он осаждал Райнфельден. Изгнанный империалистами 26-го, он неожиданно появился 3 марта, застав врага врасплох. У них не было с собой даже достаточного количества пороха, чтобы зарядить ружья, и результатом стала победа при Райнфельдене. 24-го числа сдался сам Райнфельден. Фрайбург последовал его примеру 22 апреля, и Бернхард приступил к осаде Брайзаха, великой крепости, господствовавшей над всей долиной Верхнего Рейна. Какими бы малочисленными ни были его силы, ему удалось серией быстрых перемещений отбить все попытки доставить припасы, и 19 декабря он с триумфом вступил в это место.

§ 2. Захват - поворотный момент в войне.

Кампания 1638 года стала поворотным моментом в борьбе между Францией и объединенным Австрийским домом. Затем была завоевана выгодная позиция, которая никогда не была потеряна.

§ 3. Бернхард хочет сохранить Брейзах.

Сам Бернхард, однако, не осознавал мирового значения событий, в которых он сыграл свою роль. Ему казалось, что он сражался за своих, и он заявил права на земли, которые завоевал для себя. Он принял почтение граждан Брайзаха от своего имени. Он отпраздновал лютеранский праздник благодарения в кафедральном соборе. Но французское правительство смотрело на возвышение независимого немецкого княжества в Эльзасе с таким же недоверием, с каким испанское правительство рассматривало перспективу установления власти Валленштейна в Пфальце. Они приказали Бернхарду подчинить свои завоевания приказам короля Франции.

§ 4. Отказывается расчленять Империю.

Как это ни странно, человек, который так много сделал для того, чтобы разорвать Империю на куски, в каком-то смысле все еще верил в Империю. "Я никогда не потерплю, - сказал он в ответ на требования французов, - чтобы люди могли искренне упрекать меня в том, что я первым расчленил Империю".

§ 5. Смерть Бернхарда.

В следующем году он пересек Рейн с самыми блестящими надеждами. Банер восстановил силы и продвигался через Северную Германию в Богемию. Бернхард надеялся, что он тоже сможет нанести удар, который принудит к миру на его собственных условиях. Но его величайшее достижение, взятие Брайзаха, было также и последним. Смертельная болезнь настигла его, едва он вступил в кампанию. 8 июля 1639 года он умер.

§ 6. Эльзас во владении Франции.

Больше не было вопроса о принадлежности крепостей в Эльзасе и Брайсгау. Французские губернаторы вступили во владение. Французский генерал принял командование армией Бернарда. В течение следующих двух или трех лет старые войска Бернарда сражались по всей Германии совместно с Банером, не без успеха, но и без какой-либо решающей победы. Французские солдаты, подобно немцам, привыкали к войне. Земли на Рейне нелегко было вырвать из захвативших их сильных рук.

Раздел IV.—Успехи Франции.

§ 1. Государство Италия.

У Ришелье были и другие успехи, помимо этих побед на Рейне. В 1637 году испанцы изгнали из Турина герцогиню-регентшу Кристину, мать юного герцога Савойского. Она была сестрой короля Франции; и даже если бы это было не так, враг Испании был, по сути дела, другом Франции. В 1640 году она вернулась в свою столицу с помощью Франции.

§ 2. Война на море.

Кроме того, на море, где Испания, хотя и не могла самостоятельно противостоять голландцам, долгое время продолжала превосходить Францию, превосходству Испании приходил конец. На протяжении всего своего министерства Ришелье уделял особое внимание развитию торговли и формированию военно-морского флота. Войска больше нельзя было безопасно отправлять в Италию с берегов Испании. В 1638 году французская эскадра сожгла испанские галеры в Бискайском заливе.

§ 3. Испанский флот в Даунсе.

В 1639 году огромный испанский флот, направлявшийся в Нидерланды, был достаточно силен, чтобы ускользнуть от французов, которые следили за ним, чтобы перехватить. Он плыл вверх по Английскому каналу, почти видя недалекую цель - фламандские порты. Но огромные галеоны были плохо укомплектованы и плохо обнаружены. Они были еще менее способны противостоять более легким, хорошо оснащенным судам голландского флота, которые ожидали их перехвата, чем Армада смогла противостоять Дрейку и Роли пятьдесят один год назад. Испанский командующий искал убежища в Даунсе, под защитой нейтрального флага Англии.

§ 4. Уничтожение флота.

Французский посол настойчиво умолял короля Англии позволить голландцам развить свой успех. Испанский посол настойчиво умолял его защитить тех, кто нашел убежище на его берегах. Чарльз увидел в этом происшествии возможность заключить сделку с той или иной

стороной. Он предложил отказаться от испанцев, если французы согласятся вернуть его племяннику Чарльзу Льюису, сыну его сестры Елизаветы, его наследство в Пфальце. Он предложил защитить испанцев, если Испания заплатит ему крупную сумму, которую он запросит за вооружение, необходимое для того, чтобы бросить вызов Франции. Ришелье не собирался завершать предложенную ему сделку. Он ввел Карла в заблуждение переговорами, в то время как голландский адмирал с презрением относился к английскому нейтралитету. Он пронесся среди высоких испанских кораблей, стоявших на якоре в Даунсе: некоторые он потопил, некоторые поджег. Одиннадцать галеонов вскоре были уничтожены. Остальные воспользовались густым туманом, проскользнули через пролив и оказались в безопасности под огнем орудий Дюнкерка. Никогда больше такой флот, как этот, не отваживался покинуть испанское побережье и направиться в гавани Фландрии. Ущерб, нанесенный Испании, намного превысил фактические потери. Нанесенный, как и удар, через несколько месяцев после капитуляции Брайзаха, он практически разорвал военную связь между Брюсселем и Мадридом.

§ 5. Франция и Англия.

Чарльз поначалу ничуть не обиделся на это оскорбление. Он все еще надеялся, что Ришелье будет защищать интересы своего племянника, и даже ожидал, что король Франции назначит Карла Людовика командующим армией, которая подчинялась приказам Бернарда. Но Ришелье был не в настроении ставить немца во главе этих хорошо обученных ветеранов, и предложение было окончательно отклонено. Король Англии, недовольный этим отпором, снова склонился на сторону Испании. Но Ришелье нашел способ помешать Испании заручиться даже той помощью, которую мог оказать столь непопулярный король, как Карл. Вступить в сношения с внутренними врагами Карла было легко. Его беды, действительно, были в основном его собственными, и он, несомненно, потерял бы свой трон, независимо от того, разжег бы Ришелье огонь или нет. Но французский министр сделал все, что было в его силах, чтобы усилить смятение, и поощрял, насколько это было возможно, сопротивление, которое уже вспыхнуло в Шотландии и которое угрожало вспыхнуть в Англии.

§ 6. Восстание в Каталонии.

Неудача 1636 года была полностью искуплена. Больше не нападая ни на одну из масс, из которых состояла испанская монархия, Ришелье наложил руки на линии связи между ними. Он дал о себе знать не в Мадриде, не в Брюсселе, не в Милане или Неаполе, а в Эльзасе, на Средиземном море, в проливе Ла-Манш. Эффект был таким же полным, как от обрыва телеграфной проволоки. Полуостров сразу же поразила Европа, продемонстрировав признаки распада. В 1639 году каталонцы мужественно защищали Руссильон от французского вторжения. В 1640 году они были готовы сражаться с такой же энергией. Но испанское правительство, находясь в отчаянном положении, не удовлетворилось тем, что предоставило им сражаться по-своему, нерегулярно, как подобает горцам. Были изданы приказы, приказывающие всем мужчинам, способным сражаться, вооружаться для войны, всем женщинам нести на своих спинах еду и припасы для армии. Последовал королевский указ, угрожавший тем, кто проявит небрежность, тюремным заключением и конфискацией их имущества.

§ 7. Распад испанской монархии.

Веревка, которая связывала сердца испанцев с их королем, была прочной; но в конце концов она лопнула. Не угрозами Ришелье защищал Францию в 1636 году. Старые традиции

независимости провинций были сильны в Каталонии, и вскоре каталонцы подняли восстание в полную силу. Кто они такие, чтобы угрозами гнали их на битву, как персидских рабов гнали при Фермопилах под ударами офицеров их хозяев?

§ 8. Независимость Португалии.

Столь же тревожными были новости, которые доходили до Мадрида с другой стороны полуострова. Еще со времен Филиппа II. Португалия была неотъемлемой частью испанской монархии. В декабре 1640 года Португалия отказалась от своей верности и вновь появилась среди европейских государств под властью суверена из Дома Браганса.

§ 9. Поражение Суассона во Франции.

В руках Ришелье все процветало. В 1641 году испанские партизаны предприняли новую попытку поднять Францию против него. Граф Суассонский, принц крови, встал во главе империалистической армии, чтобы напасть на свою родную страну. Ему удалось разгромить французские войска, посланные ему навстречу недалеко от Седана. Но случайный выстрел, пробивший мозг Суассона, сделал победу бесплодной. Его войска без поддержки его имени не могли надеяться поднять страну против Ришелье. Они стали простыми захватчиками, и их было слишком мало, чтобы думать о завоевании Франции.

§ 10. Последние дни Ришелье.

Такой же успех сопутствовал французскому оружию в Германии. В 1641 году Гебриан со своей немецкой и шведской армией разгромил империалистов при Вольфенбюттеле на севере. В 1642 году он снова разгромил их при Кемптене на юге. В том же году Руссильон покорился Франции. Ришелье не менее повезло и дома. Заговор молодого придворного, последняя попытка аристократии избавиться от тяжелого правления кардинала, был раскрыт и искуплен на эшафоте. Ришелье недолго пережил свой последний триумф. Он умер 4 декабря 1642 года.

Раздел V.—Цели и характер Ришелье.

§ 1. Внутренняя политика Ришелье.

В отличие от Людовика XIV. и Наполеона, Ришелье принадлежит к числу тех немногих французских государственных деятелей, чье состояние росло вместе с их жизнями. Нетрудно установить причину. Как и у Густава, любовь к действию была смягчена крайней осмотрительностью. Но у Ришелье эти составляющие характера смешивались в разных пропорциях. Любовь к действию была гораздо менее безудержной. Осторожность была гораздо сильнее. Ни у одного человека не было более проницательного взгляда, чтобы различать условия успеха, или он не был более готов отбросить самые дорогие планы, когда считал, что они сопровождаются непреодолимыми трудностями. Храбрее сердца никогда не было. Высочайшее мужество заключалось в том постоянстве, с которым он, инвалид, годами балансировавший на краю могилы, и поддерживаемый королем, здоровье которого было таким же слабым, как и его собственное, противостоял всей мощи французской аристократии. Если он и был суров и безжалостен, то только по отношению к врагам нации, к дворянам, которые топтали ногами крестьян и крепостных и которые считали обладание властью просто главным путем к улучшению своего личного состояния. Установление сильной монархической власти было, как тогда представляла собой Франция, единственным шансом для промышленности и

торговли поднять голову, для мирного развития жизненных искусств в условиях безопасности, для свободного развития человеческого интеллекта и для защиты бедных от угнетения.

§ 2. Его замыслы осуществлены лишь частично.

Все это было в сердце Ришелье; и кое-чего из этого он достиг. Работа многих поколений была в мозгу этого человека. И все же он никогда не пытался делать больше, чем свою собственную работу. Как Бэкон очертил границы, в которых должна была развиваться наука во времена Ньютона и Фарадея, так и Ришелье очертил границы, в которых должна была развиваться французская государственная мысль во времена Кольбера и Тюрго или во времена самой великой революции.

§ 3. Народ во Франции - ничто.

"Все для народа, ничего для народа". Эта максима, приписываемая Наполеону, также воплощала политику Ришелье. В нем забальзамированы сила и слабость французской государственной мудрости. Поздний рост королевской власти и длительное сохранение аристократического гнета бросили народ беспомощным и безмолвным в объятия монархии. Они были счастливы, если кто-то оказывался достаточно сильным, чтобы взяться за их дело, не подвергая их хлопотам и риску думать и говорить за себя. Ришелье не виноват, что, будучи французом семнадцатого века, он работал в единственных условиях, которые признали бы французы семнадцатого века. Мы вполне можем представить, что он с презрением думал бы об Английской революции, которая совершалась на его глазах. И все же в Англии времен Гражданской войны люди учились не просто хорошо управлять, но и понимали, что такое хорошее правительство. Для нации было важнее научиться выбирать добро и отвергать зло, даже если прогресс был медленным, чем быть ведомым с завязанными глазами гораздо более быстрыми шагами.

§ 4. Его внешняя политика.

Внешняя политика Ришелье руководствовалась тем же глубоким расчетом, что и его внутренняя политика. Если дома он видел, что Франция больше, чем любая другая фракция, он не пришел к гораздо более возвышенному представлению о том, что Европа больше Франции, за исключением того, что он видел в системе нетерпимости, поддерживаемой Испанией, зло, с которым нужно бороться ради других, которые не были французами. Но нет никаких признаков того, что он действительно заботился о процветании других наций, когда это не совпадало с процветанием Франции. Поскольку для нынешнего поколения совершенно безразлично, будет ли в Брейзахе стоять гарнизон французов или империалистов, нам было бы излишне, если бы мы руководствовались только мотивами Ришелье, много беспокоиться о последних годах Тридцатилетней войны.

§ 5. Его поддержка растущих идей.

Но мировой прогресс не всегда достигается только за счет чистоты мотивов. Ришелье, чтобы сделать Францию сильной, нуждался в помощи, и ему приходилось искать помощи там, где можно было найти наибольшее количество сил. Обычный человек рассчитывал бы на физическую мощь армий, как это делал Валленштейн, или на идеальную силу установленных институтов, как это делал Фердинанд. Ришелье знал лучше. Он увидел, что для того, кто знает, как это использовать, в мире нет рычага, подобного рычагу восходящего дела, ибо восходящее

дело воплощает растущую неудовлетворенность людей давно укоренившимся злом, которое они научились ненавидеть, но которое они еще не научились ниспровергать.

§ 6. И о тех причинах, которые сами по себе были благими.

В Англии Ришелье был на стороне парламентской оппозиции короне. В Германии он был на стороне оппозиции князей против императора. В Италии он был на стороне независимости штатов против Испании. На полуострове он был на стороне провинций против монархии. Нет ни малейшей причины предполагать, что он хоть на йоту заботился о какой-либо из этих причин, за исключением той, что они могли способствовать достижению его собственных целей. Тем не менее, в каждом конкретном случае он выбирал те причины, с помощью которых лучше всего выражались реальные потребности нескольких стран.

§ 7. Контраст между Ришелье и более поздними французскими политиками.

Именно это отличает Ришелье от тех, кто в более поздние времена оценивал внешнюю политику Франции исключительно французскими интересами. Они брались за любое дело, которое обещало ослабить могущественного соседа, не задумываясь о том, чего это дело стоило. Они выступали за разделение Италии в 1860 году и Германии в 1870 году. Ришелье обладал более ясным пониманием природы вещей, чем это. Не может быть никаких сомнений в том, что он гораздо охотнее напал бы на Испанию и Австрию с помощью Лиги, чем с помощью Густава и протестантов; но он видел, что будущее за Густавом, а не за Лигой. Он пожертвовал своими желаниями ради своей политики. Он кокетничал с Лигой, но поддерживал Густава.

§ 8. У него нет непомерных целей.

Когда Ришелье добился своего, он был доволен своим успехом. Он никогда не стремился к большему, чем мог достичь: никогда не наносил ударов, кроме как с определенной целью; никогда не доминировал из-за простой наглости власти. Он позаботился о том, чтобы прибрать к рукам Эльзас и стать хозяином Альпийских перевалов, овладев Пиньеролем; но он никогда не мечтал основать, подобно Наполеону, Французскую конфедерацию на Рейне или французское королевство Италия. Его вмешательство в дела соседей было как можно менее навязчивым.

1643

§ 9. Смерть Людовика XIII.

Вслед за Ришелье в могилу быстро сошел государь, во имя которого он так многого добился. Людовик XIII. умер 14 мая 1643 года.

Раздел VI.—Новые победы Франции.

1643

§ 1. Правление Мазарини.

Его сын и преемник, Людовик XIV, был всего лишь ребенком. Его вдова, Анна Австрийская, претендовала на регентство и забыла, что она была сестрой короля Испании и невесткой императора, думая, что она была вдовой одного короля Франции и матерью другого. Ее министром был кардинал Мазарини, итальянец, который снискал расположение Ришелье своими деловыми способностями и полной независимостью от партийных настроений Франции. Хотя он был известен скорее умом, чем силой характера, он, по крайней мере,

стремился проводить политику своего предшественника и поддерживать преобладание короны над аристократическими группировками; и в течение некоторого времени политика Ришелье, казалось, приносила успех благодаря тому импульсу, который он ей придавал. 19 мая была одержана победа, установившая новую власть королевы-регентши, первая из длинной череды французских побед, которая продолжалась до дней Мальборо и Бленхейма.

§ 2. Испанцы атакуют Рокрой.

Испанцы перешли границу Нидерландов и осаждали Рокруа. Командование французскими войсками осуществлял герцог Энгиенский, более известный миру под титулом, который он впоследствии унаследовал от своего отца, как принц Конде. После Гастона, герцога Орлеанского, брата покойного короля, он и его отец стояли первыми в наследовании трона и по этой причине примкнули к Ришелье, когда ему противостояла большая часть аристократии. Те, кто поставил его во главе армии, вероятно, ожидали, что столь молодой и неопытный принц ограничится тем, что назовет кампанию своим именем, и оставит руководство войсками начальникам постарше.

§ 3. Гассион и Энгиен.

Старшие начальники, разведав испанские позиции у Рокруа, посоветовали Энгиену не вступать в бой. Но среди офицеров был некий Гассион, служивший под началом Густава и видевший, как крепкие легионы Тилли пали под быстрыми ударами шведского короля при Брайтенфельде. Гассион научился смотреть на этот сомкнутый строй испанцев с презрением, и он изо всех сил старался убедить Энгиена отдать приказ об атаке, и, по правде говоря, задача у него была не очень трудная. Энгиен был молод и оптимистичен, и независимо от того, был ли у него гений войны или нет, у него, по крайней мере, был гений сражений. Уже сознавая, с каким мастерством ему предстояло управлять судьбами многих сражавшихся на поле боя, он искренне принял взгляды, изложенные ему Гассионом.

§ 4. Битва при Рокруа.

Рокрой был, так сказать, вторым воплощением Брайтенфельда, одержавшим победу благодаря силе и гибкости над солидной выносливостью. Неразумное повиновение снова уступило место дисциплинированному интеллекту. Испанские массы выстояли со всей мощью средневековой крепости. В них не было непреодолимой силы. Французская артиллерия проложила себе путь сквозь ряды, а лихие атаки пехоты довели катастрофу до конца. Слава испанских армий, слава, восходившая ко временам Великого Полководца, была омрачена навсегда. И все же, если победа была потеряна для Испании, заветная честь испанского оружия была в безопасности. Один за другим воины падали в рядах, в которых они стояли, подобно английским защитникам знамени Гарольда при Сенлаке. Их предводитель, граф Фуэнтес, старик, измученный годами и подагрой и неспособный стоять, сидел в кресле, чтобы руководить сражением в кресле, составленном из его опытных войск. Смерть застала его на посту. Он сражался в старых войнах Филиппа II. Последний из долгой героической расы государственных деятелей и солдат склонил голову перед восходящим гением Франции.

§ 5. Расширение французской границы.

Затем Тионвиль был осажден. Он сдался в августе. Осторожный Ришелье удовлетворился заявлением, что он оставляет за собой право решать все вопросы о принадлежности своих завоеваний до тех пор, пока это не будет окончательно определено мирным договором. После Рокруа Мазарини не испытывал подобных угрызений совести. Тионвиль был формально присоединен к Франции. Была отчеканена медаль, на которой Надежда возлагалась на руку Победы, и на которой была начертана надпись: *Prima finium propagatic*.

§ 6. Энгинен и Тюренн.

В Германии кампания 1643 года была менее успешной. Максимилиан Баварский задействовал все свои ресурсы, и его генералы, лихой Джон из Верта и предусмотрительный Мерси, о котором говорили, что он знал планы врага так же хорошо, как если бы он заседал в их советах, были более чем равны французским командирам. 1644 им противостоял солдат более высокого уровня, чем их собственный. Тюренн был послан среди них, но его сил было слишком мало, чтобы он мог действовать успешно. Фрейбург в Брайсгау был взят у него на глазах. Брайсгау оказался под угрозой. Затем пришел Энгинен с 10 000 человек, чтобы принять командование через голову скромного солдата, который вынес на себе всю тяжесть кампании. Гордый своей прошлогодней победой, он пренебрег советом Тюренна, что лучше перехитрить врага, чем сражаться с ним на почти неприступной позиции.

§ 7. Битва при Фрейбурге.

Битва, разыгравшаяся среди виноградников Фрейбурга, была самым кровавым сражением в кровавой войне. Три дня Энгинен водил своих людей на бойню. Наконец Мерси, не в состоянии больше обеспечивать свои войска продовольствием, предпринял отступление. Французы пожинали плоды победы, которой они не добились.

1645

§ 8. Battle of Nördlingen.

3 августа 1645 года произошла вторая битва при Нердлингене. Это было почти повторение бойни при Фрейбурге. Как и годом ранее, Тюренну пришлось выполнять тяжелую работу в начале кампании с меньшими силами, и он даже подвергся проверке. Снова появился Энгинен, веселый и лихой, во главе подкрепления из отборных людей. Снова последовала ужасная бойня. Но из-за того, что Мерси был убит в начале боя, день мог сложиться для французов тяжело. Как бы то ни было, они смогли заявить о победе. Старые немецкие отряды, служившие под командованием Бернхарда, держались до последнего и вынудили врага отступить. Но успех был недолгим. Империалисты получили подкрепление, и французы были отброшены за Рейн.

§ 9. Битва при Янкове.

Тот же год начался с великолепных ожиданий по другую сторону театра военных действий. Страдающий подагрой шведский генерал Торстенсон, продолжавший дело Банера на севере, внезапно ворвался в Богемию и 6 марта нанес империалистам сокрушительное поражение под Янковом. Затем он напал на Моравию и приступил к осаде Вены, как бы желая исправить ошибку, которую было модно приписывать Густаву. Но Вена была неприступна, и Торстенсон, как и Тюренн, был вынужден отступить. Затем он попытался ослабить Брунна. Потерпев неудачу

в этом, он вернулся в Богемию, где, измученный своими болезнями, передал командование Врангелю, назначенному им преемнику.

ГЛАВА XI. КОНЕЦ ВОЙНЫ.

Раздел I.—*Стратегия Тюренна.*

1643

§ 1. Мысли о покое.

Наконец-то людям пришла в голову мысль, что пришло время положить конец этому бесцельному страданию и резне. Было безнадежно думать о том, чтобы ослабить сильную хватку Франции на Рейне; и если Швеции не удалось нанести удар в самое сердце австрийской монархии, ее нельзя было изгнать из безлюдной пустыни, которая теперь, по злему умыслу человеческих рук, простиралась от Балтийского моря далеко в глубь Германии. Давным—давно дисциплинированные силы, которые Густав привел за море, растаяли, и шведская армия теперь была похожа на другие армии - простое сборище наемников, без религии, без жалости и без раскаяния.

§ 2. Встреча дипломатов.

Время от времени заговаривали о мирных переговорах, и наконец начались приготовления к большому собранию дипломатов. Чтобы предотвратить обычную ссору по поводу прецедента, было решено, что одни из послов проведут свои заседания в Оснабрюке, а другие - в Мюнстере, что вряд ли приведет к быстрому урегулированию. 1644, 1645. Император доказал свою искренность, отправив своего представителя достаточно рано, чтобы тот прибыл в Мюнстер в июле 1643 года, в то время как шведский и французский послы появились только в марте и апреле следующего года, и только в июне 1645 года было сделано первое официальное предложение.

§ 3. Нежелание императора отказаться от всего, о чем его просят.

Все, кого это касалось, на самом деле были готовы заключить мир, но все они хотели, чтобы это было сделано на их собственных условиях. Ferdinand III. не был связан прошлым своего отца. Эдикт о реституции был не его работой. Задолго до этого он был готов предоставить протестантам все разумные компенсации. Он заявил о своей готовности включить кальвинистов, а также лютеран в религиозный мир. Он предложил вернуть Нижний Пфальц сыну Фридриха и фактически объявил всеобщую амнистию всем, кто все еще держал оружие; но он уклонился от требования, чтобы эти меры Империи рассматривались не на конституционных собраниях Империи, а на конгрессе европейских держав. Сделать это означало бы сорвать последнюю завесу с печальной истины о том, что Империя была всего лишь тенью и что государства, из которых она состояла, стали практически независимыми суверенитетами. И за этим унижением стояло другое, едва ли не менее горькое для Фердинанда. Самым гордым титулом великих императоров древности был титул Умножителя

Империи. Должен ли он был перейти к потомкам с титулом Умалителя Империи? И все же было не в его силах ослабить хватку Франции в Эльзасе или Швеции в Померании.

§ 4. Особенно Брайсгау.

И не только как император Фердинанд глубоко переживал потерю Эльзаса. Вместе с Брейсгау она образовывала одну из территорий Австрийского дома, но не была его собственной. Это было наследство детей его дяди Леопольда, и он не хотел покупать мир для себя, соглашаясь на разграбление своих племянников-сирот.

§ 5. Цели курфюрста Баварии.

Максимилиан Баварский рассматривал вопрос о мире с другой точки зрения. Для него Эльзас был ничем, и он горячо рекомендовал Фердинанду сдать его ради мира. Если вообще следовало идти на уступки, он предпочитал делать их католической Франции, а не протестантам в Империи, и он был убежден, что если Эльзас останется под властью Франции, мотив, побудивший Францию поддержать протестантов, потеряет свой главный вес. Но помимо этих общих соображений, у Максимилиана, как и у Фердинанда, был свой особый интерес. Он был полон решимости во что бы то ни стало сохранить по крайней мере Верхний Пфальц и надеялся, что добрая служба Франции поддержит его в этом решении.

§ 6. Кампания 1646 года.

Таким образом, положение Максимилиана было примерно таким же, как у Иоанна Георга Саксонского в 1632 году. Он и его главный союзник оба были готовы к миру, но его союзник настаивал на более высоких условиях, чем он был готов потребовать. И как в 1632 году Валленштейн увидел в сравнительной умеренности курфюрста Саксонии только повод для того, чтобы силой заставить его отделить свое дело от дела Густава, так и в 1646 году французское правительство решило напасть на Баварию и заставить курфюрста отделить свое дело от дела Фердинанда.

§ 7. Тюренн переигрывает баварцев.

Годом ранее курфюрст Саксонии, раздавленный и разоренный шведами, согласился на сепаратное перемирие, и теперь Тюренну было поручено сделать то же самое с Баварией. В августе он осуществил соединение на реке Лан с Врангелем и шведами, и если бы Энгийен был там, истории, несомненно, пришлось бы рассказать о другой бойне, столь же безрезультатной, как во Фрейбурге и Нердлингене. Но Энгийен находился далеко во Фландрии, осаждая Дюнкерк, а Тюренн, впервые стоявший во главе превосходящих сил, собирался преподать миру урок военного искусства. Пока враг готовился к ожидаемой атаке, укрепляя свои позиции, объединенные французская и шведская армии проскользнули мимо них и двинулись прямо в сердце Баварии, где врага не видели с тех пор, как Бернхард был изгнан в 1634 году. Этот один день, как верно сказал Тюренн, изменил весь ход событий. Дороги повсюду были открыты. Провизии было в избытке. Население наслаждалось благами мира. Тюренн и Врангель без труда переправились через Дунай. Schorndorf, Würzburg, Nördlingen, Donauwörth made no resistance to them. Только подойдя к Аугсбургу, они столкнулись с сопротивлением. У врага было время подойти. Но в советах противника не было единодушия. Баварские генералы хотели защитить Баварию. Империалистические генералы хотели защитить все еще оставшиеся австрийские владения в Швабии. Захватчикам было позволено достичь своей цели. Они

прибыли к воротам Мюнхена прежде, чем горожане узнали, что стало с армией их господина. С мрачной целью Тюренн и Врангель намеревались опустошить баварскую равнину, чтобы сделать ее неспособной поддерживать баварскую армию. Максимилиан оказался в таком затруднительном положении, какого он не знал с тех пор, как Тилли погибла при переправе через Лех. Совершенно против своей воли он подписал в мае 1647 года сепаратное перемирие с врагом.

§ 8. Последние бои войны.

Перемирие длилось недолго. В сентябре Максимилиан снова был на стороне императора. Бавария дорого заплатила за измену курфюрста. Все, что было пощажено годом ранее, пало жертвой нового опустошения. Последнее крупное сражение войны произошло при Зусмарсхаузене 17 мая 1648 года. Баварцы потерпели поражение, и работа эсминца еще некоторое время оставалась бесконтрольной. В Богемии половина Праги перешла в руки шведов, и император остался без посторонней помощи, чтобы выстоять в неравной борьбе.

Раздел II.—Вестфальский мирный договор.

§ 1. Вестфальский мир.

Фердинанд больше не мог сопротивляться. 24 октября 1648 года, за несколько месяцев до того, как Карл I вззошел на эшафот в Уайтхолле, был подписан Вестфальский мир.

§ 2. Религиозное поселение.

Религиозные разногласия в Германии были урегулированы так, как они должны были быть урегулированы задолго до этого. Кальвинизм должен был быть поставлен на ту же основу, что и лютеранство. Новый 1624 год был определен как дата, к которой должны были разрешиться все споры. Какое бы церковное пособие ни находилось в руках католиков на тот момент, оно должно было остаться в руках католиков навсегда. Церковные бенефиции, находившиеся в руках протестантов на тот момент, должны были оставаться в ведении протестантов. Католики никогда больше не смогут предъявлять притязания на епископства севера. Даже Хальберштадт, который был сохранен по Пражскому миру, теперь был потерян для них. Чтобы сделать это поселение постоянным, был воссоздан Императорский двор. Протестанты и католики должны были быть членами суда в равном количестве. И если судебный орган был таков, что никогда не давал санкции на нарушение мира, католическое большинство в сейме становилось бессильным перед злом.

§ 3. Политическое урегулирование.

В политических вопросах Максимилиан навсегда объединил Верхний Пфальц со своим герцогством Бавария, и электорат был закреплен за ним и его потомками. Восьмой электорат был создан в пользу Чарльза Льюиса, никчемного сына курфюрста Фридриха, и Нижний Пфальц был отдан ему. Швеция прочно обосновалась в устьях великих северных рек. Восточная часть Померании была передана Бранденбургу. Но Западная Померания, включая в пределах своей границы оба берега нижней Вислы, была передана ей; в то время как владение епископствами Бремен и Верден, на которые Кристиан Датский положил глаз в начале войны, дало ей господствующее положение в устьях Эльбы и Везера. Епископства Хальберштадт, Каминь, Минден и большая часть епархии Магдебурга были переданы Бранденбургу в качестве

компенсации за утрату своих притязаний на всю Померанию, в то время как меньшая часть епархии Магдебурга была передана Саксонии, при этом власть, как само собой разумеющееся, сохранила Лужицу.

§ 4. Завоевания Франции.

Франция, как само собой разумеющееся, сохранила свои завоевания. Он сохранил свою власть над австрийским Эльзасом, Страсбургом, как над вольным городом, и непосредственные вассалы империи, однако, были исключены из процесса уступки. Мощная крепость Филиппсбург, возведенная воинственным курфюрстом Тревским, получила французский гарнизон, а три епископства - Мец, Туль и Верден, которые практически находились под властью Франции со времен Генриха II Французского, теперь были формально отделены от империи. Столь же формальным было разделение Швейцарии и Нидерландов, обе эти страны долгое время были практически независимыми.

§ 5. Вопрос о веротерпимости оставлен на усмотрение немецких князей.

Значение Вестфальского мира в европейской истории выходит далеко за рамки этих территориальных изменений. То, что Франция должна была иметь на несколько миль больше, а Германия - на несколько миль меньше, или даже то, что Франция должна была приобрести военную и политическую мощь, в то время как Германия ее потеряла, - это факты, которые сами по себе не должны представлять особого интереса для других, кроме французов или немцев. То, что придает Вестфальскому миру его выдающееся место среди международных договоров, заключается в том, что он провел окончательную демаркацию между двумя религиями, разделявшими Европу. Борьба в Англии и Франции за право решать свои религиозные дела без вмешательства иностранных государств завершилась в шестнадцатом веке. В Германии он не был доведен до конца по той простой причине, что еще не было решено, насколько Германия вообще является нацией. Правительство Англии или Франции могло терпеть или преследовать у себя дома, насколько это позволяли его силы или склонности. Но центральное правительство Германии не было достаточно сильным, чтобы навязывать свою волю правительствам территорий; с другой стороны, территориальные правительства не были достаточно сильны, чтобы навязывать свою волю без оглядки на центральное правительство. Тридцатилетняя война закончилась компромиссом, согласно которому религиозное положение каждой территории было закреплено вмешательством иностранных держав, в то время как права центрального правительства были полностью проигнорированы.

§ 6. Как результатом этого стала терпимость.

Такое урегулирование ни в коем случае не обязательно было в пользу религиозной терпимости. Право курфюрста Баварии или курфюрста Саксонии силой навязывать свою веру своим подданным-диссидентам было признано еще более полно, чем раньше. Он все еще мог предоставить им выбор между обращением или изгнанием. Еще в 1729 году архиепископ Зальцбурга смог изгнать тысячи трудолюбивых протестантов из своих альпийских долин, оставив после себя пустоту, которая не была заполнена по сей день. Но если такие случаи были редкостью, то их редкость косвенно объяснялась Вестфальским миром. В 1617 году епископу, которому пришлось рассматривать вопрос о религиозных преследованиях, пришлось рассматривать его со страхом перед Кристианом Ангальтским у него на глазах. Каждый протестант в его владениях был возможным предателем, который одобрял, если не активно

поддерживал, революционные атаки соседних протестантов. В 1649 году всем этим страхам пришел конец навсегда. Епископ был бесспорным хозяином своей территории, и он мог смотреть с презрительным безразличием, если несколько его подданных обладали достаточной любовью к необычности, чтобы исповедовать религию, отличную от его собственной.

§ 7. Вестфальский мир в сравнении с Аугсбургским миром.

Возможно, можно сказать, что гарантии, данные Вестфальским миром, были, в конце концов, ничуть не лучше гарантий, данных Аугсбургским миром, но даже в том, что касалось буквы двух документов, это было очень далеко от истины. Аугсбургский мир был полон неопределенности, поскольку договаривающиеся стороны не могли отказаться от своих соответствующих желаний. В Вестфальском мире все было определено. Уклонение или неправильное толкование больше не было возможным.

§ 8. Общее стремление к продолжению мира.

Если буква двух договоров была совершенно разной, то это потому, что дух, в котором они были задуманы, также был совершенно другим. В 1555 году протестантизм был на подъеме. Мирный договор 1555 года был тщетной попыткой перекрыть прилив искусственными дамбами и заграждениями. В 1648 году прилив отступил. Линия, разделявшая протестантских князей от католических, образовывала почти точное разделение между протестантским и католическим населением. Желание обращать в свою веру, когда-то столь сильное с обеих сторон, было полностью подавлено ошеломляющей агонией войны. Вся Германия невыразимо стремилась к миру. Взаимное недоверие католиков и протестантов стало чрезвычайно притупленным. Единственным живым чувством была ненависть к тирании и поборам солдат.

Раздел III.—*Положение Германии.*

§ 1. Последствия войны.

Какой это был мир, когда он наконец действительно наступил! Какая бы жизнь ни была там под этим смертоносным напором войны, она была привлечена в лагерь. Сильный человек, потерявший все, что у него было, превратился в солдата, чтобы, в свою очередь, иметь возможность грабить других. Молодая девушка, которая в лучшие времена прожила бы жизнь в почетном браке с каким-нибудь юношей, который с детства был ее товарищем по играм у деревенского фонтана, из-за сильного голода предпочла позорную жизнь в обозе той или иной армии, которая опустошила ее дом. В последние годы войны стало известно, что отряд из 40 000 сражающихся мужчин увлек за собой отвратительных последователей из не менее 140 000 мужчин, женщин и детей, ничего не вносящих в боеспособность армии, и все они жили за счет несчастных крестьян, которые все еще умудрялись удерживать свои разрушенные поля. Если они хотят выжить, они должны украсть то, что еще можно украсть; они должны пожирать с ненасытным голодом саранчи то, что еще можно пожрать. И потом, если приходили болезни или ранения — а болезни не были редким гостем в тех лагерях, — что оставалось, кроме страданий или смерти? Да и с самими солдатами было не намного лучше. Ни один осторожный хирург не выезжал на поле боя, чтобы спасти жизнь или конечность. Ни в одной больнице раненые не получали заботливого ухода в любящих, нежных руках. Рекрутов нужно было покупать дешево, и зачисление нового солдата обходилось дешевле, чем лечение старого.

§ 2. Сокращение численности населения.

Потери гражданского населения были почти невероятными. В одном районе Тюрингии, который, вероятно, был в лучшем положении, чем большая часть Германии, до начала войны в девятнадцати деревнях насчитывалось 1717 домов. В 1649 году осталось всего 627 домов. И даже из оставшихся домов многие были необитаемы. В 1717 домах проживало 1773 семьи. Удалось обнаружить только 316 семей, занимавших 627 домов. С имуществом обстояло еще хуже. В том же районе из 1402 волов осталось только 244. Из 4616 овец не осталось ни одной. Два столетия спустя понесенные таким образом потери едва ли были возмещены.

§ 3. Моральный упадок.

И, как это всегда бывает, физическая убыль населения сопровождалась моральным упадком. Люди, привыкшие жить сильной рукой, и люди, привыкшие терпеть все от тех, кто был силен, встречались друг с другом даже в мирные дни, без того взаимного уважения, которое составляет основу упорядоченной жизни. Дворы были переполнены легкомысленными солдатами, чьим высшим стремлением было облачиться в великолепную форму и копировать последнюю моду или безрассудство, бывшее в моде в Париже или Версале. В сельской местности узколобое дворянство, лишенное знаний и культуры, властвовало над всеми вокруг и стремилось выжать из крестьянина все до последнего фартинга, чтобы сохранить внешнюю видимость высокого положения. Крестьянин, над отцом которого издевались солдаты-мародеры, не осмеливался поднять голову против требований сквайра. Бремя всеобщего обнищания тяжело легло на его плечи. Сам вид стульев, на которых он сидел, посуды, из которой он ел и пил, приобрел более грубый вид, чем до войны. Во всех слоях общества жизнь была подлее, беднее, тяжелее, чем в начале века.

§ 4. Интеллектуальный упадок еще до войны.

Если многое из всего этого было результатом войны, то что-то было вызвано предшествующими причинами. Немецкий народ в начале семнадцатого века явно уступал немецкому народу в начале шестнадцатого века. За весь ход войны Максимилиан Баварский был единственным человеком немецкого происхождения, достигшим высокого положения, но даже он не достиг первого ранга. Судьбы страны Лютера и Гете, Фридриха II. и Штейна решались несколькими людьми иностранного происхождения. Валленштейн был славянином, Тилли - валлоном, Густавус - шведом, Ришелье - французом. Наказание, понесенное расой, которая была неспособна контролировать индивидуальную энергию в рамках большой и плодотворной национальной жизни, заключалось в том, что сама индивидуальная энергия угасла.

§ 5. Трудности, унаследованные с древних времен.

Мы вполне можем предоставить тем, кому нравятся подобные задачи, работу по накоплению обвинительных статей против того или иного человека, по выяснению того, что война была полностью виной Фердинанда или полностью виной Фридриха, в зависимости от партийных чувств. Вероятно, самое мягкое суждение является также и самым верным. Поскольку национальные и территориальные институты представляли собой сущий хаос, требовалось

определенное количество политического разума, чтобы привести их в порядок, что было бы редкостью в любой стране и в любую эпоху.

§ 6. Полный распад Германии.

Что касается национальных институтов, то Тридцатилетняя война полностью уничтожила Германию. Номинально, это правда, император и Империя все еще оставались. Ferdinand III. согласно своим титулам, он по-прежнему был главой всего христианского мира, если не всей человеческой расы. Сейм по-прежнему собирался для обсуждения дел Империи.

Императорский суд, восстановленный на принципе равенства двух религий, по-прежнему собирался для отправления правосудия между сословиями Империи. Но от этих громких названий ускользала вся реальность. Власть над немецкими мужчинами на долгие дни перешла в руки князей. Князья должны были бороться друг с другом в мирное или военное время под защитой иностранных союзов; и постепенно, наполовину сознательно, наполовину бессознательно, конкурировать за лидерство в Германии с помощью интеллекта и дисциплины, которые они смогли развить под своим влиянием.

§ 7. Протестантизм спасен.

Когда настали дни этого соревнования, для Германии было неоценимым преимуществом то, что, несмотря на все остальное, протестантизм был спасен. Везде, где протестантизм прочно укоренился, со временем возникла могучая раса интеллектуальных гигантов. Гете и Шиллер, Лессинг и Кант, Штайн и Гумбольдт, а также тысячи других имен, сделавших немецкий интеллект нарицательным во всем цивилизованном мире, вышли из протестантской Германии. Когда Бавария, едва ли более двух поколений назад, осознала, что у нее нет ничего, кроме самых элементарных знаний, которые она могла бы дать своим детям, ей пришлось обратиться за учителями на протестантский север.

§ 8. Худшее для Германии закончилось.

Для Германии в 1648 году худшее было позади. Физически, по крайней мере, ей больше не приходилось страдать. Одна страница ее истории была закрыта, а другая еще не открыта. Некоторое время она лежала в бесчувственном изнеможении.

Раздел IV.—Продолжение войны между Францией и Испанией.

§ 1. Мир между Испанией и Голландией.

Для Франции 1648 год вообще вряд ли можно назвать датой. Она избавилась от войны в Германии. Но ее война с Испанией не была доведена до конца. И если Испания больше не пользовалась поддержкой империалистов Германии, то Франция в то же время была лишена поддержки гораздо более энергичного союзника. Испания, наконец, опустила свою надменную шею, чтобы принять условия мира на условиях равенства от голландской республики. Восьмидесятилетняя война в Нидерландах завершилась одновременно с тридцатилетней войной в Германии. Испания теперь могла посылать подкрепления во Фландрию морем, не опасаясь подавляющего превосходства голландской морской пехоты, и могла защищать южную границу послушных провинций, не прибегая к мерам предосторожности на случай нападения с тыла.

§ 2. Франция и Испания.

В долгосрочной перспективе поединок между Францией и Испанией не вызывал сомнений. Это было соревнование между старой системой неподвижности и нетерпимости и новой системой интеллекта и терпимости; между правительством, которое презирало промышленность и торговлю, и правительством, которое их поощряло. Но какими бы прекрасными ни были цели, которые преследовало французское правительство, по своей природе оно все еще было абсолютным правительством. Никакая свободная дискуссия не вносила ясности в его суждения. Никакое народное вмешательство не сдерживало его капризов. Оно было склонно наносить удары грубо и невежественно, ранить многие чувства и возлагать тяжкое бремя на бедных и слабых, чьи стенания никогда не достигали высоты трона.

§ 3. Фронды.

Внезапно, когда казалось, что правительство Мазарини укоренилось наиболее прочно, произошел взрыв, который угрожал изменить весь облик Франции. Возник протест в связи с ограничением прав короны, установлением конституционных свобод и свобод личности. Фрондой, как называлась партия, издавшая этот клич, из всех сил старались подражать английскому Долгому парламенту, о деяниях которого тогда гремел весь мир. Но во Франции не было элементов, на основе которых можно было бы установить конституционное правительство. Парижский парламент, желавший, чтобы его считали главным органом этого правительства, представлял собой тесную корпорацию юристов, купивших или унаследовавших должности судей; и из всех правительств правительство, находящееся в руках тесной корпорации юристов, вероятно, в долгосрочной перспективе окажется наиболее узколобой и непрогрессивной из всех возможных комбинаций; ибо дело юриста - управлять законом в том виде, в каком он существует, а не изменять его в соответствии с новыми фактами, которые постоянно всплывают на поверхность социальной и политической жизни. Юристам парламента также не повезло с их сторонниками. Парижская чернь в сочетании с группой интригующих придворных не могла создать прочной основы для здоровой революции. Было еще хуже, когда Конде, поссорившись по личному вопросу с Мазарини, поднял знамя аристократического восстания и бросился в объятия испанского захватчика. Мазарини и молодой король представляли нацию против аристократического эгоизма и интриг; и когда они заручились услугами Тюренна, исход вряд ли вызывал сомнения. В 1652 году Людовик XIV. с триумфом вошел в Париж. В 1653 году Конде вместе с испанской армией вторгся во Францию и с надеждой двинулся к Парижу. Но Тюренн был там с горсткой войск; и если Конде был преемником Густава в искусстве ведения сражений, то Тюренн был преемником Валленштейна в искусстве стратегии. Конде не мог ни сражаться, ни успешно продвигаться вперед. Осада и взятие Рокруа были единственным результатом кампании, которая была начата в надежде привести Францию к покорности.

§ 4. Война с Испанией.

В 1654 году Конде и испанцы осадили Аррас, в то время как французы осаждали Стенэ. Стенэ был взят; Аррас был освобожден. В 1655 году французы добились дальнейшего прогресса на границе Нидерландов; но в 1656 году они потерпели неудачу при осаде Валансьена.

§ 5. Франция, Кромвель и Испания.

После проведенной таким образом проверки над горизонтом появилась новая опасность. В Англии при Кромвеле возникло новое и могущественное военное государство на руинах монархии Стюартов. К Кромвелю Испания обращалась с самыми заманчивыми

предложениями. Старая английская зависть к Франции и политическое преимущество сопротивления ее растущей силе побуждали к союзу с Испанией. Кромвель мог бы возродить былую славу плантагенетов и собрать вокруг себя силы южных гугенотов. Если бы Карл I потерпел неудачу при Рошели, Кромвель мог бы прочно обосноваться в Бордо.

§ 6. Испания отказывается от условий Кромвеля.

На мгновение Кромвель был потрясен. Затем он выдвинул два требования испанскому послу. Он сказал, что у него должна быть свобода для англичан торговать в Индии и разрешение англичанам, ведущим торговые сношения с Испанией, открыто, без помех исповедовать свою религию. "Отдать вам это, - последовал холодный ответ испанца, - значило бы отдать вам два глаза моего хозяина".

§ 7. Союз между Францией и Англией.

Сокрушение религиозной и коммерческой исключительности было работой, которой Кромвель посвятил себя. Союз с Францией был заключен быстро. Высокомерная нетерпимость Испании должна была погибнуть из-за ее отказа признать новый принцип веротерпимости. Политическая терпимость Франции должна была достичь еще больших успехов благодаря признанию принципа, на котором были основаны все ее успехи с момента прихода Ришелье к власти. В 1657 году шесть тысяч Айронсайдов Кромвеля высадились, чтобы принять участие в континентальной войне. Союз стратегии Тюренна с доблестью и дисциплиной, которые сломили сопротивление в Нейсби и Вустере, был непреодолим. Той осенью капитулировал небольшой фламандский порт Мардайк. В 1658 году Дюнкерк был взят и передан, согласно договору, английским вспомогательным войскам. Но Франция тоже собрала обильный урожай. Гравелин, Ауденард, Ипр видели белый флаг Франции, развевающийся на их крепостных валах.

§ 8. Пиренейский мирный договор.

Испания была вынуждена искать мира. В 1660 году Пиренейский мирный договор, так сказать, дополнение к Вестфальскому мирному договору, положил конец долгой войне. Все преимущества мира были на стороне Франции. Руссильон и Артуа, а также Тионвиль, Ландреси и Авен, были присоединены к Франции. Еще одно условие таило в себе будущее зло. Людовик XIV отдал свою руку сестре Филиппа IV Испанского, следующей наследнице испанской монархии после болезненного младенца, ставшего впоследствии слабоумным и инфантильным Карлом II. Выйдя замуж, она отказалась от всех прав на большое наследство; но даже в то время не нашлось недостатка в авторитетных французах, которые указали бы на обстоятельства, делавшие отказ недействительным.

§ 9. Величие Франции основано на ее терпимости.

Власть Ришелье была основана на терпимости внутри страны и умеренности за рубежом. Было ли вероятно, что его преемники всегда будут подражать его примеру? Какая гарантия может быть дана, что французская монархия не отвернется от принципов, на которых зиждилась ее сила? В стране свободных дискуссий любая выгода постоянна. Когда протестантизм, или веротерпимость, или свобода печати, или свобода торговли были однажды приняты в Англии, от них уже никогда не отказались; они стали общепринятыми верованиями, относительно которых

были возможны любые колебания, за исключением отдельных людей. Множество людей, которым было бы трудно привести вескую причину, по которой они считали одно правдой, а другое - ложью, все же имели смутную уверенность в результате произошедшей битвы разума, во многом аналогично тому, как миллионы людей в мире безоговорочно верят, что земля вращается вокруг Солнца, не будучи в состоянии обосновать свою веру.

§ 10. Но это зависело от воли короля.

Во Франции было трудно допустить что-либо подобное. Терпимость была допущена там по простой воле правительства в семнадцатом веке, точно так же, как свободная торговля была допущена по простой воле правительства в девятнадцатом веке. Рука, которая давала, могла также отнять; и от молодого короля зависело решить, пойдет ли он по стопам великого министра, который расчистил перед ним путь, или же он пойдет окольными путями в своих собственных поисках.

§ 11. Нетерпимость к Людовику XIV.

Поначалу все обещало быть хорошо. Великий государственный деятель Кольбер был в начале взрослой жизни Людовика XIV. с серией внутренних реформ, наименьшая из которых порадовала бы сердце Ришелье. Налоги были снижены, пошлины, взимаемые при перевозке товаров из одной провинции в другую, уменьшились в количестве, торговля и промышленность поощрялись, отправление правосудия улучшалось; короче говоря, все, что было возможно сделать в рамках деятельности одного человека, было сделано для того, чтобы превратить Францию в процветающую и довольную страну. Но счастливое время длилось недолго. Военная лихорадка овладела Льюисом; жажда абсолютного господства вошла в его сердце. Он стал тираном и задирой Европы; и поскольку за границей он предпочитал, чтобы его боялись, а не любили, дома он не довольствовался ничем иным, как абсолютной властью как над совестью, так и над сердцами своих подданных. Нантский эдикт, изданный Генрихом IV. и подтвержденный политикой Ришелье, был отменен, а нетерпимость и преследования стали законом французской монархии, как это было законом испанской монархии.

§ 12. Судьба французской монархии.

Не для этого трудился Генрих IV. и Ришелье. Дерево, не приносящее плодов, должно быть срублено до основания, иначе оно погибнет из-за присущей ему гнилости. Когда Империя пала, когда пала испанская монархия, французская монархия, потрясенная громами Ла-Хога и Бленхейма, наконец пала, когда среди разложения Версаля она перестала выполнять какую-либо полезную работу для человека.